Артур Лазарев

ДРАМАТУРГИЯ

ББК 84(2)
УДК 82
Л 171

Артур Олегович Лазарев – писатель, поэт, публицист из г. Домодедово Московской области. Множество лет активно занимался политической, журналисткой и правозащитной деятельностью, с 2016 года полностью посвятил себя литературному труду. Является автором трёх поэтических сборников, а также ряда биографических и историко-философских работ, книг и публикаций. Член Союза писателей России. Данный сборник включает в себя авторские размышления на различные темы, а также поэтические произведения и драматургию.

Хочу поблагодарить за многолетнюю поддержку, а также помощь в издании этой книги коллектив Центральной библиотеки им. Ахматовой г. Домодедово, а также коллектив СВГБ г. Москва. В своих предыдущих книгах я имел привычку подробно перечислять всех тех замечательных людей, с которыми свела меня судьба, которые каким-то образом на меня повлияли. К сожалению, время не стоит на месте, и многие из этого списка уже растворились в Вечности. Так или иначе, я продолжаю всех помнить и эта книга в какой-то степени мой дар этой памяти.

Автор.

ISBN 978-5-9933-0100-6

© А.О. Лазарев, 2018
© Оформление vasizdast.ru, 2018

Содержание

ОЧЕРКИ И ЭССЕ

Навстречу себе---------- ---4
Лимб---------- ---11
Princeps et dominus---------- --------18
Тёмные воды---------- ---------24
Поэзия Железного века---------- ----31
Литдневник----------41

ПЬЕСЫ

Пустота----------49
Безумие----------80
Собаки----------118

ПОЭМЫ

Песни Мёртвого моря----------144
Счастье----------154

СТИХИ

С грустью и нежностью----------161
Лето Господне---------- ---------178

ОЧЕРКИ И ЭССЕ

Навстречу себе

Благодаря развитию науки в целом и астрономии в частности, благодаря тем знаниям, которыми обладает человечество, мы можем сегодня при помощи научно-познавательных передач, космических съёмок или даже собственного воображения воспарить над нашей планетой и устремиться от неё прочь во Вселенной. Таким образом мы последовательно окинем взглядом Солнечную систему, Млечный Путь, Местную группу галактик, Сверхскопление Девы, Ланиакею, Космическую паутину… Забравшись в своём сознании так далеко от родного дома, глядя на мир глазами Творца, представляя (и не представляя одновременно) все те чудовищные масштабы окружающего бытия, мы не сможем не задаться в какой-то момент мыслью: «Боже, этот мир настолько велик, что есть ли мне вообще в нём место? И если да, то какое и зачем? Я меньше песчинки в пустыне, я меньше капли воды в океане, мой голос неслышим, а тело неразличимо. Так есть ли вообще во мне хоть какой-то смысл, и кто бы заметил моё присутствие или отсутствие в этой чёрной бездне?» Затем мы вернёмся в свою собственную реальность, переключимся на окружающий мир и забудем обо всех этих переживаниях, ведь жизнь продолжается независимо от того, кто и как себя в ней осознаёт или не осознаёт вообще. Помимо людей, на этом свете живут миллионы зверей, рыб, птиц и насекомых, которые вряд ли заняты ежесекундным поиском своего предназначения. Глядя на них, глядя на деревья и траву, почву и водоёмы, можно прийти к выводу, что разумно устроенная в деталях жизнь тем не менее не имеет никакого общего разума и в целом бесцельна. Или, наоборот, возвысившись над всей этой природой, призвать в свою защиту Творца и вручить ему свои цели и устремления, этику и право, долг и призвание. Или самому почувствовать себя Творцом, которому всё дозволено… История человечества знала всякий подход. Подъём религии и искусства, науки и этики сменялся хаосом и анархией, чтобы однажды всё возродилось вновь в какой-то новой форме. Взамен великих мыслителей приходили тираны, взамен тиранов приходили религиозные фанатики, которых в свою очередь сменяли те же тираны, одетые в платья гуманизма. Я не гожусь в пророки, но мне кажется, что это будет происходить до последнего дня человечества, хотя бы потому, что та бескрайняя Вселенная, которая нас окружает, есть и у каждого внутри. И понять это – сделать первый шаг к осмыслению самого себя, того внутреннего Космоса, что ничем не уступает внешнему.

У людей поверхностных существует расхожее мнение, что химик всю жизнь проводит с колбами и пробирками, патологоанатом изучает трупы в прозекторской, астроном непрерывно глядит в телескоп, а философ, соответственно, постоянно пребывает в размышлениях о жизни и смерти. Другое расхожее мнение заключается в том, что если от первых трёх есть какой-то толк, то увлечение философа изначально бесполезно, ведь это его размышление «обо всём и ни о чём» нигде не применимо и бесперспективно. Оно не может как-то практически повлиять на нашу жизнь, да и вообще это пустая трата времени… Испытывая старую любовь к философии, я часто сталкиваюсь с такими суждениями и каждый раз задумываюсь – так ли это? Разумеется, можно сразу же вспомнить, в противовес таким мнениям, что у истоков европейской цивилизации стояли великие Сократ, Платон и Аристотель, что мировоззрение Средневековья в большей части проистекает из Блаженного Августина, что такие люди как Ницше, Гегель, Маркс, Сартр вообще сотворили Новейшее время и т. д. Но при всём этом всегда будет оставаться вопрос – зачем всё это лично мне, отдельно взятому человеку? Допустим, у меня есть образование, работа, семья, нехитрое хобби, отпуск раз в год. Что даст мне «Критика чистого разума» или теория Ницше о «смерти Бога»? Нужно ли мне это для личного саморазвития или я найду-таки во всём этом какой-то прикладной смысл? Изменит ли меня вся эта непонятная зачастую информация или я могу, как и многие, пройти мимо неё без всяких угрызений совести?

В который раз задумываясь об этом, я возвращаюсь в памяти к своему детству и вижу худого сутулого ребёнка, который смотрит в окно на будни Зазеркалья. Там, в этом Зазеркалье, бьёт ключом жизнь: сменяют друг друга идентичные спины прохожих, шумит листва, одинокая пчела перелетает с места на место, лениво плывут облака… Но худой сутулый ребёнок уже понимает, что через эту призму он видит лишь внешнюю обёртку мира, но не видит чего-то более важного, того, к чему он будет приходить всю свою жизнь. Он пытается разглядеть себя в этом Зазеркалье, но видит лишь

собственную тень, появляющуюся то там, то здесь… И он разочарованно отворачивается от окна и идёт читать книги, предпочитая делать то, что ему действительно интересно. Затем он вырастет и станет писать книги чаще, чем читать, но он ещё этого не знает. Другое дело, что он просто многое хочет знать и у него с каждым днём накапливается всё больше вопросов.

Наверное, я, как и все, когда-то спрашивал у первого встречного, почему трава зелёная, а Земля круглая, где границы Космоса и отчего люди умирают. Я просто не помню таких своих вопросов. Зато я точно помню вопрос «зачем?», который посещал меня по поводу и без, начиная от мысли «зачем я родился?» и кончая мыслью «зачем завтра просыпаться?». Наверное, мне и правда тогда было плевать на зелень травы, я воспринимал её, как и всё вокруг меня, – как данность. Такой же данностью были царившие вокруг серость и нищета, перемены погоды, телевизионные новости по вечерам, будущие походы в школу, первые друзья и враги. Всё это было где-то снаружи моей личной вселенной, а, следовательно, было малоинтересным. Куда интереснее было копаться в себе, в дебрях непоседливого разума, осознавая степень сопричастности с этим странным миром, в который меня кто-то забросил по глупой прихоти. Поэтому я тогда уже предпочитал слушать, а не разговаривать, читать, а не развлекаться, словно надеясь почерпнуть где-то некую важную информацию о том, что всё расставит по полкам. Разве что тогда всё это было неосознанно.

Моё самообразование не пропадало даром, через какое-то время я понял, что, если даже на свете нет никого, кто ответит на все вопросы бытия, то есть немало людей, которые задаются этими вопросами или задавались ими в прошлом. Для меня это понимание было, пожалуй, важнейшим актом сопричастности с этим миром, наряду с удивлением от искусства. Вообще, осознавать, что ты не один такой во вселенной, – почти такой же волнительный процесс, как осознавать обратное. Просто в первом случае получаешь больше позитивных эмоций, хотя бы в силу того, что многие вещи уже не кажутся такими монолитными и непреодолимыми. Ведь начать обсуждать проблему – это уже первый шаг к её решению, а что может быть большей проблемой, чем осмысление своего собственного бытия? Чем осознавание и идентификация той части самого себя, что и делает человека личностью? Как говорил Эрих Фромм: «Человек – это единственное животное, для которого собственное существование является проблемой».

…Наверное, это вопрос склада ума: выискивать на ровном месте камни, о которые споткнёшься. Я помню своих сверстников той поры, они с утра до ночи пропадали на футбольных полях, стройках и чердаках, то есть везде, где не было взрослых. Они хотели свободы, и, получая её, они весьма бессмысленно ей распоряжались. Просто они были нормальными детьми, которые получили своё счастливое детство. Внешне я мало от них отличался, но, помимо свободы физической, мне хотелось ещё и свободы мышления или хотя бы размышления, а это было возможно только в диалоге с теми, кто уже как минимум ступил на этот путь… Но люди чаще всего озадачены весьма примитивными вещами, такими как политика, садоводство, налоги, спорт, болезни или погода. Им попросту неинтересны и непонятны вопросы социологии, психологии, философии. Их отталкивают абстрактные нематериальные вещи, потому что эти вещи не сделают их богаче или счастливее. Они если и задаются глобальными вопросами, то лишь тогда, когда у них уже готовы ответы, которые чаще всего попросту примитивны и не имеют никакого отношения к реальности. Так, к примеру, в Средневековье во всех бедах винили колдунов или евреев, а в наши дни – мировое правительство и чей-то коварный заговор. Но хотя эти обывательские стереотипы и весьма удобны для уютного существования в своей скорлупе, они не решают никаких проблем, а лишь укореняют их. Человеку вообще свойственно стремиться к упрощению всего и вся, к постоянной классификации и упорядочению окружающего мира, что затем порождает стереотипное одноуровневое мышление. Навешивая ярлыки на людей и предметы, на явления и проявления, мы освобождаем себя от труда реального познавания и сопереживания, а, следовательно, снимаем с себя всякую ответственность. В политике это зачастую заканчивается укоренением идеологизма и концлагерями, а на бытовом уровне – пренебрежением к окружающим и замыканием в себе. Причём это свойственно даже весьма образованным и неглупым людям, которые, проделав довольно небольшой путь саморазвития, считают, что у них есть теперь законченная картина бытия и они вправе судить обо всём на свете. Воистину более всего опасны те, кто вооружён полузнанием и полуправдой… Моя любовь к философии всегда происходила ещё и оттого, что в этой самой философии нет и не может быть

никакого законченного восприятия мира, а есть, напротив, бесконечный процесс погружения, который обречён длиться с начала времён до самого их конца. И если прикладная наука занята природой и вообще всем внешним, то должен же кто-то брать на себя труд вглядываться во внутреннее, человеческое.

Здесь стоит впервые упомянуть термин «экзистенциализм» – ключевое слово всех этих размышлений, вот уже много лет олицетворяющее любимые игры моего разума. Я вряд ли сейчас вспомню, с какого момента это слово впервые появилось в моей жизни, возможно, после прочтения «Стены» Сартра или «Постороннего» Камю, – неважно. Куда важнее для меня было то, что теперь я имел точку опоры, вымышленный некогда моим подсознанием дом, в котором я всегда свой. История философии – это история тысячи рек, впадающих в одно море Познания, но это море иллюзорно и абстрактно, ведь оно не претендует ни на правду, ни на истину. Ещё Сократу приписываются слова «я знаю, что ничего не знаю», и, если философии был бы необходим девиз, то я выбрал бы этот. Подобный девиз было бы странно услышать от физика или историка, но тем и притягательна философия, что основные сферы её изучения чаще всего лежат (как и религия) вне рациональной плоскости. Ещё архаичные цивилизации задавались вопросами о предназначении человека, о его месте в этом мире, о его разуме и душе. В каждой эпохе и в каждой точке земного шара находились свои мыслители, которые брали на себя труд и ответственность на эти вопросы отвечать, многие из них даже выстраивали собственные системы мировоззрения. Однако при ближайшем рассмотрении эти системы чаще всего или акцентируются на внешних вопросах бытия и для Человека там остаётся слишком мало места, или же, напротив, они возводят Человека в некий абсолют. Если первое более было свойственно Античности, то второе – Средневековью… И только в Новейшем времени человек стал по-настоящему интересен философам как личность, тем более что у этого абстрактного человека накопилось немало неразрешимых противоречий, требующих если не ответа, то хотя бы осмысления. Этим осмыслением одним из первых попытался заняться Сёрен Кьеркегор, которого зачастую называют отцом экзистенциализма.

Сама судьба толкала этого удивительного датчанина в объятия созданного им же термина. Будучи человеком набожным, он видел расплату отца за старые грехи против Господа – один за другим тот терял своих детей. Казалось, и самому Сёрену уготована неизбежная мучительная смерть – он и жил в ожидании неё постоянно – но смерть эта немного подзадержалась, отведя философу 42 года жизни. Ничтожный, казалось бы, срок! Но если человек имеет смысл жизни и работоспособность, в этот ничтожный срок он может вложить многие и многие жизни праздных бездельников. Никто не знает, для чего именно жил Сёрен, но труды, которые он нам оставил, говорят о том, что жизнь его была как минимум не бессмысленна и полна тяжёлых раздумий и утрат. Приобретя опыт беспрестанного ожидания смерти (по независящим от себя причинам), Кьеркегор также получил опыт потери любимой женщины, но это уже был его собственный выбор. В Копенгагене долго ломали головы по поводу его резкого разрыва с Региной Ольсен, но жребий уже был брошен – с этого момента Сёрен стал практикующим философом. Одна за другой из-под его пера выходили различные работы, основные из которых – «Или-или», «Страх и трепет», «Философские крохи», «Болезнь к смерти»… В этих работах Кьеркегор на разные мотивы воспевает свою собственную философскую концепцию, в основе которой заложены такие понятия, как Страх, Отчаяние и Абсурд. В свою очередь эти понятия составляют углы пирамиды, на вершине которой Одиночество – одиночество каждого перед Богом. Эта мысль, поставленная во главу угла, сделала всё философское творчество Сёрена воистину масштабным и бесконечным для осмысления, ведь помимо того, что она затрагивает все три основные теолого-философские категории (человек, Бог, бытие), она также добавляет четвёртую – пустоту. Я имею в виду именно ту пустоту, которая находится между Богом и человеком, именно ту пустоту, что окружает каждого из нас в ходе всей жизни и которую мы пытаемся каким угодно образом заполнить. В целом же это вылилось у Кьеркегора в учение о трёх стадиях человеческого существования. С его точки зрения, на первой, эстетической стадии человек живёт одним днём, выбирая себе нескучные занятия и предпочитая красивую обложку содержанию. На второй стадии человек через призму Отчаяния приходит к разуму и долгу, предпочитая ответственность безответственности и делая свой выбор, повинуясь голосу совести. Третья стадия отмечена Абсурдом, ведь человек приходит к абсолютной Вере вопреки разуму. Это, если угодно, путь Петра и Андрея, путь святого. Но это

сравнение было бы близко нашему, православному пониманию, а Кьеркегор предпочитал анализировать Ветхий Завет. Там и нашёл он своего «частного мыслителя», которого поставил в противовес всей классической немецкой и даже греческой философии. Я имею в виду Иова. *«Вместо того, чтоб обратиться за помощью ко всемирно знаменитому философу или к professor'y publicus ordinarius, мой друг ищет прибежища у частного мыслителя, который знал все, что есть лучшего в мире, но которому потом пришлось уйти от жизни: у Иова, который, сидя на пепле и скребя черепками струпья на своем теле, бросает беглые замечания и намеки. Здесь истина выразится убедительней, чем в греческом симпозионе», –* с этой мысли Кьеркегора начинается труд Льва Шестова «Киркегард и экзистенциальная философия». Принято считать, что именно эта книга нашего соотечественника заново переоткрыла Сёрена в Европе, принеся ему не только местную, но и мировую славу. Правда, посмертную. В самом этом факте также можно усмотреть нечто библейское, ведь сами по себе пророки новых идей чаще всего при жизни остаются невостребованными. Лишь потом, когда по их следам идут всё новые толкователи, они обретают заново голос и говорят с нами через этих своих последователей, словно пытаясь донести то, что не успели при жизни. И в этом плане философия, как и всё живое во Вселенной, не умирает, но лишь вечно переливается из одного сосуда в другой.

Так, перебравшийся во Францию Лев Шестов по совету великого немца Гуссерля вдруг открыл для себя на старости лет работы Кьеркегора и был немало ими поражён. Объяснить это можно тем, что Шестов, как и его неожиданный датский «ментор», немало тяготились доминирующей гегелевской философией духа и немецким классицизмом в целом – они предпочитали устремлять взоры к античному Сократу, который прославился тем, что не исповедовал готовые философские принципы и системы, а подталкивал оппонентов к собственному размышлению о них. Второй общей чертой двух философов была крайняя заинтересованность ветхозаветными вопросами отношений Бога и человека, в частности историями Авраама и Иова, которые пронизаны экзистенциализмом насквозь. Углубляясь всё более именно в эту тему, несомненно важнейшую, Шестов и Кьеркегор всеми силами отстаивают иррациональность веры, а через это – и иррациональность всего остального во Вселенной. «Гегелевское «все действительное – разумно» есть, таким образом, вольный перевод спинозовского – nonridere, nonlugere, nequedetestari, sedintelligere (не смеяться, не плакать, не проклинать, а понимать). Пред вечными истинами равно склоняются и тварь, и Творец. Этого положения умозрительная философия ни за что не отдаст и отстаивает его всеми силами», – пишет Шестов. С его и кьеркегоровской точки зрения, как и до этого с точки зрения Паскаля, – Бог Гегеля и ему подобных является Богом философов и учёных, что убивает саму идею Веры. Сам Кьеркегор на примере Авраама рассуждал об этом так: *«Если я от всего отрекаюсь – это еще не вера – это только покорность. Это движение я делаю собственными силами. И если я его не делаю, то лишь из трусости и слабости. Но, веруя, я ни от чего не отрекаюсь. Наоборот, через веру я все приобретаю: если у кого есть вера с горчичное зерно, тот может сдвигать горы. Нужно чисто человеческое мужество, чтоб отречься от конечного ради вечного. Но нужно парадоксальное и смиренное мужество, чтобы в силу Абсурда владеть всем конечным. Это и есть мужество веры. Вера не отняла у Авраама его Исаака. Через веру он его получил»*. Разумеется, такой иррациональный взгляд на ключевые вопросы теологии не мог не привлекать известного иррационалиста Шестова, который, подхватывая клич Кьеркегора «философия началась не с удивления, а с отчаяния», видит главную задачу философии не в успокоении обывательского разума, а, напротив, в его смущении. Любая законченная логическая конструкция философии кажется Шестову изначально неприемлемой, хотя бы в силу того, что она претендует на общее потребление. Но в экзистенциализме общее – уже мёртвое, детерминированное, требующее восстания Личности. Поэтому гегельянцы и им подобные являются идеологическими врагами экзистенциалиста по умолчанию, так как они предлагают концепцию, а, следовательно, системность и самое страшное – стабильность. Да, люди нуждаются в стабильности. Они назначают себе президентов и министров, царей и императоров, римских пап и даже Бога для гарантий какой-то высшей справедливости и хотя бы относительного покоя и гармонии. Но стоит признать, что это и правда убийство в известной степени всех вышеуказанных институтов, ведь в конечной точке это приведёт к миру кукол и зеркал, где одно безжизненное смотрится во второе. Не это ли мы наблюдаем каждый день? Люди заходят в церковь на праздник поставить свечку, потому что так надо. Они ставят

её, повторяют пару заученных молитв и с чистой совестью отправляются далее по своим делам, совершив некий будничный акт. Но эта вера механистическая, не требующая никакого шевеления души или накала эмоций. И такая вера есть некая насмешка над страстями Христовыми, тем паче в Гефсиманском саду, где в человеческом отчаянии человеческими устами повторялись слова Господа: «Да минет меня чаша сия». Так же люди иногда ходят на выборы, стачки и митинги, где они то с бюллетенем, то с листовкой в руках определяют, как им кажется, своё будущее. Но если перед ними встанет выбор – умереть за свою идею и принципы или вернуться домой – то они без раздумий выберут второе, потому что цена жизни – это тот предел, за который никому не хочется переступать... Чаще всего и не жизни даже, а просто некоей зоны комфорта, которой человек не в силах поступиться.

Поэтому пример Авраама и сына его Исаака – это не просто победа веры, это победа абсурдизма, победа иррационального. А что же с Иовом? В известной степени он оказывается в той же ситуации отчаяния ввиду открытого давления на него высших сил. В той же степени он должен ощущать бессмысленность или как минимум несправедливость происходящих с ним событий. Имевший некогда всё, теперь Иов нищ, одинок, болен и презираем. Он оказывается один на один со всем миром и с самим собой, дни его уже исчислены, и, видимо, самое время отречься от всего и во всём разувериться. Думаю, каждый человек хотя бы раз в своей жизни пребывал в подобной ситуации, ситуации запредельного отчаяния. В подобном состоянии люди чаще всего ломаются и ещё более топят себя своими переживаниями и поступками. Казалось бы, это относится и к Иову, который сначала принимает всё происходящее с ним стоически, но затем призывает к ответу самого Бога. Тем не менее Иов не сломлен, и не сломлен по причине той же веры, что заставляла Авраама воздеть нож над Исааком. Он продолжает верить в своего Создателя и в создателя своего былого счастья, поэтому он не хулит его по советам жены и не отдаёт ему всё на откуп по советам друзей – он понимает, что в уравнение его жизни, да и всей вселенной вкралась какая-то ошибка, и он хочет узнать об этом от первоисточника, от Бога. И то, что окружающим кажется кощунственным, – для Иова и самого Бога является абсолютно нормальным. Проще говоря, так же как вера Авраама даёт право на смирение, так и вера Иова даёт право на справедливость. Кьеркегор не просто прочувствовал экзистенциальный ужас и абсурдизм двух ветхозаветных ситуаций, но он ещё и уравнял их в известной степени между собой, показал, насколько религиозное переживание может быть разносторонним и тем не менее действенным. Да, в какой-то момент можно подумать, что это абсолютная теология или схоластика, но ведь и Сёрен Кьеркегор – религиозный мыслитель, видевший бытие через призму Божественного начала. Будучи идейным продолжателем Паскаля, он заглянул немного дальше своих знаний и ощущений, чтобы погрузиться в мир, отражающий человеческое и Божественное под не виданными доселе никем углами. И достойным эпилогом жизни Сёрена звучат его собственные слова: *«Истина – это не то, что ты знаешь, а то, что ты есть. Истину нельзя знать, в ней можно только быть или не быть»*. Возможно, это тот самый ответ, которого не дождался префект Иудеи Понтий Пилат.

Религиозный экзистенциализм, как мы видим на примере Льва Шестова и Николая Бердяева, нашёл своё развитие и в России, хотя оба этих философа напрямую к этому течению себя не причисляли. Не причислял себя к этому течению и Фёдор Достоевский, что тем не менее не умаляет его заслуг в данной философии. Вообще творчество Фёдора Михайловича, как и сама его личность, экзистенциальны насквозь, а в экзистенциализме личность чаще всего неотделима от творчества. Так, мы помним, что Достоевский имел опыт того, что К. Ясперс называл пограничной ситуацией – той ситуацией, когда человек оказывается в состоянии сильнейшего стресса, например ввиду неотвратимой смерти или потери чего-то крайне существенного. Эта пограничная ситуация заключалась для Ф. Достоевского в виде наброшенной на шею петли и чудесного спасения благодаря отмене в последний момент смертельного приговора. Естественно, что для любого человека такое событие будет считаться как минимум вторым рождением и вообще переломным моментом всей жизни. Так случилось и с великим русским писателем, ведь таковым он стал именно после данного инцидента. Рефлексия – то, что отличает персонажей Достоевского, – вырастает именно из той снятой с шеи петли, когда будущий писатель, только что смотревший на мир в последний раз, начал смотреть вокруг глазами новорождённого. В такой ситуации для него наверняка не последним был вопрос «зачем?», а именно – зачем я остался на этом свете, чем я отличаюсь от тех, кто его только что покинул, и кто я вообще теперь такой? Этот и все прочие вопросы, которые могут возникнуть в голове условного Лазаря,

восставшего из мёртвых, являются вопросами самоидентификации, осмысления себя в той реальности, которая пропитана экзистенциальным абсурдизмом. Не случайно такой же самоидентификацией бредит и известнейший герой Достоевского Родион Раскольников – тварь я дрожащая или право имею? Этот вопрос в будущем даст Сартру пищу для многих размышлений, но в парадигме Достоевского всё предрешено – Раскольников (как и его создатель) находит утешение в Боге. Отсюда можно сделать неутешительный для многих вывод, что тварь дрожащая права не имеет, ведь это противоречит высшему императиву в лице Творца и низшему в лице собственной совести. Ещё один персонаж Достоевского, Иван Карамазов, повторяет душевные переживания Раскольникова, приходя к старой как мир формуле «если бога нет, то всё позволено». Можно вспомнить также и князя Мышкина из романа «Идиот», и прочих персонажей Фёдора Михайловича, рефлексирующих на темы самопознания и внутренней свободы. Этот глубоко религиозный писатель, по примеру Христа, приходит не к тем, кто счастлив и прекрасен, а к им же созданным заблудшим овцам, чтобы с невозмутимостью патологоанатома вскрыть их глубинные пороки и переживания. «Без Бога вы мертвы, и я могу это доказать», – говорит Достоевский каждым своим произведением. Поэтому все его герои – неплохие в общем-то люди – обречены на ад внутри себя, покуда не увидят свет в конце тоннеля и не пойдут ему навстречу... Или же, напротив, не пойдут от него прочь? Ведь и с христианской, и с атеистической точки зрения человек свободен и волен сам выбирать, как и для чего ему жить. То есть, покончив со своей самоидентификацией, приняв себя в той или иной роли, человек выходит на следующий уровень – как распорядиться этой своей ролью. И здесь он вступает в прямые отношения с вопросом свободы. Стремящийся к абсолютной свободе человек рано или поздно освободит себя не только от давления внешнего мира, но и от внутренних надсмотрщиков в виде Бога, совести, морали, этики и т. д. Такой человек скажет: «Я самодостаточен, я могу стать кем пожелаю или оставаться тем, кто я уже есть, – мне не нужны никакие боги и их культы, я сам бог своего бытия, я ограничен лишь временем, но не целями и средствами». Вопрос Раскольникова для такого человека потеряет смысл, ведь нет никакой дрожащей твари и все права в наличии. Эта точка зрения весьма распространена, особенно после философской революции Фридриха Ницше, который считал, что индивид сам вправе соизмерять свою нравственность в зависимости от ситуации. Как раньше шутила советская интеллигенция: «Иногда дать человеку по лицу – это преступление, иногда – это необходимость, а иногда и подвиг». Так вот условный ницшеанец, помимо выбора, давать или нет кому-то по лицу, ещё и самостоятельно делает выбор, как это оценивать, а, следовательно, сознательно отстаивает данный выбор, не отвлекаясь на чьё-то постороннее мнение. Как мы знаем в итоге философия Ницше стала вдохновителем фанатиков Третьего рейха, но на мой взгляд это говорит не о низком уровне данной философии, а о низком духовном уровне её потребителей, которые смогли лишь пройти по верхам и взять только то, что они сами посчитали нужным.

Здесь наступает время атеистического экзистенциализма, ключевыми фигурами которого выступают известные французы: Альбер Камю и Жан-Поль Сартр (стоит, правда, отметить, что атеизм этой школы весьма условен – дело не в том, что кто-то из атеистических экзистенциалистов верит или не верит в Бога, дело в том, что они просто абсолютно под другим углом смотрят на эту проблематику). Оба этих мыслителя не были философами в общем понимании этого слова, они, как и Ф. Достоевский, большинство своих мыслей поместили в литературные труды, будь то пьесы, романы, повести, рассказы. Тем не менее влияние их на европейскую и мировую философию трудно переоценить, ведь и тот, и другой мало того что развили уже имеющиеся наработки экзистенциализма, но и придали им вид относительно законченной системы. С точки зрения А. Камю, для индивида, для личности мир враждебен (продолжение идеи Кьеркегора), мир обессмыслен, а, следовательно, абсурден. *«Бывает, что привычные декорации рушатся. Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме — вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос «зачем?». Все начинается с этой окрашенной недоумением скуки».* Регулярное столкновение с абсурдом ставит перед человеком выбор смирения с абсурдом или бунта против него. Среди категорий взаимодействия с абсурдом Камю рассматривает такие как: принятие, «прыжок веры» и самоубийство. Принять окружающий абсурдизм – это согласиться сосуществовать с ним так, словно ничего и не происходит. «Прыжок веры» подразумевает уход к религиозным догмам в поисках защиты и надежды,

что сам Камю не одобрял и считал фактически трусостью. Самоубийство же, по сути, просто отказ играть по каким-либо правилам, отказ от игры вообще, последний экзистенциальный акт. Его французский философ также не одобрял, считая этот акт лишь усилением абсурда. Он считал, что, если в жизни в какой-то момент и нет смысла, то его можно искусственно создать или отыскать. Отдельной строкой нужно выделить понятие «бунта», в рамках которого можно рассматривать всю активную жизнедеятельность индивида. Здесь позиция Камю диалектична: признание бунта как такового в историческом процессе (войны, революции) имеет негативный окрас, а частный бунт, например творчество, оценивается философом более положительно. Но эту мысль следует развернуть более широко: мир абсурден и отчуждён, следовательно, я принесу в него свой смысл и таким образом уже противопоставлю себя этому миру. Индивид Камю, окружённый со всех сторон абсурдным бессмысленным миром, тяготящийся скукой и тоской, а также собственной противоречивостью, имеет тем не менее право на экзистенциальную свободу, ведь он сам – смысл и проявление. Распорядиться этой свободой индивид может как угодно, другое дело, что Камю предупреждает от глупостей, будь то насилие или прочее возвышение себя над другими индивидами. Альбер, выросший в нищете и медленно умирающий от туберкулёза, стоит на гуманистических позициях, его собственный «бунт» интеллектуален, но не репрессивен.

В философии Сартра экзистенциальная свобода также стоит на первых ролях, с его точки зрения человек «осуждён быть свободным». Эта фраза вытекает из той мысли, что индивид не может повлиять лишь на выбор рождения и смерти, а всё, что происходит между этими событиями, – его личный выбор. Сартр считает человека вечным процессом, усилием, которое творит его будущую вариацию. Никто не рождается Гитлером или Ганди, вначале человек есть ничто, которое затем может чем-то стать, но для этого необходим непрерывный труд. Отсюда и известный философский постулат – экзистенция предшествует эссенции, существование предшествует сущности. Быть человеком – это всю жизнь прилагать к этому усилие. Для этого, собственно, и нужна экзистенциальная свобода, ведь её утрата приведёт к обезличиванию, смерти. В современном обществе эта свобода просто необходима, ведь с самых ранних лет до конца жизни индивид окружён агрессивным информационным полем, навязывающим свои стереотипы, принципы и мнения. Эта социализация личности в конечном итоге если не разрушает её, то как минимум детерминирует, лишает своего мнения и собственного будущего. Но сартровский индивид и есть свобода и мнение, а, следовательно, он сам должен отвечать как за своё развитие, так и за все последствия. У Сартра (как и у Камю) мир обессмыслен, чужд и холоден человеку, поэтому внести в него смысл может только свободный выбор, но этот выбор должен быть достоин своего автора и всего общества. Ведь на той же самой Второй мировой войне убивал миллионы людей не лично Адольф Гитлер, а его солдаты, и Сартр не уставал это подчёркивать. Вообще всё его творчество при ближайшем рассмотрении – это культ свободы. В этом нет ничего странного, учитывая, что весь современный экзистенциализм вырос из двух мировых войн, а также бесчисленного количества революций и потрясений.

Уже в конце XIX века становится понятно, что мир на пороге колоссальных изменений: индустриальная революция, закат викторианской эпохи, а также марксизм, фрейдизм, дарвинизм и ницшеанство меняют весь онтологический портрет своего времени. Осмысление происходящего не успевает за переменами, чувство потерянности и страха находит отражение в искусстве, а затем и выливается в конфликт общества и «эпохи переходного времени», оканчивающийся Первой мировой войной и русской революцией (которые логично рассматривать как звенья одной цепи). Если применять к этому событию диалектику Гегеля, то оно не выглядит выходящим за рамки необходимого и вообще кажется весьма объективным, что, разумеется, не оправдывает всех участников этого противостояния. Тем не менее этот шок для всего человечества послужил отправной точкой для выстраивания новой системы отношений для всех субъектов Новейшего времени, будь то государства, общества, индивиды и т. д. Окончание Первой мировой вызвало небывалый позитивный всплеск мирового самосознания, давало колоссальные надежды на будущее. Однако вышеупомянутые философские зёрна, посеянные ещё в XIX веке, взошли именно в это время, разделив общества на классы, расы и прочие равнодушные ко всему человеческому категории. В итоге это вылилось в новый конфликт, унёсший жизни многих десятков миллионов, что влияет на нашу цивилизацию по сей день. Современный экзистенциализм рождался именно в тех горнилах перманентной мировой войны, войны

за обезличивание человека. И рождался он как противоядие от этих людоедских нападок на человеческое самосознание. Именно поэтому свобода выбора, приобретённая через максимальный эмоциональный всплеск, через опыт критической ситуации так важна в этой философии и не теряет своей актуальности. Именно это и объединяет Паскаля и Кьеркегора, Бердяева и Шестова, Достоевского и Кафку, Хайдеггера и Ясперса, Сартра и Камю, а также многих и многих прочих мыслителей разных времён. В конце концов, вся история человечества является отражением самоопределения каждого из нас, живущего вчера, сегодня или завтра на этой удивительной планете. Мы не знаем, кто дал нам эту жизнь и кто её рано или поздно заберёт, но мы точно знаем, что творим её сами, и кто бы ни стоял рядом с нами в момент того или иного выбора, что бы ни довлело над нами – в конечном итоге всё зависит только от нас самих. «Никто не заменит меня перед Богом», – говорил Кьеркегор; «Флобер, может, и буржуа, но не каждый буржуа – Флобер», – говорил Сартр. Экзистенциалисты вообще любят яркие запоминающиеся цитаты…

Разумеется, всё вышесказанное является лишь отображением моих собственных взглядов и предпочтений, я вполне допускаю, что ничего из этого не имеет большой практической ценности и вообще мало кому интересно. Но я знаю, что эти размышления являются важной частью моей жизни, а, следовательно, как минимум для одного человека это имеет повседневный смысл. Я также знаю, что я далеко не идеальный человек, и в моей душе, как и во всякой другой, воистину «бездна размером с Бога». Но я искренне пытаюсь её заполнить, и, как мне видится, выбираю для этого не худший материал. Внутри самого себя я всё тот же худой сутулый ребёнок, но этот ребёнок уже не боится абсурдности и отчуждённости бытия, одиночества, смерти или забвения. Он оставил своих чудовищ позади и устремился за новыми смыслами своего существования, понимая, что никто, кроме него, их не придумает.

И это всего лишь выбор, как и любой другой выбор, который мы обречены совершать ежесекундно. Чистить ли зубы, пить чай или кофе, идти ли на работу или сказаться больным и потратить время на чтение, перебраться в другую страну или остаться навеки дома, забыть всех или устремиться к людям… Это всё выбор разной степени сложности, но каждый сам несёт за него ответственность и именно этим и делает свою жизнь – жизнью.

Лимб

Мы все когда-то в далёком детстве сидели у ночного костра в окружении друзей и пляшущих теней, выслушивая леденящие кровь истории про живых мертвецов и прочую чушь. Мы слушали мрачные рассказы древних старух о домовых и ведьмах. Мы читали Лавкрафта, Гоголя и Эдгара По, чтобы прикоснуться к их мистическим и потусторонним мирам. Мы верили в любые сказки, ведь окружающая жизнь была слишком обычной и нудной, а для голодного детского разума она была попросту скучной. Потом мы росли, и по мере нашего взросления страхи и суеверия отходили на второй план, уступая место тягостям той самой серой и скучной жизни... Но как бы мы ни взрослели, как бы ни менялись по ходу лет, нас по старой памяти продолжает страшить темнота вкупе с одиночеством. Нас продолжают пугать кошмарные сны и чья-то смерть, не говоря о своей собственной. Мы по традиции сторонимся чёрных кошек и избегаем числа 13, словно бы это может на что-то повлиять. Кто-то даже всерьёз верит, что его соседка или тёща – ведьма. И дело не в том, что нас не оставляют детские переживания. Нам просто хочется верить, что в этом мире есть что-то ещё, кроме рутинных будней. Какая-то высшая сила, которая самим фактом своего существования может разнообразить этот тесный для любой личности мирок, в котором мы все обречены находиться. Эта сила для кого-то является развлечением, для кого-то объектом исследования, а для кого-то последней надеждой, будь то служители культа, колдуны, целители или гадалки. Но на вершине этой «магической пирамиды» всегда будет находиться Тот, кто является последней инстанцией, Тот, кто сотворил этот мир и Тот, кто однажды его разрушит. Мы зовём его Богом.

Пожалуй, это одна из важнейших философских проблем – Бог создал человека или человек Бога? Так или иначе, стоит признать, что, если бы Бога не было, то вопрос о его «изобретении» всё равно не стоял бы ни перед одним обществом, так как окружающий нас мир всегда был и будет несправедлив, жесток и алогичен, а следовательно нужно дополнить его хоть чем-то, что даёт надежду и вообще последнее прибежище тоскливому разуму. Собственно, наши далёкие предки так и поступали, охотно

творя себе богов на все случаи жизни или заимствуя их у соседей. Поэтому не особо удивительно, что во всём мире нет такой территории, которая была бы населена вечными атеистами. Даже самые отсталые и замкнутые в своём развитии племена и народы, которые относительно недавно попали под прицел учёных, имеют свои собственные культы и обряды. Разнообразие этих мировых ликов креационизма так велико, что остаётся лишь поражаться общечеловеческой (или Божественной?) фантазии, столько всего перепробовавшей за несколько тысяч лет. Но ещё более поражает сходство всего этого дела в некоторых ключевых вопросах. Например, трудно найти такой народ или племя, где Бог был бы одиноким создателем и правителем всего окружающего бытия (лично я такого не припомню). Обычно Бог окружён целым пантеоном сущностей, которые в той или иной степени ему прислуживают. Также у Бога всегда или почти всегда есть какие-то антагонисты, которые либо уравновешивают Свет и Тьму, либо попросту восстали на своего Творца, дабы получить свою порцию славы и власти. А ещё нельзя не вспомнить о «самоубийстве Бога» или его пророков, которое частенько фигурирует в самых различных мифах. Про последующее «поедание своего Бога» можно и не упоминать, полагаю, все помнят о таинстве евхаристии. С логической точки зрения, с рациональной точки зрения всё это выглядит полным абсурдом. Однако религия (как область веры, а не познания) всегда иррациональна, поэтому, если поглядеть на неё с другого угла, возможно всё выглядит не так уж и глупо.

У каждого человека свои отношения с Богом. Как говорил герой известного фильма: «Одни верят, что Бог есть, другие верят, что Бога нет. И то и другое недоказуемо». Я родился в Советском Союзе, в том государстве, где атеизм сам был чем-то вроде религии. Я прекрасно помню, как бабушка вешала по разным углам иконы и прочие атрибуты христианства, как дед затем её за это отчитывал. Признаюсь, выслушивать их вечные теологические споры было весьма забавно, ведь начинались и заканчивались они примерно так:

– Выкинь ты уже эти картинки!

– Побойся Бога!

– Да нет никакого Бога! Юрка летал, Юрка видел… Нет там ничего!

– А что, Он, по-твоему, на Луне сидеть должен? Или на Марсе?

Прекрасный образец столкновения мистического и логического мышления, я бы даже сказал, образец классический. Ведь не только у меня дома шла вечная битва сциентизма с христианством, такие баталии происходили повсюду, и на каждой советской кухне гремели одни и те же тезисы. Но потом Союз рухнул, и слова, когда-то сказанные Хрущёвым про последнего попа в телевизоре к 80-му году, стали звучать как минимум иронично. Церкви стали расти вокруг как грибы после дождя, а вместе с ними всякие салоны чёрной и белой магии, торговые точки для гадалок, ворожей, сектантов и прочих шарлатанов. Войну с коммунизмом, войну с несвободой христиане выиграли, впереди была война со свободой, которая идёт по сей день. И, как признают сами служители культа, – эта война является самой сложной. Впрочем, я почти не сомневаюсь в будущем Христовой церкви, ведь она за долгие века своего существования переживала и не такое. Были гонения римских императоров, были расколы и реформации, испытание прогрессом, атеизмом и т. д. Церковь успешно пережила все внешние трудности, больше пострадав от внутренних. Проще говоря, главный враг соборной церкви – сама её соборность, которая вмещает в себя миллионы абсолютно разных людей со своим видением Божественного начала. Не отсюда ли все эти богословские споры, которые начались ещё при жизни Иисуса? Впрочем, и это ещё полбеды, ведь если мировая соборность и не разрушит однажды до основания здание Веры, то это уж точно сделает эсхатология, которая завещана нам основателями Веры, и которая является её краеугольным камнем. Тот самый миф об Апокалипсисе, который многие века, да и сегодня, не даёт покоя многим экзальтированным верующим и которым, по Писанию, однажды всё закончится. Всё это касается не только церкви Христовой, но и любой другой религии, подразумевающей «воскресение мёртвых и жизнь будущего века».

Я не помню, с чего начиналась моя вера, но я прекрасно помню, как она менялась и трансформировалась по ходу лет, то исчезая напрочь, то возвращаясь с новой силой. Знакомое чувство, не правда ли? Лет до 7-8-ми я вообще плохо понимал, о чём идёт речь, когда смотрел на иконы или слышал обрывки чьих-то молитв. Затем это на несколько лет сменилось издёвкой и насмешкой над теми, кто причислял себя к верующим. Они казались мне несовременными и жалкими людьми, вечно

выпрашивающими чего-то у церковной свечки или выцветшей картинки. Затем пришёл интерес сразу ко всему подряд, и я с упоением читал богословские книжки и даже заучивал какие-то молитвы. Забавно, но тогда религия казалось мне простой и понятной, видимо, в силу того, что я и не ставил каких-то вопросов. Я был простым потребителем религиозных услуг, не задумываясь особо, к чему это всё и зачем. Говоря языком экономистов, на мой спрос было предложение, а качество услуги меня не интересовало. Но по мере получения всё новых знаний об этом мире и о самой религии вопросы стали появляться, и сказать, что у меня в голове (и в душе) есть законченная картина бытия, я уже не мог.

Здесь мне стоит сделать небольшое отступление и напомнить самому себе в первую очередь, что, как крещёный человек, я осознанно или неосознанно имею отношение к христианству. В силу этого стоит также напомнить, что христианство стоит на двух больших китах, коими являются Священное Писание и Священное Предание. Проще говоря, Писание – это книги Ветхого и Нового Завета, а Предание – это последующий за ними духовный опыт Церкви и её апологетов, который включает в себя жития святых, их молитвы и т. д. В сумме эти два компонента должны отражать смысл Церкви, её историю и устремления. Отчасти так и происходит, но Предание тут явно перевешивает, ведь и сегодня многие верующие предпочитают обращаться со своими проблемами не напрямую к Богу или Богородице, но к различным святым, будь то Николай Угодник, Матрёна, Серафим Саровский, Сергий Радонежский… Возможно, это происходит в силу того, что эти заступники исторически и ментально находятся ближе к нам, чем тот же Иисус Христос, да и чисто географически они не так далеко. К примеру, в Троице-Сергиеву лавру куда быстрее и проще добраться простому русскому человеку, чем до земель далёкой Палестины. Опять же не стоит забывать глубоко мистическое сознание среднерусского человека, в котором прекрасно уживаются языческие, христианские и прочие сверхъестественные элементы. Ведь все мы вышли не из городов, а из сёл, хуторов и деревень, где и по сей день бросают через левое плечо рассыпанную соль, избегают чёрных кошек и занавешивают зеркала в доме покойника…

Но и в Писании, и в Предании нас, разумеется, больше всего привлекают чудеса – всё то, что «весомо, грубо, зримо» вторгается в наш рациональный мирок и даёт новую пищу для удивления и размышления. Любая религия без чудес мертва, тем она, собственно, и отличается от учения. При этом чудо не обязательно может быть сплошь метафизическим. В исламе, например, главное чудо – это Священный Коран, а для буддиста, к примеру, важнейшим чудом будет сам мир, окружающий нас. Собственно, поэтому буддизм и принято причислять более к учению (философии), чем религии. Но бывают и более очевидные феномены. К примеру, в православии немало чудес связано с мироточением икон, нетлением мощей, различными знамениями и явлениями. По сути большинство из этого является возвышением Предания, обретением им собственного символизма. Такое же возвышение Предания (подчас в ущерб Писанию) есть и в католицизме, но там, в отличие от православия, мистики и чудес не боятся, а, наоборот, жаждут.

Наверняка кто-то слышал о местечке Лурд во Франции. Это небольшой городок с населением около 15 тыс. человек. Примечателен этот городок тем, что ежегодно он принимает около 5 млн туристов со всего мира, которые едут туда, чтобы своими глазами увидеть место явления Богородицы. Эта история, по мнению католической церкви, произошла в 1858 году в гроте Масабьель. Нищая и необразованная 14-летняя девочка Мария Бернарда (Бернадетта) 11 февраля собирала дрова возле грота, как вдруг увидела, что он озарился светом и стоящий перед ним куст шиповника заколыхался, словно от ветра. Внутри светящегося грота находилось «что-то белое, похожее на барышню». Эта «барышня» являлась ещё несколько месяцев и упорно не хотела себя называть, да и вообще разговаривать, однако затем поддалась на уговоры девочки и заявила, что она «Непорочное зачатие». Этим она шокировала не только Бернадетту, но и местного священника, к которому Бернадетта затем обратилась. Он решительно не мог понять, откуда тёмный, нищий ребёнок знает о догмате папы Пия IX «О Непорочном зачатии Девы Марии», которому всего-то четыре года. За время своих посещений Лурда «Непорочное зачатие» призывала к покаянию, искупительным жертвам, а также открыла источник в глубине грота, который и по сей день считается у католиков целебным. При этом стоит отметить, что на Бернадетту эти встречи с «барышней» произвели сильнейшее впечатление – она стала монахиней и в прямом смысле ела землю, чтобы искупить свои и чужие грехи. В возрасте 35 лет она

умерла от туберкулёза, чтобы затем стать одной из важнейших бусин в чётках католицизма. В 1925 году её нетленные мощи (как утверждают католики) были помещены в реликварий Невера, а в 1933 году она была канонизирована. Сегодня ей молятся как святой, а места её встреч с «барышней» ежегодно привлекают миллионы туристов и паломников. Кто-то даже исцеляется от своих недугов, омывшись водой из Лурдского источника. Опять же, по мнению католической церкви.

Подобная история, правда, более известная и масштабная произошла спустя несколько десятков лет близ португальского городка Фатима. Трое детей-пастушков – Лусия, Жосинта и Франсишку – в 1917 году также сподобились явления им некоей женщины, которую они называли «дама». Впрочем, их мистический опыт начался ещё за год до этого. Девятилетняя Лусия, самая старшая из детей, по собственным воспоминаниям, перебирала чётки, когда увидела облачко в форме человека. Так повторялось несколько раз, пока ко всем троим детям с деревьев вдруг не спустился сияющий белым светом человек, который представился им ангелом-хранителем Португалии. Он призвал детей молиться и просить извинения у Бога за всех, кто не верит и обижает его. Летом он явился им снова и на этот раз призвал совершать во славу Бога жертвоприношения. После его визитов дети жаловались друг другу, что у них абсолютно нет сил и настроения что-либо делать, тем не менее они ждали новой встречи. Она состоялась осенью, когда светящийся человек явился им с гостией и чашей, с которых лилась кровь. Оставив эти предметы висеть в воздухе, светящийся человек предложил детям ещё раз помолиться, а затем поучаствовать в обряде евхаристии, что они и сделали. Больше этот дух никак себя не проявлял, но 13 мая 1917 года им явилась уже сама «дама», которая вышла из дуба, также сияя белым светом. Она сказала детям, что пришла с небес, а также попросила их являться на это же место каждый месяц 13 числа, мол, тогда она и представится им и скажет, что от них хочет. Помимо этого, она поведала детям о судьбе двух недавно умерших в городке девушек (одна в раю, другая в чистилище), а также призвала их молиться по Розарию и никому пока не рассказывать про всё, что они видели. Дети, правда, проболтались, вследствие чего этой историей заинтересовались местные жители и представители церковных и светских властей. Жители разделились на два лагеря – одни свято верили чуду, другие яростно отрицали. Светские власти были озадачены растущим в Фатиме культом, но ещё больше был озадачен католический священник, который, выслушав детей, долго пожимал плечами, а затем изрёк: «Я не знаю, что сказать и что со всем этим делать…» Тем временем от детей начали требовать чуда, которое бы подтвердило их слова, и это чудо случилось. 13 октября на поле у дуба собралось около 70 тыс. человек, которые стали очевидцами явления, названного потом «танцем солнца». Как утверждали все эти люди, солнце начало быстро перемещаться в небе, меняя свои цвета, а затем им показалось, что оно падает на землю. Уверен, что все они тогда пожалели о выпрашивании каких-то чудес, потому что им почудилось, что пришёл их смертный час. На этом явления Фатимской «дамы» прекратились, а Жосинта и Франсишку вскоре умерли, как и обещала им их таинственная знакомая. Лусия, в отличие от них, прожила очень долгую жизнь, став монахиней, как и Бернадетта из Лурда. Она и открыла тайну трёх посланий человечеству, которые были даны ей «дамой». Первой тайной было видение ада, второй – необходимость посвящения России непорочному сердцу Марии, а насчёт третьей спорят до сих пор. Разумеется, как и в случае с Лурдскими явлениями, Фатима стала теперь одним из центров туризма и паломничества, а «дети Фатимы» признаны католической церковью святыми.

Что же общего у двух этих историй? Первым делом бросается в глаза, что Богородица (если это была она) – истовая католичка. Стоит вспомнить хотя бы, что она признаёт существование чистилища, примат папы Римского и молитвы по Розарию. Затем мы видим, что она предпочитает являться детям и общаться только с ними, однако общение это довольно одностороннее, ведь даже имени своего она так и не называет. Также, судя по всему, она не признаёт Иисусовой и Господней молитв, так как и в Лурде, и в Фатиме молитвы у неё были свои. Но самое главное – это предельная экзальтация, которая сопровождает обе истории и которая в целом свойственна католичеству. Не удивительно, что в православном мире отношение к этим явлениям, мягко говоря, спорное. Но я упомянул здесь лишь о двух чудесах, а ведь были ещё подобные явления в Междугорье, Испании, Франции и, конечно же, в Зейтуне, где светящийся силуэт над куполами церкви наблюдали миллионы людей. На основании всего этого замечу, что, если бы я хотел постоянного мистического опыта, то подался бы в католицизм.

Но меня как относительно агностически мыслящего человека всё это скорее настораживает, чем восхищает.

Выше я написал, что, в отличие от православия, на Западе не боятся, а жаждут мистики и чудес. Но так ли уж сильно в своём стремлении приобщиться к чуду отличаются православные от католиков? И тут на память приходит ещё одна занимательная история, произошедшая в Куйбышеве. Эта история известна как «стояние Зои». По легенде, некая комсомолка в новогоднюю ночь 1955 года осмелилась станцевать с иконой святителя Николая Чудотворца, и в процессе этого действа вдруг замерла и застыла в одном положении на несколько месяцев. По той же легенде, врачи ничем не могли ей помочь, как, впрочем, и все окружающие во главе с партработниками. О дальнейшей судьбе девушки ходили и ходят самые разные слухи, но до сих пор непонятно: имела ли место вообще вся эта история? Не осталось ни фото-, ни видеозаписей, ни непосредственных очевидцев… И это при том, что поглазеть на «дом Зои» и на саму Зою в тот год приходило едва ли не всё население города. Не знаю, насколько верующими были все эти люди, но в чём им точно нельзя отказать, так это в колоссальном любопытстве. Не это ли любопытство является первопричиной возникновения мифов Лурда, Фатимы, Зейтуна и т. д.? Ещё Аристотель говорил, что философия начинается с удивления, и, видимо, с этого же начинается и религия. Где бы ни жили люди, какой бы они ни были расы, пола, возраста, – они хотят торжества таинственного и неизведанного, даже если за этим будет крыться расчётливый обман. Поэтому какой-нибудь ловкий фокусник, легко исчезающий с глаз и так же легко появлявшийся обратно, или талантливый физик, окутавший себя паутиной молний, будут вызывать интерес даже после своей смерти. Чего уж там говорить о каких-нибудь предсказателях или экстрасенсах? Что же касается упомянутого мной отсутствия фото- и видеозаписей, то это вечная проблема любого чуда, превращающая его в мистификацию. Независимо от того, что и где произошло, независимо от того, сколько людей были очевидцами, – мы чаще всего не видим никаких реальных доказательств, а если что-то и имеется, то это, скорее всего, то, что принято называть косвенными уликами. Скептики улыбаются, глядя на размытые фотографии или слушая рассказы свидетелей, легковеры, напротив, верят всему, даже не имея подчас на это особых оснований. Истина же, как всегда, порхает где-то высоко в небе и не торопится попадаться в наши силки.

«Плохи наши дела, совсем плохи… Богородица ходит по миру. Скоро конец». Эти слова я услышал ещё ребёнком от одной старушки, сидевшей на земле возле часовни. Она бормотала их себе под нос, не обращаясь ни к кому определённому, впрочем, никто её и не слушал. Люди равнодушно шли мимо по своим делам, да и мне, впрочем, было всё равно. Но слова эти почему-то остались в памяти. Богородица ли ходит по миру? И если да – что мы знаем о ней и о её Сыне? Может, там на небе хотят от нас совсем не того, что мы привыкли думать? И если Бог справедлив, то всё ли мы знаем о справедливости? Так сложнейшая дилемма, стоявшая перед Иовом и Авраамом, через века доходит и до нас.

Вообще подобные вопросы интересуют не только нас, детей Новейшего времени, те же самые вопросы ставились и в Античности, хотя тогда и не было ещё мировых религий (кроме разве что локальных культов). Рождались эти вопросы не на пустом месте, а также в моменты столкновений с необъяснимым. Обратимся за подробностями к римскому историку Титу Ливию: *«…В Луканию, как сообщали, пылало небо; в Приверне при безветренной и ясной погоде целый день стояло в небе багровое солнце; в Ланувии в храме Юноны Спасительницы внезапно послышался среди ночи оглушительный грохот; все чаще то животные, то женщины приносили зловещий мерзкий плод: в Сабинской области явился на свет младенец непонятного пола, не мужского и не женского; отыскали и еще одного двуполого, дожившего уже до шестнадцати лет. Во Фрузиноне родился ягненок со свиной головой, в Синуэссе – поросенок с человечьей; в Лукании на общественном поле – жеребенок о пяти ногах. Безобразные эти создания казались гнусными порождениями запутавшейся природы. Наибольшее отвращение вызывали полумужчины-полуженщины, их приказали тотчас же вывезти в море, как поступили уже однажды с такими чудищами незадолго до того, в консульство Гая Клавдия и Марка Ливия»*. Также у Тита, Плутарха и других античных историков можно прочитать о кровавых дождях, потеющих статуях, летающих в облаках привидениях и прочей чертовщине. Забавно, но античные люди, что называется, нутром чуяли, что всё это подразумевает гнев богов и, следовательно, стоит принести им очистительные жертвы, которые что ещё более занимательно, чаще всего

срабатывали. Забавность эта на мой взгляд состоит в том, что сегодня то же самое мироточение воспринимается большинством не как признак грядущих бед, а как благость. Масло, стекающее с икон, бережно собирают в различные сосуды, чтобы потом прикладывать к больным частям тела или даже пить. Думаю наши античные предки пришли бы в ужас от самой мысли о подобных действиях. Однако вернёмся к очистительным жертвам. Если боги в том или ином смысле эти подношения не принимали, то любое готовящееся начинание отменялось до лучших времён. Когда же люди пренебрегали гневом богов, последствия могли быть печальными.

К примеру, вышеупомянутый Ливий, а также Цицерон, Светоний и др. в своих трудах упоминали о военачальнике по имени Публий Клавдий Пульхр, который в годы первой Пунической войны не очень удачно провёл ауспиции перед морской битвой с карфагенянами – священные цыплята отказались есть корм, и он попросту выбросил их за борт. Расплата не заставила себя ждать, битва при Дрепане закончилась самым болезненным поражением римлян за всю войну. Возможно, Пульхру стоило прислушаться к богам и перенести битву на более благоприятное время, но также возможно, что всё это лишь красивая сказка призванная усилить религиозные настроения. Также на память приходит Плутарх, который сохранил для нас детали Парфянского (последнего) похода Марка Красса (53 до н. э.), в котором мистики (если верить автору) было больше, чем боевых действий. Когда только Красс пытался выехать из Рима на эту войну, народный трибун Атей поставил у городских ворот жаровню и, «*воскуряя фимиам и совершая возлияния, начал изрекать страшные, приводящие в трепет заклятия и призывать, произнося их имена, каких-то ужасных, неведомых богов*». Амбициозный Красс тем не менее отправился в порт Брундизия, где из-за неспокойного моря потерял много судов и людей. Но и это не остановило его – собрав остатки войск, он двинулся дальше. Затем, уже в самой Сирии, дурные знамения стали посещать Красса регулярно. Сначала он упал, споткнувшись, выходя из храма вместе с сыном Публием, затем все гадатели на жертвоприношениях стали регулярно давать ему «дурные и неотвратимые предзнаменования». Следующий отрывок Плутарха стоит прочесть целиком: «*В то время как Красс переправлял войско через реку у Зевгмы, много раз прогрохотал небывалой силы гром, частые молнии засверкали навстречу войску, и ветер, сопровождаемый тучами и грозой, налетев на понтонный мост, разрушил и разметал большую его часть. Место, где Красс предполагал разбить лагерь, было дважды поражено молнией. Одна из лошадей полководца в блестящей сбруе увлекла возничего к реке и исчезла под водою. Говорят также, что первый орел, который был поднят, сам собою повернулся назад. И еще совпадение: когда после переправы солдатам стали раздавать еду, в первую очередь были выданы чечевица и соль, которые у римлян считаются знаками траура и ставятся перед умершими. Затем у самого Красса, когда он произносил речь, вырвались слова, страшно смутившие войско. Ибо он сказал, что мост через реку он приказывает разрушить, дабы никто из солдат не вернулся назад. Он должен был бы, почувствовав неуместность этих слов, взять их обратно или объяснить их смысл оробевшим людям. Но Красс со свойственной ему самоуверенностью пренебрег этим. Наконец, в то время как он приносил очистительную жертву, и жрец подал ему внутренности животного, он выронил их из рук*». Казалось бы, после стольких негативных знамений стоило как минимум переосмыслить своё положение, но и в те времена амбиции и самоуверенность зачастую перевешивали здравый смысл. Ту войну Красс проиграл, оставив в сирийских песках более 30 тыс. римских легионеров, а его отрезанная голова ещё долго развлекала парфянского царя Орода II.

В этой грустной истории можно разглядеть пример «коллективного чуда», когда есть цепь негативных, но при этом вполне объяснимых событий: падение полководцев у храма, разрушение ветром моста, разворачивающийся штандарт, неправильно подобранные перед боем слова, дрожащие во время жертвоприношения руки… Любое из этих событий в отдельности вряд ли бы испугало даже самого мракобесного римлянина тех лет (не говоря о современном человеке), но в сумме эти события являлись заочным приговором всей кампании. Что, собственно, и вышло в итоге.

Так что разнообразные проявления иррационального преследуют человечество (и, видимо, будут преследовать) всю его задокументированную историю. Другой вопрос – как вообще к ним относиться? Любой богослов скажет, что чудеса бывают не только от Бога, но и от дьявола. Это та самая область, которая недоступна учёным, но вполне освоена различными теологами. И мы снова упираемся в столкновение рационального и иррационального: верить или нет? И если да – то кому и зачем?

Наверное, это тот самый момент, когда стоит поговорить не о Предании, а о Писании. Большинство из нас хотя бы раз пролистывали Новый Завет и понимают его смысл и концепцию. Эту концепцию можно объяснить в нескольких словах, ключевыми из которых будут Любовь и Спасение. Проще говоря, полюби этот мир таким, какой он есть, полюби его Создателя, и ты спасёшься. Вникая чуть глубже, можно вспомнить основные заповеди и принципы образцового христианина, которые также весьма просты. Нельзя воровать, убивать, прелюбодействовать и т. д. Тоже, в общем, ничего сложного или противоречивого. Однако задаваться вопросами начинаешь по мере более глубокого погружения в евангельские тексты, а затем и по мере сопоставления их с собственной картиной бытия. Стоит ли подставлять под удар вторую щёку? Стоит ли отказываться не только от радостей жизни, но и от помыслов о них? Стоит ли отрицать собственный разум в угоду вере, если и то и другое даётся Богом? И самое актуальное сегодня – как сопоставить времена Первоотцов с нынешними временами? Если этих вопросов мало, то предлагаю пролистать наконец Пятикнижие Моисея, проще говоря, Ветхий Завет или Тору. Да, это не самое простое чтение, но незабываемые впечатления от него гарантированы, ведь любящий, всепрощающий Бог скорее покажется вам суровым отчимом.

Да и что вообще мы знаем о религии? Большинство «верующих» заходит в церкви и храмы лишь пару раз в год по большим праздникам. Некоторые даже не скупятся на свечки и поминальные записки, кто-то даже готов отстоять всю службу. Но спросите у этих людей – читали ли они вообще Библию, готовы ли назвать основные различия христианства с другими религиями, любят ли они своего Бога? Вряд ли большинство ответов вас удовлетворят. Но ещё лучше – предложите любому такому «верующему» прожить хотя бы с неделю, уподобившись первым христианам времён Калигулы, Клавдия и Нерона. А именно – отказаться от имущества, посвятить себя посту и молитвам, претерпевать побои, насмешки и т. д. Вряд ли кто-то, если и согласится, то продержится более двух дней. Дело в том, что чаще всего мы наследуем в своей вере предкам, но не приходим к ней в силу собственного экзистенциального опыта. Мы консервативны в своих религиозных воззрениях, но мы слабы в теории и практике того, что называется духовным опытом. Мы готовы сделать одолжение мёртвой бабушке, соседям или самим себе и постоять пару часов со свечкой в руке под монотонное пение священника, но нам и в голову не придёт впитать это в себя на сто процентов и сказать – это моя вера, и я посвящу остаток жизни её возвышению. Мы весьма снисходительны к собственной религии, удивляясь потом, что наш Бог нас не слышит. Но ведь и мы не так много делаем, чтобы Он услышал нас.

И не каждый ли из нас задумывался об этих вещах только после наступления негативных событий? Болезни, депрессии, войны, смерть близких – обычно это лучшие миссионеры в этой вселенной, потому что, когда человек живёт в счастье и достатке, ему и незачем об этом думать. Но любая религия подразумевает посмертную жизнь и, следовательно, наказание за ошибки. Вряд ли я ошибусь, если скажу, что именно это удерживает многих из нас от разных глупостей, к примеру, самоубийства. «*Не мир, но меч принёс вам*!» – говорил Христос и был абсолютно прав. Религиозные чувства нужны не только для того, чтобы утешать страждущих, но и для того, чтобы держать их в духовном напряжении, отсекая путь к абсолютной личностной свободе, что подчас не так уж и плохо. Ведь такая свобода на практике способна привести к обесцениваю объекта познания, а затем и кризису самого субъекта познания, результатом чего обычно является тотальное разочарование и как следствие самоубийство.

Словно дамоклов меч, эти религиозные чувства висят над нашим подсознанием и обращаются к нам в те или иные моменты жизни, не говоря уже о чувствах нравственных, этических и т.д. Но если есть меч, то должен быть и щит, и таковым щитом является философия. Имея то общее с религией, что называется духовной культурой, философия в отличие от бескомпромиссной веры, всегда имеет путь для отступления. И так же как верующий становится не один, попадая в храм, так и книжный человек обретает неплохую компанию в лице условных Аристотеля, Ницше, Сартра или любого другого мыслителя, который уже светил своим фонарём в этот тёмный и бесконечный коридор Непознанного.

Я не помню, с чего начиналась моя вера, но я точно знаю, что она никогда не иссякнет полностью, равно как и не достигнет апогея. Это так хотя бы в силу того, что мне знаком опыт смертельного отчаяния и утешения в нём, которое мне давали мои надежды. Я не учёный и не богослов, я простой человек, которому бывает грустно и страшно, одиноко и безысходно. Я понимаю, что, кроме меня, на

этой затерянной во Вселенной планете живут ещё миллиарды таких же существ, которые вольны в своём выборе, но которые (по большому счёту) мало что могут изменить. Поэтому, когда в нашу хрупкую жизнь приходит что-то непоправимое и невыносимое, мы обречены взывать к этой бескрайней Вселенной, чтобы там, внутри неё, кто-то услышал нас и откликнулся на эти обречённые мольбы о помощи. Но пока этот чёрный час не пришёл, пока мы ещё относительно сильны и беспечны, мы боимся признаться себе как в собственной вере, так и в безверии. Боимся хотя бы потому, что после этого что-то придётся навсегда поменять в себе и своей жизни, придётся взять на себя многие обязательства. Ведь мало кто готов всерьёз прослыть богоотступником, равно как и посвятить остаток жизни монастырским стенам. Поэтому мы и дальше будем заигрывать с потусторонними силами ровно настолько, насколько они оставляют нам свободу выхода из этой игры. Если Бог есть Любовь, то стоит помнить, что любовь самое амбивалентное чувство. Не оттого ли столь же двойственна и наша вера?

Одно лишь можно утверждать с уверенностью – наш Бог знает нас куда лучше, чем мы его. И пока мы тысячелетиями пытаемся разложить на атомы окружающий мир, разобрать на детали непонятное нам бытие, Он вряд ли пребывает в хорошем настроении. Ведь независимо от того, одиноки или нет мы во Вселенной, грядёт или нет посмертная вечность, – эту свою жизнь, величайший и уникальный дар, мы проживаем так, словно она никогда не закончится. Но она коротка, плюс полна нереализованных надежд и страданий. И порой осознание этого приходит уже слишком поздно. Ведь каждый хотел бы вернуться назад и начать сначала, не так ли?

В западном богословии некогда был такой термин – лимб. В представлении средневековых католиков в этом месте, где-то между раем, чистилищем и адом, пребывали некрещёные или прочие души, которые не заслужили ни благоденствия, ни наказания... Так вот, мне порой кажется, что это место не на небе, а на земле. Все мы здесь, разгадывая извечные ребусы философии и богословия, словно погружены чьей-то волей в лимб собственных надежд и иллюзий, которые время от времени лопаются, как мыльные пузыри, оставляя нас в ещё больших раздумьях.

Princeps et dominus

Сто лет Новейшего времени. Пятьсот лет Нового времени. Полторы тысячи лет Средневековья. Две с половиной тысячи лет Античности.

Эти условные цифры напоминают нам о нашем пути, проделанном ради торжества гуманизма и цивилизации. В этом пути трудно разглядеть точку А – она сокрыта от нас во тьме веков. Точку В разглядеть ещё сложнее, ведь, хоть мы и находимся сейчас на ней, субъективность познания делает эту задачу очень трудной, если не невозможной. Опросив на улице десяток людей, мы услышим самые разные мнения о существующей сегодня на планете геополитической и экономической ситуации, такими же разными будут мнения и о России. Кто-то выскажет мнение о возвращении многополярного мира, кто-то даже скажет о возвращении Российской империи, кто-то, напротив, будет более скептичен и напомнит об изоляционизме русского мира западным сообществом. Если же мы спросим этот условный десяток людей о более глобальных вещах, например, об историческом векторе развития цивилизаций в целом, попросим их сравнить далёкие и не очень далёкие от нас эпохи, то ответы будут также различаться, хотя и с известным обобщением. Большинство наверняка ответит, что человечество заметно прогрессирует последние столетия, происходит машинизация труда, мир делается более открытым и глобальным, с каждым годом происходят всё более революционные открытия в самых разных областях знаний, в том числе космологии и медицине. Эти условные десять опрошенных, независимо от их пола, возраста, образования вряд ли станут спорить с тем, что наше общество более гуманно и развито, чем общество средневековой или античной Европы, не говоря о Востоке. Но так ли это на самом деле?

Да, та цивилизация, которую мы сегодня с гордостью представляем, была построена нашими руками по нашему образу и подобию, она предлагает образование, систему здравоохранения и конкуренцию на рынке труда. В этой цивилизации есть предложение всему, на что имеется хоть какой-либо спрос, эта цивилизация обладает обширным и доступным арсеналом информации, накопленной за тысячи лет. Но идеальна ли эта цивилизация? Тот же самый условный десяток респондентов ответит, что нет. В чём же проблема? Возможно, не все смогли интегрироваться в этот новый

открытый мир? Может, кто-то недоволен качеством товаров и услуг или просто не может себе их позволить? Кто-то чувствует себя одиноким и несчастливым в глобальном информативном мире мегаполисов? Можно долго рассуждать о свалившихся на современного человека вызовах и проблемах, но в первую очередь, на мой взгляд, стоит задаться вопросом управления человеческими и природными ресурсами, порассуждать об устройстве той колоссальной и бездушной машины, винтиками и шестерёнками которой мы все являемся на планете Земля. Иначе говоря, порассуждать о диктатуре.

Любая власть в той или иной степени является диктатом, это заложено в самую её основу. Уравновешивая общественные, политические, экономические и прочие процессы, власть берёт на себя ответственность перед гражданами за их качество и уровень жизни. Когда же появляются антигосударственные или антисоциальные элементы, власть пользуется данным ей законодательством правом применять силу для их сдерживания или ликвидации. Это хорошо пояснил ещё Томас Гоббс в своём «Левиафане», где ключевая мысль заключается в том, что безвластное общество обречено на «войну всех против всех». У «Теории общественного договора», впервые сформулированной Гоббсом, есть как сторонники, так и противники. Но и те, и другие обычно сходятся в двух вещах – мир абсолютной свободы является утопичным (какая-то форма власти всё равно необходима), и недовольное большинство имеет право на восстание (если власть себя дискредитирует, она лишается всех привилегий и должна быть низложена). Теперь хотелось бы порассуждать об этом более детально.

Несмотря на колоссальные знания, собранные историками и археологами, мы вряд ли вспомним первого диктатора в человеческой истории. Тем не менее мы можем опереться на опыт относительно цивилизованной Античности и вспомнить, как обстояли с этим дела, например, в хорошо изученном республиканском Риме. Мы помним из истории, что Римская республика сама по себе возникла как реакция на тиранию. После легендарного Ромула, основавшего Вечный город в 753 году до н. э. и единолично им правившего, был период Семи царей. Эти цари (которых, видимо, было больше семи) обладали разными характерами и амбициями, но все они внесли свою посильную лепту в дело процветания Рима – кто-то из них вёл завоевательные войны, кто-то предпочитал развивать архитектуру, кто-то закладывал основы религиозных культов и т. д. И лишь последний царь, Тарквиний Гордый, остался в римской памяти как деспот, который попирал все нормы и законы, а затем был изгнан из принадлежавшего ему города. Все его злодеяния точно не известны, но, так или иначе, Тарквиний на многие столетия привил римлянам ненависть к автократии. С его побега, а затем разгрома на поле боя сыны и дочери Рима начинают новую страницу своей истории – республиканскую форму правления. Эту новую форму можно сформулировать четырьмя буквами SPQR, что означает «сенат и народ Рима». Говоря сегодняшним языком, Рим из монархии стал парламентской республикой. Основные черты этой республики, которая именуется ранней, сформировались в V веке до н. э. Поздняя Римская республика берёт отсчёт с середины III века до н. э., когда мы видим стремительный рост и возвышение Рима над всеми известными ему геополитическими оппонентами. Повержен Карфаген, покорена Испания, затем и греческий мир становится частью большого римского мира. К началу I века до н. э. Рим возвышается настолько, что может позволить себе вести масштабные боевые действия одновременно на разных фронтах, в том числе и внутреннем. Так, в 71 году до н. э. Республика внутренними силами подавляет масштабное восстание Спартака, в то время как Помпей Великий со своими легионами усмиряет Сертория в Испании, а Лукулл – Митридата Понтийского в Малой Азии. Как сказал бы Маркс, Рим проводил империалистическую политику, хотя и не был ещё формальной империей. Но это было лишь делом времени.

Здесь стоит сделать небольшое отступление и взглянуть на римскую магистратуру повнимательнее. Высшими выборными должностями в годы Республики были: два консула, преторы (в разных количествах), два цензора, четыре эдила, четыре квестора, десять народных трибунов. Нужно учитывать, что после Суллы количество вышеуказанных магистратур не раз менялось. Назначаемыми же (в особых случаях) считались: диктатор, командующий конницей, интеррекс, децемвиры, военные трибуны. При самом первом рассмотрении этих бюрократических ступеней бросается в глаза две вещи – все ключевые должности Республики были выборными, и ни одна из них не обеспечивала концентрации абсолютной власти, а также на чёрный день предусматривалась должность диктатора,

который хоть и имел свободу принятия решений, но назначался на строго ограниченный срок и был впоследствии подотчётен сенату и даже римскому суду. Логичным выглядит и количество консулов (два), ведь римляне считали, что вдвоём консулы смогут уравновешивать друг друга как на поле боя, так и в мирное время. Не случайно консулы были обязаны распускать свои армии, возвращаясь с победой в Рим. Собственно, так всегда и происходило до появления Суллы, который не только не распустил свои армии, но и с их помощью сделал себя диктатором. Диктатура Суллы принесла немало бед самым разным социальным группам, но она же и упорядочила римскую жизнь, завершив войны и зародив новую аристократию. Эта новая аристократия в лице Красса, Помпея и Цезаря, основав триумвират, в будущем уничтожит сулланскую конституцию и подготовит республику к имперской форме правления. Но никто из триумвирата, кроме разве что Цезаря, не сможет воспользоваться в полной мере плодами своих политических побед. Красс погибнет на парфянском фронте, Помпей и Цезарь падут жертвами устроенной ими же гражданской войны. Только племянник Цезаря, Гай Октавий, известный как Октавиан Август (Божественный), смог сполна вкусить почти абсолютной императорской власти. Юный участник второго триумвирата, мстящий вероломным республиканцам Бруту и Кассию, а затем и Марку Антонию, этот юноша смог сделать то, о чём тайно мечтали все римские бюрократы до него. Он вклинил себя в механизм Республики таким образом, что этот механизм фактически стал продолжением его воли, формально оставаясь республиканским. И здесь мы приходим к первому интересному вопросу – почему гордое римское общество на это согласилось?

Мы помним догмат из философии Гегеля, что история – это не цепь случайных событий, а, наоборот, торжество закономерности, неизбежности, в центре которой находится мировой разум. Какие же закономерности, какая же неизбежность и чей разум вернули гордую Римскую республику к автократии? Для ответа на этот вопрос нужно вернуться к началу поздней Республики, к тому самому времени, когда Рим осознал стоящие перед ним геополитические вызовы и стал серьёзно ими заниматься. Каким было тогда римское общество? Каковы были его идеалы и ценности? Из рукописей Тита Ливия, Плутарха и других историков мы узнаём о консерватизме ранней Республики, а также о наборе качеств «идеального римлянина», который можно было сформулировать словом «Virtus». Насколько я знаю, это слово не имеет точного перевода, но в него традиционно вкладывают такие смыслы, как мужество и добродетель. При этом мужество здесь явно играет далеко не последнюю роль, так как Римская республика с первых своих дней была весьма милитаризированным обществом. Говоря проще, можно привести в пример легендарную Спарту, где жизни и судьбы граждан ставились в угоду Отечеству, а быт был весьма прост и невзрачен. Римляне эпохи ранней и средней Республики прекрасно понимали, что такое Отечество, и готовы были направлять всю свою «Virtus» на его благо, во всяком случае, в ранней, да и поздней римской мифологии мы находим этому немало примеров. Чего стоит только один случай, когда молодой римский патриот Гай Муций Сцевола, по легенде, сам сжёг свою правую руку на глазах этрусского царя Порсены, угрожавшего ему пытками. Неизвестно, насколько это было правдой, но на подобных мифах (достойных Спарты) воспитывались многие поколения римлян. Также ранняя Республика не знала роскоши. Вернее, роскошь, если и имела место в отдельных семьях, то не демонстрировалась напоказ и уж тем более ей не кичились. В «Истории от основания Города» Тита Ливия упоминается, что консул Корнелий Руфим, предок Суллы, был изгнан из сената за то, что у него было 10 фунтов серебряных изделий. Можно вспомнить и пример Сципиона Африканского, легендарного победителя Ганнибала. Он недолго почивал на лаврах своей победы, так как был заподозрен в присвоении многих военных трофеев и предпочёл суду добровольное изгнание, в котором и умер. Кстати, это весьма напоминает историю прославленного советского маршала Жукова, и во многом это не случайно… Так или иначе, подобных случаев из ранней (да и поздней) Республики можно привести множество, но ситуация заметно меняется, когда Рим становится мировой державой.

Мы по себе знаем, что победители иногда сталкиваются с более высоким уровнем жизни побеждённых, да и вообще эта тема не нова в мировой истории. По преданию, Александр Македонский, войдя в походную палатку разбитого им Дария, произнёс: «*Вот это, по-видимому, и значит – царствовать!*» Выросший в греческой скромности полководец был изумлён увиденной им роскошью. Наверное, что-то подобное чувствовали и римляне после взятия Карфагена. Всегда воевавшие за интересы Отечества, они начали понимать, что в этом мире существуют не только

духовные блага. Вообще падение Карфагена можно рассматривать как некую точку отсчёта роста римской коррупции. Как пишет Саллюстий, уже в 111 году до н. э. нумидийский царь Югурта, уезжая из Рима, восклицает: «*Продажный город — тебя весь можно было бы купить, если бы нашёлся покупатель!*» Через полвека Рим становится продажным абсолютно, в первую очередь морально. Политика Республики утрачивает свою публичность, и государственные дела решаются уже не в стенах сената, а в атриях палатинских домов. «Virtus» уходит в прошлое, уступая место предприимчивости и амбициям. Римские оптиматы, столетиями охранявшие нравы и устои, теперь теряли своих лидеров, в первую очередь Помпея и Красса, которые прекрасно почувствовали дух времени. Эти двое вместе с Цезарем ощущали себя с каждым годом всё более вольготно, уже открыто заявляя о разделе сфер интересов всего государства. В апреле 56 года до н. э. в современной Тоскане прошла встреча триумвиров, на которой присутствовал весь цвет римской аристократии. Считается, что именно там была сформирована и одобрена новая доктрина развития Республики – известный и неизвестный мир делился на троих с молчаливого согласия элит. Вопрос о переходе на имперские рельсы уже не стоял, стояли другие вопросы – когда это случится и под чьим руководством? Ждать пришлось недолго, ровно через 10 лет после этой встречи Цезарь получил десятилетнюю диктатуру, а его главные идейные оппоненты, такие как Катон Младший и Метелл Сципион, покончили с собой. Ещё через два года не стало и самого Цезаря, а Республика снова увязла в гражданских войнах. Но начало было положено, бессрочная диктатура в лице Октавиана и его потомков уже маячила на горизонте.

Так почему же гордые римляне безропотно приняли единоличное управление? Единого ответа здесь быть, видимо, не может, но, исходя из кратко описанного выше исторического процесса, одна вещь точно кажется несомненной – римляне просто устали. Смута и неразбериха во внутренних делах, череда гражданских войн, возросшие амбиции элит истощили моральные силы Республики, подорвали многовековые устои самого римского общества. Нет, Республика не стала слабее, она не рассыпалась на части, как СССР спустя две тысячи лет (всё это случится уже с Римской Империей), но она стала другой. И это не заслуга одного только Октавиана, который немало потрудился для её блага, это заслуга всех тех, кто, сам того не ведая, готовил ему дорогу. Некоторые историки берут за точку отсчёта публичное убийство сенаторами Тиберия Гракха в 133 году до н. э. Кто-то же считает, что Республика «посыпалась» после сулланской гражданской войны 83-82 годов до н. э. Можно вспомнить и упоминавшуюся уже встречу в Тоскане, где обустраивали своё будущее триумвиры. Так или иначе, здесь трудно не согласиться с Гегелем: случайные события при ближайшем рассмотрении выглядят звеньями одной цепи. А что же Октавиан?

Октавиан Август был не самым одарённым полководцем, большинство его военных успехов принадлежит Агриппе... Но политиком Октавиан был весьма способным, это и позволило ему оставаться у власти более полувека – абсолютный рекорд римской истории. И где же были в это время гордые республиканцы? Почему никто не повторил «подвиг» Брута и Кассия? Ответов несколько. Во-первых, самые активные «патриоты Республики» уже почили на фронтах всех отгремевших гражданских войн, а те, кто остался в живых, предпочли приспособиться к новому порядку вещей. Во-вторых, порядок вещей был не таким уже и новым – Октавиан формально не требовал себе царских или божественных почестей, он считал себя первым среди сенаторов (принцепсом), только и всего. Другое дело, что он умело создавал собственный культ чужими руками и направлял общественное мнение в нужное ему русло (до боли кого-то напоминает). А в-третьих, Август дал народу самое необходимое: хлеб, зрелища и стабильность. Ну и, конечно же, он боролся за соблюдение старых традиций, достаточно вспомнить известный указ, призывающий граждан появляться на Форуме в тогах, а не в плащах. Был ли Октавиан на самом деле таким добродетельным «отцом Отечества», вряд ли знали даже его близкие, но он должен был им быть – как в угоду бюрократическому аппарату, так и в угоду толпе. Стоит признать, что октавиановский «медийный образ» был выбран безукоризненно и до самой его смерти работал на ура. На всех его изображениях, дошедших до нас, мы видим молодого устремлённого человека. Его статуи и фрески тиражировали во всех римских провинциях, чтобы каждый гражданин Империи имел представление о своём Императоре. На монетах изображались его достижения, даже самые спорные (как, например, возвращение Парфией штандартов Красса). Он был повсюду и не был нигде, он неуловимо прошёл по десятилетиям, «приняв Рим кирпичным, а оставив

мраморным», как он сам о себе сказал в своих «Деяниях». Он покровительствовал искусствам, при этом не чураясь репрессий для неугодных творцов. Он расширил границы Империи и наполнил казну, одновременно заложив бомбу замедленного действия в виде преторианской гвардии. Он создал миф имени самого себя, в результате чего бога стало разглядеть в нём проще, чем человека. Говорят, его последние слова были обращены к жене: «*Ливия, живи и помни, как жили мы вместе. Здоровья тебе… Прощай*». Слова не бога, но человека. Но перед этим, по той же легенде, он произнёс и это: «*Кажется, я хорошо сыграл комедию своей жизни*». И это больше похоже на настоящего Августа.

Годы его правления можно назвать золотым веком для Римской республики, ведь по сравнению с предыдущими десятилетиями хаоса и неразберихи это действительно был прыжок вперёд. Но эта Республика уже никогда не стала прежней, хотя бы в силу того, что Август не решил главной задачи – не наладил работу тех институтов, которые отвечали бы за преемственность и легитимность власти. Это в будущем не раз выходило боком для римлян, ведь на самом верху мог оказаться как и созидатель в виде условного Траяна, так и безумец в виде условного Нерона. И это тоже до боли что-то напоминает, а именно, последствия любой диктатуры в любой стране, например, в СССР.

Я не случайно вспомнил о Советском Союзе, ведь история Октавиана при ближайшем рассмотрении прекрасно накладывается на историю Иосифа Сталина – одного из самых ярких и известных диктаторов в мировой истории. Я не знаю, хорошо ли изучал Иосиф Виссарионович историю Римской республики, но все ключевые приёмы Октавиана он повторил в совершенстве. Хотя справедливости ради стоит отметить, что этому способствовали сами исторические реалии. Взять хотя бы положение дел в Советской республике и Римской на момент появления двух вышеуказанных персонажей – и тут и там мы видим затяжные гражданские конфликты, которые сопровождаются стремительным падением уровня и качества жизни, расколом элит, заговорами и прочими «прелестями» анархии. Можно возразить на это, что Сталин пришёл к власти уже в относительно спокойное время, когда гражданская война была выиграна. Но это справедливо лишь отчасти, потому что ко времени его прихода задачи восстановления народного хозяйства и идеологического примирения победителей и побеждённых никуда не делись. Затем Сталину пришлось получить контроль над важнейшим политическим центром молодой Советской республики – над партийным бюрократическим аппаратом. Не эту ли задачу в своё время блестяще решил Октавиан, возвысившись над сенатскими оптиматами? Идём дальше. Сталин прекрасно понимал важность стабильности и консерватизма в деле управления государством, поэтому с каждым годом он всё больше работал над созиданием своего «медийного образа», чужими руками, естественно. Изобретать велосипед ему не пришлось. В стране, прожившей почти всю свою историю под единоличным управлением, прекрасно работал образ царя-батюшки, но царя справедливого, мудрого, неустанно думающего о своём народе. Поэтому не случайно были разогнаны и репрессированы все самые «оголтелые революционеры», не случайно восстановилась спайка с церковью (хотя бы и формально), не случайно произошёл отход в сторону укрепления институтов семьи, не случайно вернулись армейские чины и регалии, комиссариаты преобразились в привычные министерства и т. д. Сталин, как и Октавиан, понимал, что революционность хороша единожды, но править обществом будет не она, а консерватизм. И вот ещё – Сталин, как и Октавиан, никогда публично не требовал себе особых почестей или регалий, они оба даже не единожды от подобного отказывались. И дело не в том, что эти люди были чужды атрибутов власти, просто они понимали, что это работает по-другому. Чтобы править половиной мира, не обязательно иметь на плечах мантию, а на голове корону. Напротив, можно и в сапогах всю жизнь проходить, показывая свою народность. Но истинно управляет тот, на ком завязано это управление, тот, кто подобно пауку в темноте ловит вибрации своей паутины, чтобы вовремя принять необходимое решение. Поэтому диктатура, в противовес демократии, никогда не бывает публичной, ведь как только она выйдет в публичное поле, рассыплется весь тот миф, который её составляет.

Но что самое важное – любая диктатура, начинаясь как принципат, рано или поздно окончит доминатом, абсолютизмом. Даже не потому, что диктатору всегда мало этой самой власти и он хочет ещё, – просто сами люди в слепом экстазе будут требовать у него ещё большего ущемления своих свобод. Ведь запуганный и униженный человек сам отдаст что угодно за хотя бы иллюзию своей безопасности и стабильности. Поэтому тираны не падают к нам с неба – мы порождаем их сами.

Здесь наступает черёд следующего и, пожалуй, главного вопроса – так ли страшен доминат, как его малюют люди с либеральным мышлением? Ведь мы видим, что тоталитарные системы весьма устойчивы и эффективны в годы войн, неразберихи, кризисов… Ведь смог же вышеупомянутый Октавиан положить конец римскому бардаку, смог же закончить гражданскую войну Мао, смог же победить фашизм Сталин и т. д. Всё это выглядит очевидным и логичным, пока не присмотреться более внимательно. Во-первых, по истории чаще всего оказывается, что «бардак», который героически превозмогают диктаторы, – дело их собственных рук, когда путём различных провокаций и идеологического давления назначается враг (как внутренний, так и внешний), которого нужно одолеть. Во-вторых, любая диктатура опирается на лояльных себе людей, иначе она просто не способна существовать. Эти лояльные люди далеко не всегда способны соответствовать своим занимаемым местам у верховного трона, что в перспективе приводит к деградации как элит, так и всей государственной конструкции. В-третьих, происходит, пожалуй, самая страшная вещь, которая только может происходить с обществом – монополизм в политике, экономике, религии и общественных отношениях в целом. Этот монополизм, говоря иначе, отсутствие конкуренции приводит уже не просто к деградации, но и к разрушению государства в целом, поскольку конкурентно способные индивиды этого государства либо устранены физически, либо подавлены морально. А что такое вообще Жизнь и Цивилизация, как не конкуренция мыслей, идей, людей и государств? Поэтому сама идея домината противоречит эволюции человеческого бытия и превращает всю нашу жизнь в вечное служение мифу, который был слеплен в угоду чьих-то амбиций. Пример античных римлян, который я привожу в этом размышлении, на мой взгляд, прекрасно показывает динамику развития и последующей деградации огромного сообщества людей, построивших уникальную цивилизацию, но не сумевших её защитить. И голос этих людей продолжает доноситься до нас сквозь тысячелетия, предупреждая о тех угрозах, которые встают перед каждым обществом и народом. Но история ведь ничему не учит, не так ли?

Можно было бы провести ещё немало параллелей с Римской и Советской республиками, но завершить свои рассуждения я хотел бы нашими днями. На мой взгляд, сегодня мы не очень далеко ушли от римлян времён Октавиана. У нас (как и у них когда-то) сегодня за спиной великий исторический период, закончившийся тем не менее смутой и переделом власти. Мы вышли из этой смуты с мечтой о сильном и справедливом Хозяине, который наведёт порядок и восстановит историческую справедливость. Какое-то время так и происходило, и мы даже начали погружаться в мещанский сон, где царит размеренная и тихая жизнь. Но время не стоит на месте, и любой Октавиан рано или поздно отправляется на суд людей или богов, оставляя после себя растерянную и одинокую империю. Чем ярче личность этого условного Августа, тем горше то послевкусие, которое после него остаётся в любой общественной сфере. И тогда наступает время для каждого из нас задуматься – а что же мы создали за эту отведённую нам эпоху? Стал ли наш кирпичный Рим мраморным? И если стал, то какую цену мы за это заплатили и заплатим? А если из кирпичного он сделался глиняным – зачем тогда вообще всё это было? Наверное, это те вопросы, которые всегда стояли и будут стоять перед веками и народами.

Диктатура и демократия вовсе не являются антагонистами, они произрастают на одном и том же поле человеческих надежд и устремлений. Во все времена и во всех странах люди хотят жить лучше, чем их предки, они боятся войны и болезни, нищеты и смерти. Они готовы превозносить любого, кто хотя бы пообещает им надежду, не говоря уже о том, кто и правда что-то выполнит из своих обещаний. Но если власть, тем более единоличная, всегда занимается созданием иллюзорного мифа о своих победах и достижениях, то простой человек вынужден в этом мифе жить, периодически оглядываясь по сторонам и сопоставляя реальную картинку со своими ожиданиями. И, к сожалению, чаще всего они не сходятся. Было бы глупо отрицать, что демократия также бывает больна нереализованными ожиданиями или целыми «потерянными поколениями», но она как минимум даёт свободу выбора. Доминат же «в долгую» практически всегда даёт лишь бесконечные установки и невыполнимые обещания, существуя по формуле «самоотречение – застой – разрушение».

Тот же Гегель как-то сказал, что история повторяется как минимум дважды – первый раз как трагедия, а затем как фарс. В этом есть своя логика, но какие бы роли мы ни играли в этой трагедии, всегда стоит помнить, что режиссёр не идеален, он такой же человек, как и мы. Он не является

непогрешимым, всеблагим, правым во всём и успешным во всех своих начинаниях. Скорее всего, мы просто не всё о нём знаем.

Чтобы не разочаровываться, не нужно очаровываться.

Тёмные воды

Это эссе получило такое название в силу разных причин, главная из которых – моя вечная ассоциация мира литературы с бесконечным океаном, который окружает незадачливого читателя вроде меня. Дело в том, что я люблю читать, и люблю читать если не всё подряд, то очень многое из того, до чего могу добраться. История, журналистика, публицистика, чьи-то воспоминания и философские изыски, эпос разных стран и их фольклор… Сотни книг и тысячи страниц того, что было или будет прочитано, неизменно наводят меня на воспоминание о воде – тёмной, мутной, бесконечной воде мировой литературы. Наверное, в ней рано или поздно можно утонуть, но пока этого не произошло, куда интересней грести веслом на мотив Одиссея и ждать новых эмоций, вопросов и ответов, которые подарит та или иная книга. При этом вполне возможно, что никаких эмоций, кроме разочарования, не будет (такое часто имеет место), но, как бы там ни было, всегда можно попытаться встать на место автора, понять, что им двигало при написании его труда и как сильно отличается его внутренний мир от твоего. Разве не это главное достижение литературы (да и всего искусства) от начала времён? Да, столкновение двух личностей, одна из которых взяла на себя труд что-либо создать, а другая соответственно взяла на себя труд потребления и погружения.

Я не помню своей первой книги, вряд ли это было что-то выдающееся… Но я помню книги, которые впервые заставили меня сопереживать и думать, радоваться или грустить. Марк Твен со своим Геком Финном и Рэй Дуглас Брэдбери со своим самым известным романом «451 градус по Фаренгейту» – они были первыми. Не знаю, как сильно повлияло на меня то, что я начал свой «книжный поход» с двух американцев, но и по сей день западная литература даётся мне легче отечественной, при всём уважении к нашим классикам. Я вообще должен сказать, что мне чертовски повезло с домашней библиотекой. В детстве у меня был колоссальный выбор книг, может, поэтому я больше времени проводил в читальном кресле, нежели на улице с футбольным мячом. Со временем эта библиотека только разрасталась, продолжает она разрастаться и теперь, что, правда, требует немалых затрат. Хотя наверняка это не самое глупое вложение денег.

Итак, два первых примера – Марк Твен и Рэй Брэдбери, два столпа американской литературы. Что их объединяет, кроме национальности? Почему они так прочно закрепились в моей памяти? И о чём вообще их книги? Первое, что мне бросается в глаза, – это музыкальность их прозы, которая, скорее всего, вырастает из особого духовного и нравственного ощущения бытия. При этом добиваются оба автора этого разными способами. Так, к примеру, мистер Твен не чужд юмора, при этом порой весьма беспощадного, кроме того, он лишён художественного многословия. Он вряд ли станет вам рассказывать на десяти страницах, как выглядит осенний парк под порывами ветра и дождя – в его творчестве и нет такой задачи. В его добровольной критической, подчас жестокой позиции работают другие законы и правила. Иными словами, можно сказать, что это не пример эпичного писателя вроде Ф. Достоевского или Л. Толстого. Но это будет правдиво, только если мы станем говорить о литературной технике, потому что нравственный потенциал Твена, на мой взгляд, ни первому, ни второму не уступает. Читаем ли мы фантасмагорическое «3000 лет среди микробов» или популярные «Приключения Тома Сойера», мы обречены сталкиваться со всеми ключевыми нравственными проблемами, которые только возможны. Это и любовь, и дружба, и предательство, и религия, и внутренняя неустроенность, и зависимость (рабство) и т. д. Старик Хемингуэй как-то сказал, что вся американская литература вышла из «Приключений Гека Финна», и это если и является преувеличением, то небольшим. Гек Финн, путешествуя со своим другом-рабом по Миссисипи, в каком-то смысле повторяет историю всех ключевых героев Античности, создаёт эпос имени самого себя, в котором отражается вся Америка тех лет. При этом, повторюсь, самого Твена сложно назвать эпичным писателем, ведь даже эта его книга не трагична в прямом смысле слова – она иронична. Ирония и сарказм, даже блестяще исполненные, вряд ли могут претендовать на высокий академический статус, но зато они упрощают путь к сердцу читателя. Не случайно произведения Твена

популярны у совершенно разных возрастов. И если ироничному «Дон Кихоту» удалось проделать многовековой путь по сердцам читателей, то у старого доброго «Гека Финна» это пока получается не хуже. И здесь лично для меня встаёт очередной вопрос – обязан ли автор, претендующий на бессмертие, выступать с академично-трагичной трибуны, как это делали тот же грек Гомер, немец Гёте, португалец Сарамаго… Или автор абсолютно свободен в своих инструментах и более того – свободен в своих задачах? Пример Сэмюэла Клеменса, известного нам как Марк Твен, говорит в пользу второго вывода. Другое дело, что эта авторская «свобода» увековечивается лишь в случае гуманистического наполнения, и это мы легко можем проследить в творчестве всех памятных человечеству мастеров. Даже на примере отечественной классики мы, переворошив груды книг Пушкина, Толстого, Гоголя и др., упираемся в этот единый монолитный стержень их творчества с ёмким определением «гуманизм». Этот термин не всегда подразумевает единый путь или единый итог, так как автор может исповедовать как человеческое отношение людей друг к другу, так и, например, свободу от каких-то условностей, от политико-религиозных законов… Но практически всегда автор будет подразумевать существование «справедливости и несправедливости», некоего вселенского правосудия, и именно на этом противоречии будет строиться фундамент его творчества. Литература мистера Твена наполнена многими подобными примерами; а что же с Брэдбери?

Рэй Дуглас Брэдбери родился через 10 лет после смерти Марка Твена, следовательно, его юность, да и вообще его жизнь проходила уже совсем в другой Америке. Америка Брэдбери уже была индустриальной империей, в которой, словно в калейдоскопе, закрутились события, люди, деньги, шоу и развлечения. Мещанская Америка Твена, Америка викторианской эпохи навсегда осталась где-то в прошлом, пришло время мегаполисов и колоссальных агломераций на миллионы человек. В этих больших городах за несколько минут на перекрёстке ты встречаешь столько людей, сколько Твен мог увидеть разве что за всю свою жизнь. Эта новая Америка ставила перед собой такие задачи, о которых твеновская Америка не могла и мечтать – в том числе и полёт к другим планетам. Но приход нового не означает отсутствие ностальгии по старому, памяти «о той Америке, которую они потеряли». Это, на мой взгляд, и определило удивительный сплав тех писательских характеристик, которыми обладал Брэдбери. У Твена зачастую главными героями выступают дети – не самые образованные, не самые умные, удачливые, симпатичные – просто ищущие дети, со всеми извечными детскими вопросами о том, что такое хорошо, плохо и т. д. У Брэдбери также немало отсылок к детству, но эти отсылки обычно носят ностальгично-романтический оттенок – провинциальный городок, в который приезжает бродячий цирк со своими неповторимыми звуками и запахами, шум железной дороги вдалеке, побег от взрослых в ночь по громоотводу, ощущение волшебности и важности каждого момента лета… Дети Брэдбери не призваны для того, чтобы через призму их глаз разглядеть несовершенство мира, который построили взрослые. Вовсе нет… Они сами и есть мир, через их глаза мы видим Красоту, а не уродство. И в этом соотношении Твен (особенно поздний) выступает старым циником, который, в общем, не питает никаких иллюзий по отношению к людям и их институтам, в то время как Брэдбери выступает старым непоколебимым романтиком, страждущий взгляд которого вечно направлен к звёздам. В своих «Марсианских хрониках» Рэй переносит на Марс уютные американские городки, с ночным громыханием по дорогам кадиллаков, с уютными зелёными кладбищами под названием «Тихое местечко» и т. д. Да, не всё проходит гладко у «новых марсиан», но надежда на лучшее не умирает, и заканчиваются «Хроники» этим:

«Мне всегда так хотелось увидеть марсианина, - сказал Майкл. - Где же они, папа? Ты ведь обещал.

- Вот они, смотри, - ответил отец. Он посадил Майкла на плечо и указал прямо вниз.

Марсиане!.. Тимоти охватила дрожь.

Марсиане. В канале. Отраженные его гладью Тимоти, Майкл, Роберт, и мама, и папа.

Долго, долго из журчащей воды на них безмолвно смотрели марсиане...»

Новая жизнь, словно феникс из пепла, возрождается на Марсе, чтобы всё однажды повторилось. Собственно говоря, то же самое происходит и в «451 градус по Фаренгейту», где после разрушительной войны люди вспоминают по памяти книги, которые долгое время были запрещены. А помните ли вы, как в прямом смысле «сгорел на работе» брандмейстер Битти? Он не сопротивлялся Монтэгу, он хотел умереть. В постапокалиптическом романе Брэдбери даже антигерои не хотят жить в том мире, который они охраняют, и уже одно это даёт человечеству надежду на новый шанс.

Вообще, вспоминая книги Рэя Брэдбери, мне более всего помнится именно настроение этих книг – то незабываемое ощущение ностальгического покоя, с которым автор ведёт своё повествование. В это ощущение периодически может вкрадываться страх или ещё какие-то негативные эмоции, но это всегда выглядит гармонично. Гармоничность Брэдбери, на мой взгляд, и делает его по-настоящему большим писателем, который не просто научился заинтересовывать читателя, но и построил свой большой храм литературы, который мы называем стилем. Его произведения узнаваемы, они имеют свою атмосферу. Это как старый дом детства, в который приятно возвращаться, ходить по пустым комнатам и вспоминать всё то, что здесь когда-то было и происходило. Очень человеческое ощущение, за которое я благодарен ему и по сей день. Если мне и встречалась после подобная гармония фонетики и семантики, то, пожалуй, только у Пауло Коэльо.

Подводя некий итог под двумя мастерами американской прозы, хочется отметить и то их сходство, что оба они в своих произведениях балансировали на грани сюрреализма, описывая подчас совершенно немыслимые явления и вещи. Не случайно по сей день ведётся немало споров о том, как точнее определить их стилистику. Но это и нормально, когда речь идёт о больших мастерах, ведь их кругозор весьма широк, и работать в одном узком жанре им было бы просто скучно. Поэтому можно лишь поблагодарить их за то, что они не стали героями одной книги, как, например, Маргарет Митчелл, а подарили нам массу ярких историй, образов и персонажей. И уже точно не хотелось бы навешивать на них какие-то ярлыки, будь то «Твен – это великий сатирик» или «Брэдбери – это великий фантаст». Я думаю подобные штампы лишь унижают двух этих больших мастеров, которые вкладывали в свои книги нечто большее, чем остроты и фантазии.

Здесь хотелось бы вспомнить о ещё одном представителе трагикомичного сюрреалистического мышления, уже отечественном – о Гоголе. Мой осмысленный Н. Гоголь начинался с «Миргорода», где ключевым произведением, разумеется, будет «Тарас Бульба». Но если гоголевский «Тарас» — это эпично-драматическое произведение, которое, разумеется, само по себе ставит Гоголя в разряд классиков, то не стоит всё же забывать о неслучайной его популярности. Говоря сегодняшними музыкальными терминами, Гоголь написал ярко выраженный хит, который надолго попал в ротацию всех хит-парадов. И правда, в этом произведении есть всё: любовь, война, разрыв семейных связей, вера, предательство и т. д. Если была бы на свете поваренная книга по приготовлению шедевра, то Гоголь смешал все её ингредиенты. Вот например, что общего между гоголевским Тарасом и Илиадой или Бхагавадгитой? Как минимум пять компонентов: воинский (гражданский) долг, любовь, сомнение, предательство, божественное откровение. Но насколько широко сам Николай Васильевич отразился в этой повести? Мы видим прекрасную работу историка, патриота, возможно кого-то ещё… Но ведь Гоголь не только историк и патриот, он ещё и творец. А как творца, я почему-то больше его разглядел в «Страшной мести», возможно потому, что там очень спрессована восточнославянская мистичность и религиозность, то, что делало её выразителя Гоголя большим и самобытным писателем. Вообще я настолько преклоняюсь перед талантом Николая Васильевича, что всерьёз считаю, что его книги можно было бы поставить на одну чашу весов, а на другую поставить всю остальную прозу тех царских лет. И неизвестно, что бы перевесило. Литератор Дмитрий Быков часто говорит в том духе, что Гоголь в каком-то смысле изобрёл украинскую деревню, затем он изобрёл русскую столицу и, собственно говоря, изобрёл в каком-то смысле всю русскую литературу. Я не ручаюсь за точность цитаты, но смысл был примерно такой, и я не могу с этим не согласиться. Когда мы сегодня представляем себе какой-либо украинский хутор, мы представляем себе гоголевский хутор, с его укладом, традициями и т. д. Когда мы говорим о царских помещиках, мы вспомним Петербург из «Носа» или же провинцию из «Мёртвых душ» и «Ревизора». Там, казалось бы, ничего не происходит, там люди настолько привыкли друг к другу, что им уже всё противно. Но вот туда вторгается Гоголь, и вокруг его персонажей начинается водоворот приключений, который начисто смывает привычную размеренную жизнь. При этом сам автор (как тут не вспомнить Твена) насмехается над всем этим, возводит происходящее в некий абсурд, в котором сам чёрт потом не разберётся. Но и до чёрта подчас дотягивается Гоголь и над ним насмехается так же, как и над живыми людьми. Многие, очень многие любят Гоголя за его социальную сатиру, в которой он и правда преуспел. Но за всем этим не стоит забывать и трагичного Гоголя, который говорит словами «Страшной мести»: *«Сделай же, боже, так, чтобы всё потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей,*

какого еще и не бывало на свете! И от каждого его злодейства, чтобы деды и прадеды его не нашли бы покоя в гробах, и терпя муку, неведомую на свете, подымались бы из могил! А Иуда Петро чтобы не в силах был подняться, и от того терпел бы муку еще горшую; и ел бы, как бешеный, землю и корчился бы под землею!» И Бог Гоголя с этим соглашается, проклиная попутно и того, кто призывает такую кару. В лабиринте гоголевских душ не все являются подонками, но все обречены на известную долю страдания – даже и после смерти.

Об этом же можно сказать и вспоминая другого отечественного классика – Фёдора Достоевского. Я, честно говоря, не могу вспомнить сразу какого-то положительно персонажа у Фёдора Михайловича. Не то чтобы их там нет априори, но вспоминаются таковые не сразу. Взять, к примеру, роман «Идиот», который сам Достоевский весьма ценил. Главный герой романа, князь Мышкин, человек безусловно неплохой, но он – глубоко несчастный человек. Он болезный, юродивый, наивный – таким на Руси всегда тяжело. Тяжело ему и оттого, что он имеет несчастие полюбить, а влюбляется он в такого же несчастного человека – Настасью Филипповну. Неудивительно, что её любит такой же несчастный человек – Рогожин, а к самому Мышкину питает чувства не менее несчастная Аглая. Столько несчастных людей в одном месте и в одно время вряд ли могут прийти к чему-то хорошему, и они, собственно, не приходят. Они, словно в чудовищном зазеркалье, вынуждены оставаться такими как есть, изредка лишь прислоняясь к поверхности зеркала и видя в нём какую-то нормальную жизнь. Они тянут руки к этой нормальной жизни, но руки их встречаются с зеркалом, они бьются об него лбом, но оно не разбивается. И они уходят обратно такими же, какими всегда и были – одинокими и несчастливыми людьми. Во всём этом у Достоевского мы видим не крах системы вещей, как, например, у Гоголя, а крах самих людей. И в этом плане Достоевский, на мой взгляд, абсолютный экзистенциалист – он не хочет погрязать в вопросах устройства государства, хотя это тоже его в известной степени интересует, – он препарирует сами людские души. И результатом этого, как обычно и бывает в результате вскрытия, становится набор не самых приятных субстанций и веществ. Вообще это, наверное, самое тяжёлое чтение на свете, потому что с каждой страницей не проходит впечатление присутствия на чьём-то суде или казни. При этом ты понимаешь, что судят и казнят неплохих в общем-то людей, но участь их от этого не меняется. В какой-то момент начинаешь проклинать весь этот мир и его несправедливость, начинаешь проклинать саму человеческую сущность. И если главный герой «Преступления и наказания» задаётся вопросом «тварь ли я дрожащая или право имею?», то я как читатель задаюсь другим вопросом – за что нам всё это? Это великая сила литературы и того гения, который взял на себя роль анатома человеческих душ.

А тёмные воды литературы тем временем вновь налетают на берега памяти, бросают на них всё новые сюжеты, жанры и стили, всё новых героев с их триумфами и трагедиями. Если спросить меня, что бы я выбрал в качестве настольного чтения из русской литературы, то это был бы роман «Мастер и Маргарита». В этом я буду не одинок, если судить по тому непрекращающемуся шуму вокруг этой книги. Но здесь надо понимать, что у каждого свой Мастер и своя Маргарита, только и всего. Булгаков, который немало времени отдал этому роману, удивительно гармонично сплёл воедино множество нитей. Его повествование имеет несколько параллельных линий, оно упирается в самый известный миф человеческой истории – историю Христа. Я употребляю слово «миф» не потому, что являюсь атеистом или же представителем другого вероисповедания, просто история Иисуса имеет все черты мифа, так как была задокументирована отрывочно, и то – заинтересованными людьми, его учениками, что, разумеется, оставляет много места для домыслов. Так вот, этот величайший и безусловно интереснейший миф обретает новую жизнь в булгаковском романе – Иешуа оказывается одиноким блаженным, Пилат – уставшим, равнодушным ко всему чиновником, а Левий – единственным страстным почитателем своего духовного наставника. Ну и, конечно же, куда без Дьявола, который ходит по разным эпохам, городам и весям со своей свитой, чтобы веселиться и карать всяких негодяев. Негодяев, кстати, в романе много. Как отметил страстный ценитель романа протодиакон А. Кураев, там и нет, в общем-то, положительных персонажей. Я бы добавил к этому, что они просто все несчастливые люди, как, собственно, и говорит о них Иешуа. Напоминает Достоевского, да? Если да, то лишь отчасти, потому что у Достоевского люди каким-то провидением уже помещены в водоворот неустроенности и несчастий, а персонажи булгаковского романа чаще всего сами являются причиной своих бед. Ведь тот же самый князь Мышкин из «Идиота» не хотел страдать слабоумием, да и

влюбляться, да и богатеть. Рогожин тоже не в восторге был от своей вынужденной любви, бежал то к ней, то от неё, не находя себе нигде покоя. Герои Достоевского вообще люди сомневающиеся (в первую очередь сами в себе). А вот Берлиоз был Берлиозом по убеждению, как и вся номенклатура, да и большинство персонажей булгаковской книги. Вообще вся прелесть «Мастера и Маргариты» в том, что Дьявол знает, куда и когда прийти. Он приходит туда, где о нём думают в последнюю очередь те, кому ни до Бога, ни до чёрта уже давно нет никакого дела. Так в своё время приходил к иудеям Иешуа, не находя никакого отклика на свои проповеди и закономерно заканчивая свою жизнь на кресте. Но мы любим «Мастера и Маргариту» не только за красивые разборки нечистой силы с советскими атеистами, но и за удивительные душевные метаморфозы, которые происходят с Бездомным или Маргаритой, а также за образ самого Мастера. Он, наверное, является одним из самых несчастных персонажей отечественной литературы, потому что, в отличие от многих, имеет Дар, который преследует его, словно проклятие. И таким же проклятием является его любовь – к ведьме. Фактически всё то, чем может наградить Бог человека, оборачивается против Мастера и мучает его не только до гробовой доски, но и посмертно.

Исходя из булгаковской стилистики (причём не только этой книги), можно провести аналогию с Гоголем. Ведь мы также видим сатиру и иронию, мистичность и религиозность, трагедию отдельно взятых людей на фоне несправедливого общества и вообще бытия. Я думаю, Николай Васильевич хорошо бы отозвался о своём «преемнике», во всяком случае, в это хочется верить.

Темны и мутны литературные воды. Перемещаясь по ним на хрупком судёнышке, попадаешь в разные эпохи, разные события, настроения, происшествия… Из того, что было сказано выше, приходит ощущение, что у крупных писателей во главе угла всегда стоит неразрешимый социальный, межличностный или религиозный конфликт. И, наверное, это правда. Как комедийный фильм имеет мало шансов получить «Оскара», так и писатель имеет мало шансов увековечиться, не создав нечто драматичное. Вопрос только, через какую призму будет показана эта драма – через сатиру, через реализм, через мистицизм или что-то ещё. Опять же, чем бы ни оперировал писатель, он никогда не знает, что случится с его детищем в конце. Например, Лавкрафт всю жизнь писал в стол, не зная даже, что спрос на его ужастики придёт лишь через много лет после его смерти. Байрон своими глазами увидел как взлёт, так и падение интереса к нему публики. Эмили Дикинсон при жизни опубликовала не более 10-15 стихотворений, написав при этом более тысячи. Искусство требует жертв, не так ли?

Вообще, жизненные истории литераторов подчас не менее интересны, чем сами их книги. Бывает такое, что автора постепенно убивает обрушившаяся на него слава, а бывает и такое, что и славы никакой нет (возможно, и не будет), но есть колоссальный талант, который разрывает человека изнутри. Многим известен советский писатель и драматург Андрей Платонов. Кому-то даже помнится ироничный анекдот, с ним связанный, который вкратце звучит так: «В московском дворе мальчик разбивает мячом стекло, и за ним гонится суровый дворник. Мальчик думает – я бы мог сейчас сидеть дома и читать любимого Хемингуэя. В это время Хемингуэй на Кубе пьёт ром, курит сигару и думает – я бы мог сейчас быть в Париже, пить кофе рядом с увлекательным Сартром. Сартр в свою очередь, попивая кофе в Париже, думает – мне бы сейчас в Москву, поговорить о смысле бытия с великим Платоновым… А Платонов в это время бежит за мальчиком, размахивая метлой, и думает – убью гада!» Вот уж где действительно триумф экзистенциализма, причём не настолько далёкий от истины, как может показаться. Сталин, читая Платонова, как-то сказал: «Талантливый писатель, но сволочь». Такого же мнения был и Фадеев. Неудивительно, что жизнь писателя была сложна и горька, а конец и вовсе трагичным. Бродский сравнивал Платонова с Джойсом и Достоевским, а Волохов – с Беккетом… А вот ещё был на свете такой интересный советский поэт, как Николай Глазков. Он более всего знаменит тем, что изобрёл самиздат, ведь почти всю жизнь его не печатали. Глазков жил литературным трудом только последние свои годы, его лучшие книги вышли после его смерти. Возвращаясь на Запад, можно вспомнить судьбу несчастного Эдгара По, который, несмотря на колоссальный талант, так и не приобрёл ни славы, ни состояния. Более того, в итоге он спился и умер при странных обстоятельствах. Вспоминать подобных трагичных персонажей можно бесконечно долго, и это напоминает нам о том, что за всё надо платить по какому-то одному только Богу известному вселенскому закону. Кто-то расплачивается творчеством, кто-то жизнью, а кто-то и смертью.

Я привёл здесь эти мысли для того, чтобы лишний раз напомнить самому себе, из чего рождаются книги, искусство. Какие душевные и физические муки порой испытывает писатель, чтобы читатель испытал хотя бы какие-то эмоции. Я не первый год занимаюсь творчеством, мне знакомы ощущения полного провала и сладостного триумфа над самим собой… Но в первую очередь я всегда буду читателем, и как читатель я испытываю колоссальную благодарность к тем, кто буквально лез в петлю ради моего досуга.

Один из таких писателей – Эрнест Хемингуэй. Мы все знаем, что это был человек с удивительной судьбой и трагичной смертью. Это был человек, обладавший настолько кратким и насыщенным стилем, что даже странно, как ему удалось написать столько полновесных романов. Один из этих романов, «По ком звонит колокол», повествует о гражданской войне в Испании, о той войне, которую Эрнест видел своими глазами. Гражданские войны всегда жестоки и непримиримы – слишком велика ненависть к тем, кто ещё вчера был твоим отцом, братом, соседом… Поэтому дело описания таких событий является особым литературным подвигом – слишком уж многое нужно пережить и переосмыслить. Сам Хемингуэй говорил, что весь роман является вымыслом, и, если брать лирические его стороны, — это похоже на правду. Но тем не менее по ходу прочтения не пропадает чувство причастности к этим драматическим событиям и понимания того, что, если это и не было на 100% правдой, то могло ей быть. Опять же стилистически этому чувству хорошо помогают диалоги персонажей – они почти все немногословны.

— А этот иностранец с чудным именем — как он умер?
— Его окружили, и он застрелился.
— Как же это случилось?
— Он был ранен и не хотел сдаваться в плен.
— А подробности известны?
— Нет, — солгал Роберт Джордан.

Наверное, так должны разговаривать люди на гражданской, да и любой другой войне. Ничего лишнего и ничего личного.

При упоминании о книгах Хемингуэя мне почему-то вспомнился наш Чингиз Айтматов. Такие вещи, как «Белый пароход», «И дольше века длится день», прекрасно дополнили бы библиографию любого западного маститого писателя, но, к счастью, их автором является наш советский талант. Он не успел получить Нобелевскую премию, хотя имел на это все шансы, но перечень его наград и без неё выглядит очень внушительно: Герой Киргизской Республики, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и госпремий СССР… Наверное, более титулованного представителя малых советских народов ещё нужно поискать, но все эти награды выглядят заслуженными, когда соприкасаешься с его литературными героями. Например, с одиноким мальчиком из «Белого парохода» или с постаревшей Толгонай из «Материнского поля»… Айтматов из тех писателей, что рубят читателя на корню своим реализмом, рубят с первых строк. Но что поделать, если это действительно срабатывает и надолго оставляет в пресловутом читателе следы? Значит, всё было не зря. И тем более не зря, если потребитель этой литературы хоть ненадолго задумается о нравственных проблемах, поднимаемых этим удивительно самобытным писателем. Возможно, это не те книги, что хочется перечитывать несколько раз – разве что появится настроение вызвать слёзы и хорошенько порыдать. Но и одного раза должно хватить с головой.

А как же книги, которые хочется перечитывать? Здесь я не могу не вспомнить двух англичан-современников: Артура Конан Дойла и Оскара Уайльда. Вообще, наверное, трудно представить себе более разных людей, причём эта разность будет сквозить во всём – начиная от их внешности и заканчивая стилистикой их работ. Сэр Артур, врач по образованию и ярый патриот по убеждениям, мог бы показаться типичным британским снобом, если бы не его насыщенный внутренний мир и огромный врождённый талант повествователя. Все мы помним и любим его «Затерянный мир», «Маракотову бездну», циклы о бригадире Жераре и капитане Шарки и, конечно же, непревзойдённого детектива Шерлока Холмса. Кстати, в своём детективном творчестве Дойл наследовал Эдгару По, в чём сам и признавался. Если добавить к этому занимательному списку сочинений увлечения спиритуализмом, мы получим действительно занимательную личность. Но не менее занимательной личностью был и Уайльд, ирландец по происхождению и человек вселенной по самоощущению. Он был самой яркой звездой в любой компании любой точки земного шара, а также воинствующим

эстетом, поэтому неудивительно, что чопорная Англия записала его в свои злейшие враги. «*Я не переживу XIX столетия. Англичане не вынесут моего дальнейшего присутствия*», – сказал писатель незадолго до смерти и словно в воду глядел. Он скончался 30 ноября 1900 года. Сэру Артуру оставалось жить ещё 30 лет.

Говорят, что они встречались в 1989 году в Лондоне за обедом у одного американского редактора. Уайльд тогда уже был живой легендой, а Дойл был из разряда «подающих большие надежды». Якобы во время обеда тот редактор предложил обоим написать что-то для своего журнала... В итоге Уайльд написал «Портрет Дориана Грея», а Конан Дойл – «Знак четырёх». Учитывая важность обеих книг для мировой литературы, можно смело утверждать, что обед у редактора прошёл не зря.

Упоминая этих двух джентльменов, нельзя не поразиться в первую очередь их творческим противоречиям. Вроде оба британцы, почти ровесники… Но насколько же различны их литературные пути, насколько различны цели, к которым эти пути ведут. Можно ли себе представить, что «Дориана Грея» написал бы сэр Артур? Никогда. А мог ли написать «Холмса» Оскар Уайльд? Тоже нет. И главное противоречие в их творческой концепции, на мой взгляд, кроется в том ключевом понятии гуманизма, о котором я уже упоминал выше. И правда, как мы можем сравнивать двух писателей, если даже самый смысл человеческой жизни, морали, духовных и социальных институций им видится по-разному? И чтобы понять это, достаточно прочитать любую главу Дойла и любой афоризм Уайльда. Большего, собственно, и не потребуется.

Да, викторианская Англия внесла немалый вклад в мировую литературу, ведь, кроме Дойла и Уайльда, нельзя не вспомнить Диккенса, Теккерея, Стивенсона, Киплинга, Харди и, разумеется, Кэрролла с его фантастической Алисой. Но говорить только об этих людях было бы, наверное, не совсем патриотично, и тут я задаюсь следующим вопросом – да, имперская русская литература сделала не меньший вклад в мировое развитие, чем все эпохи той же Британии вместе взятые, а что дала лично мне литература советская? О том, что она дала миру, спорят многие, и, честно говоря, не хотелось бы лить воду на эту мельницу, поэтому я спрашиваю себя: что она дала лично мне? И здесь, наверное, первой ассоциацией станет советская фантастика.

Думаю, не очень большим преувеличением будет сказать, что в первые годы советской власти именно фантастика (а не соцреализм) стояла в авангарде духа и мысли. Наверное, это можно обуславливать тем, что сама советская власть была тогда чем-то фантастическим, чем-то удивительным, новым и непонятным. Она могла тогда предложить, да и предлагала, нечто большее, чем просто новую систему государственного и муниципального управления, – она предлагала мечту. В этой мечте заключалось многое – это и машинизация, и отмена войн, и покорение новых горизонтов человечества, и как венец всего – рай на земле… Писатели молодой республики, как и многие простые люди, если не верили этим заявленным планам, то остро хотели верить, тем более большая часть озвученного уже была обусловлена индустриальными и промышленными достижениями. Циолковский, не востребованный царской властью, к двадцатым годам уже написал большую часть своих работ и заразил общество верой в скорые межпланетные перелёты. В разрушенной революциями и войнами стране люди грезили о Марсе и Венере, собирали тут и там научные конференции и съезды. Пружина загадочной русской души, сжатая унынием царских лет, теперь разжималась настолько, что просто мира и порядка ей было уже мало – она рвалась к какой-то высшей справедливости и к небесам. Собственно, это мы и видим в произведениях Александра Грина, Алексея Толстого и Александра Беляева. Эти три «А» как минимум в мыслях своих не хотели уже прозябать в сером и жестоком мирке несправедливости и беззакония, они выдумывали свои собственные миры, где было место для жизни и любви, как под водой («Человек-амфибия»), так и на Марсе («Аэлита»). Им всем было чуть больше тридцати, когда пришёл 1917 год, и около сорока, когда они написали лучшие свои работы. Рэй Дуглас Брэдбери в Иллинойсе тогда только учился считать и писать…

Затем следовало бы, наверное, поговорить о самом стержне советской литературы – соцреализме, но я не считаю, что для меня лично он имел когда-либо большое значение. Не знаю почему, возможно, всегда казался слишком идеологизированным и прямолинейным. Зато этого уж точно нельзя сказать о литературе диссидентской, которая для меня по сей день олицетворена Сергеем Довлатовым. Почему Довлатов? Он положил разноцветную маску юмора на лицо трагедии, всей своей жизнью, каждым своим произведением доказывая абсурдность окружающего бытия и умножая её. Антагонист

Камю в стилистике, но союзник в экзистенциальных смыслах, Довлатов предпочёл отгородиться от окружающей системы, а не связываться с ней. Такой подход исторически показал свою состоятельность – Довлатов успел своими глазами увидеть крах этой самой системы, благополучно оканчивая свою жизнь в Штатах. Он не пал жертвой советских лагерей и психбольниц, не растерял себя в политических и социальных водоворотах тех бурных лет. Возможно, с моральной точки зрения позиция хохочущего во время чумы наблюдателя кажется негуманной, но она имеет право на существование. Иногда даже на безбедное. Как тут не вспомнить слова Антонио Менегетти: «*…Систему надо использовать, хотя и не верить ей. Надо пользоваться ее средствами, чтобы обеспечить эволюцию собственного бытия*».

…Тёмные, тёмные воды, в которые не устаёшь погружаться. Кто ты, мой главный литературный герой, из какой ты эпохи и из какой империи? А ты, творец этого героя, кто ты? И кто я, твой читатель? Эти риторические вопросы преследуют меня много лет, но это не те вопросы, на которые стоит отвечать, скорее наоборот. Весь этот океан пожелтевших от времени страниц и пыльных обложек, вся эта тёмная вода изящной и неизящной словесности для того и нужны, чтобы задаваться какими-то вопросами снова и снова.

Поэзия железного века

Я не помню своего первого написанного стихотворения, помню лишь, что это было в 1997 году. Я был тогда ещё ребёнком, и у меня была зелёная тетрадка для всяких глупостей – я в ней что-то рисовал, пытался вести дневник, а затем и стал записывать в неё какие-то стишки. Пресловутой тетрадки давно нет на свете, а те стишки я, естественно, забыл, что, впрочем, нисколько меня не тяготит. О чём я действительно жалею, так это о том, что, получив первый опыт стихотворчества, я надолго забросил это дело, никак себя с ним не ассоциируя. Однако жизнь – штука неумолимая, и независимо от того, что нам нравится или хочется, мы рано или поздно приходим к тому, что вложено в нас самой природой (в этом я абсолютный фаталист). Подтверждение этих слов явилось ко мне уже после окончания школы в виде потрёпанных книжек Бродского, отданных мне отцом – он весьма начитанный человек, к тому же и сам немало всего написал в жизни, поэтому его мнение всегда было для меня авторитетным, тем более в литературных вопросах. Так что книжки я забрал и спустя пару дней принялся за чтение. Первой была «Конец прекрасной эпохи», составленная автором из стихов, написанных до эмиграции. С первых строчек я понял, что у меня в руках нечто крайне занимательное, а начав читать «Памяти Т. Б.», я уже был на крючке.

«Пока не увяли цветы и лента
еще не прошла через известь лета,
покуда черна и вольна цыганить,
ибо настолько длинна, что память
моя, как бы внемля ее призыву,
потянет ее, вероятно, в зиму, -
прими от меня эту рифмо-лепту,
которая если пройдет сквозь Лету,
то потому что пошла с тобою,
опередившей меня стопою;
и это будет тогда, подруга,
твоя последняя мне услуга».

Читая это, я вдруг вспомнил всю школьную литературную программу и возненавидел тех, кто её составлял, а также возненавидел учителей, которые заставляли нас заучивать Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Я вдруг увидел, что поэзия бывает живой, актуальной, что она может соприкасаться с читателем, что она действительно может его волновать. Это было так безнадёжно далеко от тех выхолощенных академических строчек Золотого века, которые легко запоминались и так же легко забывались. Это была та поэзия, которая была мне нужна тогда и к которой я часто обращаюсь и поныне – поэзия Железного века, если угодно. Я прочитал тогда «Прекрасную эпоху» несколько раз подряд, а затем принялся за остальное. Такие вещи, как «Фонтан Ханко», «Натюрморт», «Строфы», «Сретенье» надолго определили мои литературные интересы и, самое важное, подтолкнули к новым

поэтическим опытам. В Храме мировой поэзии я нашёл тот алтарь, к которому мне захотелось принести дары, и я принялся за дело с тем рвением, которого сам от себя не ожидал.

Во-первых, я понял тогда, что мои знания поэзии близки к нулю, и по мере сил начал заниматься самообразованием, открывая для себя то, что никогда не было озвучено на уроках литературы. Я стал частым гостем в местной библиотеке, покупал какие-то недорогие издания в местных книжных подвалах. Как я уже говорил, мне тогда не хотелось иметь никакого отношения к той поэзии, которая казалась мне древней и непонятной. Я искал живые современные рифмы и смысловые построения, где наряду с Богом и любовью было бы место асфальту и электричеству, самолётам и поездам. Долголетие литературы обусловлено долголетием её языка, актуальность на актуальность – справедливость этой формулы я тогда ощутил сполна, как, впрочем, ощущаю и сейчас, перелистывая условного Данте или Байрона. Поэтому я ещё не знал, что именно мне нужно, но точно знал, в чём я не нуждаюсь. Справедливости ради отмечу, что по ходу лет я ко многому изменил своё отношение.

Однако самым важным в любом стихотворении для меня, помимо доступности мыслеформ, стало наличие трагедии или хотя бы неразрешимого конфликта, через которые можно получить эмоциональный всплеск. Я вообще глубоко убеждён, что важнейшая цель любого искусства – это создание моста сопричастности от творца к зрителю. Равно как Бог создал людей, чтобы было кому оценить красоту вселенной, так и поэт осознанно или неосознанно делится с читателем (или тем же Богом) своими внутриличностными конфликтами. Читатель, в свою очередь, оценивает качество предлагаемого ему продукта, его подачу и затем словами Станиславского заявляет «верю!» или «не верю!». Ведь среднестатистический читатель – не литературный критик, он всё воспринимает на бытовом, примитивном, если угодно, уровне. Хотя и уровень читателя также может существенно различаться. Есть люди, которым хочется, чтобы было красиво и понятно, есть те, кому ближе красиво и непонятно, а бывают и такие, что им вообще ничем не угодишь. Сколько людей, столько и мнений, но, на мой взгляд, всё это зависит от уровня кругозора и читательского опыта. Ведь всё познаётся в сравнении.

Постепенно собирая свою личную библиотеку, я прошёл в своих изысканиях почти через весь XX век, уделяя особое внимание «шестидесятникам». Стоит отметить, что, хотя это поколение и имеет много общих черт и вообще воспринимается обществом как нечто единое, оно тем не менее состоит из индивидуальностей. На мой взгляд, можно назвать лишь два факта, скрепляющих условными творческими узами этих людей: они были рождены преимущественно в годы сталинских репрессий, а творчески сформировались уже в послевоенное время «оттепели». В силу этого их личностные и творческие устремления были куда либеральнее, чем устремления их предшественников «эпохи самоотречения». В их творчестве на первые роли стали выходить не проблемы мирового коммунизма или всего земного шара, а проблемы отдельно взятых людей. Местоимение «я» стало заменять местоимение «мы», но, что ещё важнее, это самое «я» всё чаще стало соприкасаться с темой одиночества и разочарованности. Исследователи того периода обычно объясняют это явление обличением «культа личности», советскими танками в Европе и нереализованными ожиданиями от самого строя. В целом с этим трудно спорить, да и не столь важно, наверное, в этом копаться. Для меня как потребителя той литературы, которая выросла при Хрущёве и умерла примерно вместе с Андроповым, важен сам факт её существования, тем более из её праха потом произросла и литература современная.

Как я уже говорил, это поколение не было однородным, а состояло из различных групп, в каждой из которых было своё видение творческого целеполагания. Были перекрасившиеся из красного в розовый – те, кто осуждали репрессии, но оставались коммунистами и продолжали воспевать победы строя. Были диссиденты, которые своим творчеством открыто противопоставляли себя системе во всех её проявлениях. Были воспеватели военных подвигов, превратившие всё своё творчество в памятник Победы. И были те, кто, будучи ментально далёкими от всей этой политики (и от государства), писали про ленинградские мосты и рюмочные, античных богов, потерянных женщин, пустые парки и вообще чёрт знает про что с точки зрения какого-нибудь секретаря обкома. Такая поэзия мне была ближе всего, потому что, на мой взгляд, только она и могла называться поэзией. Эта поэзия не была частью агитпроповских газет, она не была зарифмованными мемуарами старого генерала, она не призывала ничего громить и что-то там освобождать – она являлась отражением

внутреннего, а не внешнего мира. И в этом было её главное достоинство. Наверное, впервые в Советской России начал формироваться новый литературный герой – одинокий и несчастливый человек без винтовки в руках. Впрочем, и по ту сторону «занавеса» происходили аналогичные культурные процессы. Прожив два десятилетия после Войны, западное общество (в первую очередь его молодёжная часть) так и не разглядело никаких предпосылок для будущих перемен, поэтому довольно быстро созрело и оформилось то, что теперь называют «культурной революцией 60-х годов» или «контркультурой». Студенческие волнения, профсоюзные забастовки, громкие и порой бессмысленные лозунги, провокационные песни и книги не уничтожили капитализм, но способствовали либерализации общественно-политических институтов и в итоге значительно укрепили позиции Личности на фоне Системы. Что это означало на практике? Хотя бы то, что теперь любой человек имел право как минимум на озвучивание своих вопросов и своего мнения, не рискуя при этом быть убитым, покалеченным или униженным. Личность стала восприниматься Системой если и не равноценным субъектом, то достойным внимания и уважения.

Это же происходило и в СССР, где на фоне процессов над диссидентами вырастала уже совсем другая молодёжь. Эта молодёжь всё так же была готова к трудам и подвигам, но она уже не верила громким правительственным речам, если вообще их слушала. Она хотела по-своему жить, по-своему развиваться и по-своему думать. Поэтому в идеологическом плане Союз уже обрекался на медленную и мучительную смерть, в то время как его литературные оппоненты уже были одной ногой в бессмертии. Да и в самом деле, кто сегодня кроме учебной необходимости или крайнего любопытства станет читать идеологические выкладки 60-70-х годов? При этом стихи Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, Бродского и др. по-прежнему востребованы и, видимо, будут востребованы, пока не одряхлеет их язык и синтаксис.

Это вообще были годы стихов, причём не только в Союзе. «Поколение манифестов» нуждалось в новых лозунгах, новых образах, и этот запрос был удовлетворён за счёт нового поэтического витка, слившегося к тому же с музыкой и средствами коммуникаций. Двадцатый век стал синтезировать любые виды искусства, переплавляя их в одной печи и тем самым увеличивая их потенциальную силу. Из лозунгов рождались стихи, из стихов – песни, песни перемещались в клипы и кинофильмы и т. д. Учитывая, что в СССР почти все литераторы и композиторы были частью профессиональных и трудовых коллективов, от которых напрямую зависели, новое искусство произрастало из среды самоучек. Теперь всё более приобретали известность те, кому нечего было терять, но при этом было что сказать, поэтому заткнуть этих людей становилось всё сложнее. Так появился и оформился самиздат, так появились на свет многие и многие песни, которые уже не имели никакого отношения к официальной повестке, а зачастую и вступали с ней в конфликт. Таким образом стал всё более виден раздел между теми, кто не хотел до конца разрывать с властями, и теми, кто презирал любое покушение на своё самовыражение. Легендарный конфликт Бродского и Евтушенко – это как раз наглядный пример таких «классовых войн» в интеллигентной среде. Существует немало версий развития этого конфликта, но лично мне самой важной причиной кажется нежелание радикального И. Б. иметь хоть какую-то зависимость от человека, вхожего в любые властные кабинеты. Бродский никогда не уклонялся от противопоставления себя системе, он шёл на конфликт с ней, словно предчувствуя последующую победу. И когда Евтушенко затем ему предлагал помощь (и даже одежду), Бродскому казалось это унизительным, ведь в лице «Евтуха», как он его называл, И. Б. видел всю советскую номенклатуру. Иосиф до самой смерти не простил его, да и не было для этого никаких предпосылок. Слишком различны они были во всём, начиная от взгляда на поэзию и заканчивая взглядом на жизнь. Стоит также отметить, что их конфликт, как ни крути, завершился победой Бродского. Покинув СССР, он взял от этой жизни больше, чем все русские поэты вместе взятые до него, он окончательно сформировал собственный узнаваемый стиль и закрепился в статусе легенды ещё при жизни. Евтушенко, в свою очередь, продолжил делать то, что лучше всего умел – писать по любому поводу стихи и угождать своим амбициям, которые никогда его не покидали. Когда же Союз пал, Евгений Александрович перебрался в благополучную Америку, изредка наведываясь на родину – чтобы помнили. Я весьма субъективно рассуждаю об этих двух поэтах, которые тем не менее достойны уважения за свои литературные труды, но при этом их обоих я считаю весьма посредственными людьми с этической точки зрения. Другое дело, что хороший поэт и не должен быть хорошим

человеком – это из области какого-то фантастического идеализма. Если пишет хорошие книги, то уже слава богу, тем он и интересен.

Хорошие стихи в то время писали многие, но не многие эти стихи были тогда доступны большим читательским массам. К списку таких литераторов можно отнести большинство авторов самиздата и тех, кто входил в различные провинциальные творческие союзы. При этом всегда стоит помнить, что время – удивительная и непредсказуемая штука: удалив что-то из точки А, оно легко может перенести это в точку В или С. И тогда тот, кто ещё вчера казался неизвестным или забытым, обретает новых читателей, даже если и посмертно. Так возникает и сегодня над русской литературой дух усмехающегося Николая Глазкова, не особо приметного и нужного в годы своей жизни. Так выходят из тени своих знаменитых современников Новелла Матвеева, Валентин Берестов, Борис Чичибабин, Тамара Жирмунская, Игорь Кобзев и другие. Всё это весьма закономерно, ведь, избирая себе кумиров в каждом поколении, читатель в какой-то момент просто ими пресыщается, и его разум требует новых образов, эмоций, впечатлений. «Большая тройка» поэтов в лице Евтушенко, Вознесенского и Рождественского и по сей день служит олицетворением огромного культурного пласта под названием «шестидесятники», но эти трое (при всём к ним уважении) лишь первые среди равных. И уж тем более по этим трём авторам не стоит судить об эпохе в целом, хотя бы в силу описанных выше причин.

Лично я никогда не был апологетом этих трёх безусловно сильных литераторов, хотя бы потому, что они не отражали (или отражали слабо) моего внутреннего сознания, моего видения творчества – и это нормально. Тем более в той плеяде немало тех, у кого это прекрасно получается. К примеру, после упомянутого уже Бродского я бы выделил и его друга Евгения Рейна, который именно в те «оттепельные» годы был, на мой взгляд, максимально хорош.

«Закат над широкой рекою
И город на том берегу
Исполнены жизнью такою,
Что я объяснить не могу.
Пешком возвращаясь с прогулки,
Гляжу на огни и дома,
Но ключик от этой шкатулки
Найти не хватает ума.
Подумать - Васильевский остров
Так близко - достанешь рукой!
Но, скрытен, как будто подросток,
Он что-то таит за рекой.
И желтое небо заката
Тревожно, и так же почти
Неясным волненьем объята
Душа на обратном пути».

Тот Рейн прекрасно вписывался в мою личную концепцию «трагичного одиночества», а его языковой арсенал в каком-то роде её дополнял. Если приглядеться к его стихам, то становится заметно, что поэзия Рейна в основном бытовая, «кухонная». Множество используемых слов типа «телефон», «провода», «переулки», «мосты», «аэродром», «чай», «билет» делают его поэзию доступной и понятной среднестатистическому читателю, претендуя на некую народность. Но народность предполагает открытость чувств и устремлений, подчас даже манифестацию, а стихи Рейна от этого далеки. Они, напротив, сворачиваются внутрь, а не раскрываются наружу, что лично я нахожу прекрасным. Собственно, это же можно сказать и о ленинградских коллегах Рейна, будь то Найман, Кушнер, Бобышев, Бродский и др.

Не менее увлекательным, на мой взгляд, поэтом был Вадим Шефнер. Он родился в Петрограде, жил в Ленинграде, а умер в Санкт-Петербурге. Считающийся писателем-фантастом, он тем не менее писал удивительной простоты и силы стихи, которые легко запоминаются и несут в себе колоссальный набор эмоций.

«Где койки стояли когда-то,
Где умер безвестный солдат,
По гладким дубовым квадратам
Влюбленные пары скользят.

Лишь я, ни в кого не влюбленный,
По залу иду стороной,
И тучей железобетонной
Плывет потолок надо мной».

Во время блокады Ленинграда Шефнер был военкором, поэтому он до конца жизни обращался в своих стихах к событиям Великой Отечественной войны. Тем удивительнее, что он не стал поэтом одного жанра, а раскрывался в любой теме, к которой прикасался. Он писал удивительно ранимые и откровенные стихи о любви, о будущем, об одиночестве, о природе и т. д. Его литературная деятельность растянулась на долгие десятилетия, но стихи его всегда были на хорошем уровне, что, к несчастию, бывает большой редкостью в литературной среде. К примеру, тот же старик Бродский, прожив, на удивление самому себе, довольно долгую жизнь, свои последние лет 10 расстраивал стихами чаще, чем радовал, да и вообще всё реже находил на них время... И мне кажется, что талантливый человек не может «уйти слишком рано», скорее талантливые люди уходят из этого мира, когда они уже сказали всё, что должны были сказать. Так Гёте умер по завершении «Фауста», так Булгаков скончался после «Мастера и Маргариты», и можно ещё долго продолжать этот список.

Вспоминая тех первых полюбившихся мне поэтов, я замечаю, что почти все они ленинградцы. В нашем обществе вообще давно закрепилась мысль, что Петроград-Ленинград-Питер – это пристанище ярких талантов и вольнодумцев, проще говоря, «культурная столица». Что ж, наверное, это недалеко от истины. Кто-то говорит, что это так в силу истории города, который немалое время был имперской столицей, кто-то считает – всему виной география, а именно максимальная близость к Европе. Но на мой взгляд, всё дело в самом городе, его архитектуре и атмосфере. Заключённая в гранит Нева, Триумфальная арка в римском стиле, перемены погоды с преобладанием холода и сырости, узкие дороги и тёмные переулки, бесконечные набережные и каналы – в этом городе многое работает на метафизическом уровне, и эта метафизика служит вечным импульсом для потенциальных творцов. Я бы назвал Питер «городом вечной осени», в которой вольно дышится именно тем, кто не от мира сего.

От века Железного до века Серебряного я добирался чуть дольше, но это стоило того хотя бы из-за творчества Александра Блока. Как и Иосиф Бродский, Блок послужил для меня определённым проводником в своё литературное время, очень тревожное и символическое во всех смыслах. Россия начала XX века, особенно интеллигентная её часть, чувствовала, что стоит на рубеже истории. Но это чувство было скорее не социально-политическим, как у декабристов века XIX, а более глубоким, подсознательным. Тем сильнее оно становилось после русско-японской войны и первой русской революции. Ещё никто не знал, как сложится судьба государства в дальнейшем, ещё никто не предвидел ужасов мировой и гражданской войны, но грядущие времена уже отбрасывали тень на человеческие души, и это вызывало естественное отражение в литературном процессе. Если посмотреть на это ещё глубже, то опять-таки становится видно, что Россия в этот момент находилась «в европейском тренде». К концу XIX века на Западе оканчивалась викторианская эпоха со свойственным ей неоромантизмом, мистицизмом, ханжеством и прочими занимательными атрибутами. Это было время длинных и сложных романов, фотографий post-mortem, неоготических зданий, спиритических сеансов, колониальных войн, приключений и экзальтированного морализма. Это была Эпоха с большой буквы, как бы мы к ней ни относились. Но на земле нет ничего вечного: ни людей, ни эпох. Поэтому, осознавая грядущую смену парадигм, европейская творческая и философская мысль начала искать новые мотивы для самоудовлетворения.

Эти новые мотивы в социально-антропологическом плане уже поднимались на поверхность из глубин размеренного и консервативного викторианства, чему способствовали становление дарвинизма, фрейдизма и ницшеанства – трёх китов «освобождения» человечества. В политологическом плане уже распускал щупальца красный спрут марксизма, затаивший в себе колоссальный потенциал как разрушительной, так и созидательной силы. С экзистенциальной точки зрения в капиталистических обществах назревал ключевой вопрос – как и с чем войти в Новейшее время человеку и государству. И этот вопрос не был риторическим, ведь, пожалуй, никогда ещё в мировой истории не происходило таких глобальных и стремительных перемен, затрагивающих все сферы жизни, начиная от индустриальной революции и заканчивая развитием СМИ и глобализацией

в целом. Даже падение Римской империи, приведшее затем к тёмным векам, было куда более длительным и ожидаемым процессом.

В культурном аспекте эти тревожные ожидания обречены были вылиться в модернизм, что, собственно, и произошло. Ведь отмирание старого невозможно без наличия рождающейся альтернативы, а эта альтернатива не будет таковой, если не станет реакционной. При этом культурологические сдвиги подобного масштаба не происходят сиюминутно, и предвестником модернизма выступил европейский декаданс, роль которого сложно переоценить. Декаданс, возможно, впервые освободил творческую мысль от оков морали, этики, теологии, человечности и прочих неприкасаемых реликвий общества. Отныне искусство было не для критики или поощрения, а для самого себя, вследствие чего табуированных тем в нём вовсе не осталось. Отдельно стоит отметить в этом жажду эстетизма, перерастающую в культ красоты, пусть даже это будет красота смерти или демонизма. Тема смерти и окружающий её ореол таинственности вообще всегда были близки западной культуре, поэтому теперь они могли раскрываться полностью. Что же касается всего явления в целом, то оно ёмко и доходчиво сформулировано в предисловии к «Портрету Дориана Грея» Оскаром Уайльдом. Вот лишь некоторые тезисы:

Художник — тот, кто создает прекрасное.
Раскрыть творение и скрыть творца — вот к чему должно стремиться искусство.
Нет книг нравственных или безнравственных. Книги или хорошо написаны, или плохо.
Художнику дозволено изображать всё.
Искусство — это зеркало, но отражает оно не жизнь, а зрителя.
Всякое искусство совершенно бесполезно.

Этот «гимн эстетизма» по определению является и гимном декаданса как более глубокого воплощения актуальных тогда воззрений на искусство.

В России декаданс как таковой не стал знаменем «периода междуцарствия парадигм», однако он и без этого выполнил ключевую функцию нового культурного моста между Россий и Европой, в первую очередь Францией. По этому мосту и прошагали вышеупомянутый Уайльд, Бодлер, Верлен, Рембо и многие другие. Германия и Франция как ключевые державы континентальной Европы почти всегда были законодателями мод в творчестве и мышлении не только для России, но и для всех европейских стран. Другое дело, что французы умели не только творить историю, но и популяризировать её, – немцы в этом немного уступают. Что же касается России, то к началу XX века она уже полстолетия как не являлась «культурным придатком» Запада, имея готовую почву не только для взращивания чужих, но и своих зёрен.

Эти зёрна вскоре проросли в лице Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой, Анны Ахматовой и, разумеется, Александра Блока – потенциально самого сильного поэта эпохи, на мой взгляд. Его сила скрывалась во многих аспектах, таких как музыкальность (напевность) его строк, воплощённая в самосознании народность, волнующий мистицизм, умение заглянуть внутрь объекта творчества, с тем чтобы после преподать его иную сторону… Для меня же более всего важен в нём хрупкий душевный мир, который извечно мечется между драмой и комедией жизни, понимая, что драма всё равно победит. И вот он вновь и вновь в своих строчках осознаёт собственное неустройство, пустоту, которую вечно нужно заполнять, предчувствует великие и печальные события, в первую очередь для самого себя. Он пишет об этом с трогательной откровенностью и тем самым заставляет читателя стать сопричастным.

И ты, мой юный, мой печальный,
Уходишь прочь!
Привет тебе, привет прощальный
Шлю в эту ночь.
А я всё тот же гость усталый
Земли чужой.
Бреду, как путник запоздалый,
За красотой.

Понимая всё это, не удивляешься, что А. Блок прожил всего сорок лет, лишь ненамного пережив многих великих участников «клуба 37», таких как А. Пушкин, Д. Байрон, В. Маяковский и др.

Просматривая даты рождения и смерти писателей такого масштаба, поневоле задаёшься вопросом – не сами ли они своим творчеством приближали собственный конец, привлекая к себе излишнее внимание высших сил? Или, может быть, они просто жили «слишком широко», ничего не пропуская мимо своего сердца и разума в силу многих обострённых качеств своей натуры? Так или иначе, им вряд ли есть о чём сетовать, ведь они уходили, оставив после себя огромное наследие, а это, пожалуй, наивысшее счастье человеческой жизни – не впустую растраченный талант.

А. Блок по глубине творчества, по масштабу личности, по техническому арсеналу и многим прочим параметрам был лидером Серебряного века, во всяком случае, я не знаю, кого можно было бы поставить с ним рядом, кроме разве что С. Есенина (со множеством оговорок). Собственно, и сами современники Блока в большинстве своём были о нём такого же мнения, называя его загадочным, мистическим, изумительным и почти всегда – великим. Безусловно, великим был и лидер века Золотого – А. Пушкин. Поэтому мне всегда было интересно сопоставлять двух Александров в их поэзии. От смерти одного до рождения второго их разделяет 43 года, это два поколения, и три поколения, если брать за отсчёт первую книгу Блока. Срок ничтожно малый в масштабах мировой литературы, но мы видим, как за это время меняется сам язык, а что ещё важнее, меняется сама роль поэта. Дело в том, что, несмотря на многие «откровения» от Пушкина, несмотря на многие действительно масштабные его работы, в своей поэзии он чаще всего выступает как художник, а не как творец или мыслитель. Если начать читать любой сборник его сочинений, то довольно быстро замечаешь, что Александр Сергеевич использует свой творческий потенциал для призыва, пересказа, восхищения. Делает это он, конечно, красиво и органично, для оценки возможностей русского языка, безусловно, хорошее чтение. Но за этим более ничего и не видно, ни собственной философии, ни собственной драматургии. Неудивительно, что он был крайне популярен при жизни и остался таким после смерти, ведь по большому счёту это поэт развлекательного жанра, поэт площадей, но не пыльных задумчивых библиотек. На мой взгляд, это не плюс и не минус Пушкина, это его сущность, в которой он гармонично пребывал. Но для меня лично он бы проиграл поэтическую дуэль А. Блоку, хотя бы в силу несравнимо большей глубины последнего. «Поэт в России больше, чем поэт», написал как-то Е. Евтушенко. С этим трудно поспорить, но, как мне кажется, эта фраза начинает работать именно с эпохи Блока, ведь именно тогда поэзия взяла на себя труд размышления. И если мы оставим в покое вышеуказанный сборник Пушкина и переключимся на сборник Блока, то заметим, что во втором случае практически нет бесцельных стихов ради красного словца, почти все они «заминированы» той или иной мыслью (переживанием), которая болезненно расползается по строчкам.

В силу вышесказанного мне было бы легче сравнивать Александра Сергеевича с Сергеем Есениным, который также выглядит очень площадным поэтом, небезосновательно претендующим на максимальную народность своего творчества. То, что Есенин уже долгие годы – самый народный поэт России, вообще не приходится сомневаться, хотя бы потому, что многие его стихи превратились в дворовые песни и шансон – в России это наивысшее признание. Произошло это не в последнюю очередь и потому, что С. Есенин, имея творческий потенциал Пушкина, усилил его искренностью подачи и возвёл свои лирические переживания в некий абсолют, за которым возможно только самоубийство (что и случилось). Будучи по-настоящему русским человеком, имеется в виду – человеком из ниоткуда, человеком, ничего никогда не имеющим, кроме неба над головой и земли под ногами, Есенин в отличие от столичного повесы Пушкина действительно представлял собой всю огромную Русь. Эта Русь молода и симпатична на лицо, она пьяна и бесшабашна, она остра на язык и не чурается пускать в ход кулаки, она отдаст последнюю рубашку, если кому-то нужнее, она быстро влюбляется, и эта любовь имеет космические масштабы. Эта Русь живёт крайностями, в состоянии вечного конфликта сама с собой – что уж там говорить про окружающий мир? Поэтому этой Руси всегда будет очень понятен такой тип поэта, как Есенин, ведь он плоть от плоти её. Не случайно он и Маяковский явились во всём своём блеске именно в суровое революционное время, словно два мессии-антагониста, проповедующие каждый своей пастве. Но если проповедь Маяковского была о будущем, то в стихах Есенина читается всё же прошлое, и тем это заметнее, чем ближе его смерть. «Теперь октябрь не тот…», «не вчера ли я молодость пропил?», «глупое сердце, не бейся», «на московских изогнутых улицах» и прочие знакомые каждому строчки напоминают о том, что чем ярче

звезда горит – тем быстрее сгорает, всё осознавая и кое-как примиряясь. Мне кажется, Пушкин и ему бы проиграл в поэтической дуэли, ведь есенинская беспощадная душевная откровенность сломает любое академически-изысканное построение.

Завершая воображаемые битвы Пушкина с коллегами по цеху, не могу сравнить его и с М. Лермонтовым. Наверное, можно и не говорить, что, на мой взгляд, «наше всё» Александр Сергеевич проиграл бы и тут, ведь Лермонтов, помимо такой же масштабности таланта, обладал ещё и собственным мировоззрением, философией, набором ярких личностных качеств. Не случайно и по сей день Михаил Юрьевич больше предпочитаем интеллектуалами, чем А. Пушкин. При этом удивительная ясность и доступность его серьёзных мыслей и сложных образов сделали его почитаемым поэтом у самых разных возрастных категорий читателей, что также подразумевает настоящую народность творчества, а, следовательно, актуальность. Так и хочется обозначить Лермонтова «более глубоким Пушкиным», но всё же это будет неверно. Ведь А. С. Пушкин – «наше всё» не потому, что он написал какие-то хорошие стихи или поэмы, а потому что он был состоятелен во всех жанрах, в которых работал и в этом он не знает себе равных. Кто-то с детства помнит его сказки, кто-то – лирические стихи, кто-то перечитывает «Повести Белкина», и именно поэтому Пушкина не совсем корректно сравнивать с кем-либо. Ведь он построил себе поистине «памятник нерукотворный», который настолько разнообразен, что рассмотреть в нём какого-то одного Пушкина уже, наверное, и невозможно. Так в античной философии существовали школы эклектиков, которые вбирали в своё учение всё самое интересное из академических школ. Они выглядели мудрецами на фоне простых граждан, ведь могли говорить о платониках, киниках, сократиках и проч. Другое дело, что при этом они не разбирались досконально ни в Платоне, ни в Диогене, ни в Сократе, да и своего чёткого философского учения не имели. Так и Александр Сергеевич явился нам, чтобы упорядочить имеющийся языковой арсенал и заложить основы для будущих памятников литературы. Если посмотреть на него через евангельскую призму, то он больше походит на предвестника, чем на посланника, он готовит читателей к грядущей литературе, но никуда сам не ведёт. И мне также кажется, что это можно отнести не только к А. Пушкину, но и ко всем его современникам, ведь во многом они были первопроходцами, они лишь начинали зарождать в себе образ профессионального поэта, развитый затем в постимперское время. Ведь именно поколение Блока стало всей своей жизнью, а не только творчеством, показывать, как можно жить и умирать, будучи полностью погружённым в искусство. Впрочем, это лишь моё частное мнение.

Выпустив столько парфянских стрел в век Золотой, но признавая всё же его неоценимую важность и колоссальность, хочется вернуться к веку Серебряному и, поклонившись ещё раз тени Александра Блока, вспомнить о других культовых авторах, таких как Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Марина Цветаева… Они все прожили довольно долгую жизнь для русских поэтов (больше 45 лет), но весьма быстротечную для обычных людей. Они были различны между собой в своём творчестве, мировоззрении, личных качествах. Не повторились они и в своих смертях; Мандельштам сгинул в советских лагерях, Цветаева удавилась, Ахматова дожила до относительно счастливой старости, имея статус живой легенды и множество окружавших её почитателей. Тем не менее есть одно общее, что навсегда связало этих людей – русская литература, в которой они, несмотря ни на что, состоялись.

Вспоминая Плутарха, тянет заняться сравнительными жизнеописаниями, к примеру, Мандельштама и Пастернака, Ахматовой и Цветаевой. Правда, «жизнеописания» вряд ли уместный здесь термин, ведь они и так всем хорошо известны, да и я не биограф... Но соотнести между собой какие-то творческие и личностные качества этих людей не менее занимательно, на мой взгляд, нежели рассуждать об их мрачных судьбах.

Осип Мандельштам мне видится самым образованным из вышеупомянутых лиц, как в силу врождённого (еврейского) любопытства, так и в силу обучения в Европе. Эта образованность накладывает отпечаток и на его стихи, особенно ранние и средние, в которых уживаются между собой петроградские набережные и античные статуи, современники и древние боги. Независимо от периодов творчества, как поэт, Мандельштам всегда направлен вглубь себя, играя со своими чувствами, со своим подсознанием. Он принял православную веру для возможности нормальной жизни и обучения, но его внутренние отношения с Богом запутанны и противоречивы. В его душе не видно обжигающего света, дарованного Творцом, скорее там вечные сумерки, в которых царствует Рим, омываемый со всех

сторон морем. Империя, боги, море – это всё равновеликие и по большому счёту равнодушные вещи, которые ничем не превозмочь и которым можно лишь поклоняться и подчиняться. Таким образом, эстетическая и психологическая канва творчества Мандельштама выглядит вполне гармонично, учитывая, что вышеперечисленные объекты ещё и являются по определению вечными. Такой же «вечный-равнодушный» контекст имеет и природа – она окружает автора, она прекрасна, но она суть декорация и не заступится за актёра, если что-либо с ним приключится. Поэтому земля у него частенько ассоциируется с омутом или дремучим лесом, а море с бесконечностью – и там и там легко пропасть, затеряться. И не в последнюю очередь от самого себя.

Иосиф Бродский родился через пару лет после смерти Мандельштама, чтобы возвести его творческие формулы в некий абсолют. Можно даже пошутить, что один великий еврей наследовал другому, и в этом будет рациональное зерно, ведь мандельштамовское влияние на Бродского трудно переоценить. Можно вспомнить и многие почти дословные строки, и тягу к Риму, морям и богам, и различные выпады в сторону режима (при вполне себе имперском мышлении), приведшие к смерти первого и эмиграции второго. Я при этом не считаю, что Мандельштам имел какие-либо политические окраски или предпочтения. Он как человек далеко не глупый долгое время уживался с любой властью, не чураясь компромиссов. Другое дело, что, когда степень окружающего абсурда стала зашкаливать – это потребовало от него хоть каких-то действий для возвращения окружающему бытию, а значит и себе, относительно гармоничного, вменяемого состояния. Для этого он и осуществил свой перформанс с чтением «кремлёвского горца», весьма посредственного, кстати, стихотворения с литературной точки зрения. Собственно, это же сказал ему и Пастернак, который вообще не понял, зачем уважаемый поэт читает такие посредственные пасквили, да ещё и прилюдно. Говорят, Сталину это стихотворение пришлось по душе, что, впрочем, не выглядит чем-то странным. Ведь это стихотворение и писалось для Сталина, поэтому оно такое экспрессивно-примитивное как по форме, так и по содержанию. Сталин же в свойственной ему манере отблагодарил поэта тем, что не расстрелял сразу, а дал ещё помучиться и всё заново переосмыслить, но дамоклов меч над поэтом уже завис навсегда.

Осип Мандельштам был, наверное, самым прозападным по духу поэтом Серебряного века. Возможно, ему стоило бы связать жизнь не с берегами Невы, а с берегами Средиземного моря, но, как мы помним из пословицы, располагает Бог, а не человек, следовательно, то, что кажется нам разумным и рациональным, где-то на небе оценивается совсем иначе. Опять же, история не терпит сослагательных наклонений, и мы всегда имеем то, что имеем, что, впрочем, не так уж и плохо, ведь вклад Мандельштама в копилку русской литературы был и правда велик. Я не почитатель всего его литературного наследия, скорее даже не являюсь в полном смысле почитателем его поэзии, но те мысли и формулы, которыми он оперировал, мне близки. Империя, боги и море – что ещё не хватает для бесконечного вдохновения? Разве что блоковской «прекрасной Дамы».

Борис Пастернак на этом фоне выглядит не так драматично, его даже можно назвать счастливым человеком, соглашаясь с мнением литератора Д. Быкова. Ведь счастье действительно имеет мало отношения к внешнему благополучию, а порой не имеет вовсе. Как там было в старой сказке Гауфа: «Знал я на своем веку и богатство, и бедность. Беден я был, когда был богат, богат – когда беден. Были у меня раньше каменные палаты, да зато и сердце в моей груди было каменное. А теперь у меня только домик с печью – да зато сердце человечье». Пастернак имел свой домик с печью (в Переделкино), были у него любимые им люди, любовь эта была чаще всего взаимной, и, что, пожалуй, самое важное – его талант был реализован и при жизни оценён. Я вообще не знаю, есть ли большее счастье для творца, чем увидеть победоносную поступь своего детища. И дело тут даже не столько в Нобелевской премии, которая никогда не является самоцелью, а дело в признании по ту и по эту сторону океана. Да, наша литература последние полтора века востребована в самых разных частях света, но между тем нобелевских лауреатов у нас было всего 5 – Иван Бунин, Михаил Шолохов, Александр Солженицын, Иосиф Бродский и собственно Борис Пастернак. Примерно столько же громких имён данной премии не получили, но так же широко известны за пределами отечества: можно вспомнить Фёдора Достоевского, Владимира Набокова, Льва Толстого, Антона Чехова; да и в общем-то всё. Поэтому, как здравомыслящий человек, Пастернак не мог не чувствовать своей особой роли в истории культуры, тем более на фоне многих и многих своих современников, взращённых секретарями ЦК по идеологии.

Безусловно, это был человек колоссального таланта, но ещё более колоссального трудолюбия. Говорят, он не мог не писать, брался за это с самого утра и зачастую просиживал над рукописями до позднего вечера. Когда у него спрашивали, где он берёт вдохновение, он отвечал, что его можно найти во всём, что нас окружает. Не менее важным его качеством была непоколебимая вера в самого себя и в правильность своего пути, дававшая ему жизненную и творческую стабильность. Он не метался в горячечном бреду, как Есенин, не сгорал от страстей, как Маяковский, не погружался в омуты безумия, как многие декаденты или символисты, – он занимался своим ремеслом, затачивая его, словно римский легионер свой гладиус перед каждым боем. И это приносило свои плоды. Если многие ранние стихи Пастернака выглядят неким абстрактным символизмом, с непонятными образами и не самым благозвучным синтаксисом, то со временем его стихи обретают гармоничность и ясность мысли, при этом без потери пастернаковской масштабности и образности. Более того, всё яснее в них выражается религиозная линия, проходящая через всё творчество и прибавляющая творчеству сентиментальности и народности. Он, без сомнения, был искренне религиозен, даже мистичен в своей поэтической и личностной составляющей. И этот страх Божий, который всё более вставал во главе угла, позволял ему не только литературой, но и своей жизнью доказывать состоятельность и целостность своей натуры. Даже если это было не совсем так, то такая версия выглядит имеющей право на жизнь в глазах русского человека.

Мне нравятся поздние стихи Пастернака, они представляют собой квинтэссенцию опыта – опыта лет и чувств. В этих стихах не нужно ломать голову над сложными построениями, в них не нужно отыскивать автора, блуждать за нитью его мыслей. В этих стихах автор сам себе начало и конец, сам себе тьма и свет, сам себе лабиринт и нить. В них он самодостаточен настолько, насколько вообще может быть самодостаточной исповедь, а ведь именно это и происходит в творчестве зрелых во всех смыслах людей – процесс исповедания.

С этой точки зрения мне почему-то иначе смотрится на двух главных женщин русской поэзии, да и всей литературы – Анну Ахматову и Марину Цветаеву. Это были безусловно сильные натуры и в личностном, и в творческом планах, но всё лучшее у них, на мой взгляд, было создано в годы молодости. В противовес этому мнению можно, разумеется, привести «Реквием» и много чего ещё, но мне лично куда интереснее перечитывать их стихи 10-х годов XX века. Возможно, потому, что мало какие вещи тогда отражали начало века лучше, чем их стихи. В этих стихах (что одной, что другой поэтессы) были неукротимые чувства, пафос и самоотречение, восторги и обиды, игра света и теней. Это были очень женские стихи, которыми могла говорить (и говорила) вся Россия. Другое дело, что потом женщины эти менялись, на их судьбах появлялся налёт истории, любовных неудач, бытовых разочарований и просто старости. И это вновь доказывает то, что каждой звезде уготован свой пик яркости на небосклоне, после которого она, мигая, станет тускнеть, чтобы после совсем исчезнуть. Хотя, если говорить о Марине Цветаевой, то словно исключение из правил выглядит её последнее стихотворение, безумно прекрасное со всех точек зрения.

«Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
- "Я стол накрыл на шестерых"...
Ты одного забыл - седьмого.
Невесело вам вшестером.
На лицах - дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть - седьмую...»

Прекрасны и последние стихи Владимира Маяковского, причём практически все. Разумеется, с идеологической точки зрения к ним может возникнуть немало вопросов, но, как мне кажется, даже самый отъявленный монархист согласится с тем, что Владимир Владимирович был человеком колоссального таланта. Его своеобразная лирика не уступает эмоциональностью есенинской, его стиль узнаваем и уникален. Являясь добровольным певцом эпохи, Маяковский сохранял собственное мнение по всем событиям, происходящим на его глазах, поэтому, как человек весьма порядочный и честный, не мог рано или поздно вступить в конфликт с происходящим. И здесь дело даже не в личностях, а в смене всего исторического фона, ведь после модернизма ленинских лет пришёл сталинский консерватизм. Маяковский не мог простить этого эпохе, да и эпоха не могла простить

Маяковского. В этом противостоянии было очевидно, кто является лишним, и Маяковский в итоге застрелился в возрасте А. Пушкина, оставив не столь огромное, но всё же внушительное наследие. Школьная программа, касающаяся В. Маяковского, была чудовищной, поэтому мне долго потом приходилось пересиливать себя и искать в нём что-то своё. Правда, один раз отыскав, я уже был в рядах его почитателей. Его поэмы «Про это» и «Во весь голос», его посвящения Л. Брик, его зарисовки о путешествиях дают ответ на то, кем был этот главный бунтарь русской литературы, и этот ответ лежит далеко не в идеологическом поле.

Я попытался пройтись взглядом по ключевым фигурам русской поэзии, которые оказали лично на меня колоссальное влияние и которым я всегда буду благодарен. Разумеется, любой человек из этого списка достоин отдельной статьи, эссе, книги… Но литература тем и прекрасна, что она развивает сама себя, и всё, что я мог бы сказать, давно уже сказано кем-то талантливее и опытнее меня. Поэтому, рассуждая о великом и о великих, я могу лишь прибавлять ко всему уже сказанному лишь небольшую часть себя самого и надеяться, что кто-то схожий со мной, осмысляя это, вспомнит и свой собственный опыт чтения, опыт восторга и удивления от того, чем может становиться обычное русское слово.

Литдневник

Вспоминая любимых поэтов

Это прекрасно, когда человек может по памяти выдать список из хотя бы 10-15 имён, заинтересовавших его своим творчеством. Когда он может процитировать "по случаю" хотя бы пару строф из любимых им классиков или современников. У меня с этим всегда было туго, хотя бы потому, что любимых поэтов очень уж много, а стихов, застрявших в памяти, соответственно ещё больше. Поэтому всегда теряешься, когда просят назвать любимого поэта или любимое произведение. Начинаешь в своей памяти раскладывать всё по категориям, по эпохам, по гендерным, стилистическим, идеологическим и прочим признакам. Ведь поэзия XX века – это совсем не то, что поэзия XIX или тем более XVIII века. Ведь Маяковский писал совсем не так, как Ахматова (что не отменяет гениальности обоих). И, уж конечно, Баратынский будет читаться совсем не так, как Евтушенко, хотя бы потому, что их разделяет, кроме столетия, ещё и язык, его трансформация. Да и поэты не всегда сохраняют своё качество по ходу жизни, кто-то лучше пишет в молодости, кто-то, наоборот, в старости (если получается до неё дожить). Отдельный вопрос – западная поэзия, которую также можно разложить на десятки категорий для большего удобства.

Но что касается меня лично, то я последние годы предпочитаю примерно следующее:

Иосиф Бродский (образца 60-х и 70-х), ранняя Анна Ахматова, поздняя Марина Цветаева, поздний Борис Пастернак, Александр Блок (начала XX века), Николай Глазков, Вадим Шефнер (зрелые его стихи), поздние стихи Андрея Ширяева (был и такой поэт), лирика Владимира Маяковского ("агитпроп в зубах навяз"), многие вещи Евгения Евтушенко из разных периодов. Из представителей Запада я выбираю Джона Байрона, Сильвию Плат, Эмили Дикинсон, Роберта Фроста, Уистона Одена, Карла Сэндберга. Из отечественных современников продолжают работать Сергей Сеничев, Дмитрий Быков, Евгений Рейн, Михаил Розенштейн... Это те имена, которые приходят в голову после недолгого раздумья, но на самом деле круг качественной поэзии воистину необъятен, и нужно просто читать, читать и читать, чтобы продолжать открывать для себя что-то новое.

Физика и метафизика стихов

На мой взгляд, стихи, как и любое иное искусство, имеют две составных части: тело и душу, внешнее и внутреннее. Со внешним, в целом, всё понятно – ритмика, размер, просодия, рифма... Но не это делает стихи стихами, это лишь форма, сосуд для чего-то более ценного. Даже смысл, на мой взгляд, стоит не на первом месте. На первом месте стоит метафизика стиха, его душа, его магия. То, что заставляет читателя думать, страдать, улыбаться, сопереживать и т. д. И именно с этим проблемы у большинства поэтов: как построить не просто здание, а тот домашний очаг, в который захочется возвращаться, как породить не гомункула, а настоящего ребёнка. В общем-то эта метафизика и делает

текст Стихотворением, а графомана – Поэтом. Впрочем, и настоящие поэты далеко не каждый раз справляются с этой сверхзадачей, более того, чаще всего именно не справляются. Ведь даже читая любимых авторов или признанных классиков, зачастую приходится пролистать полкниги, прежде чем отыщешь что-то действительно стоящее. Зато это стоящее будет на вес золота, возможно, ради него вся книга, собственно, и писалась.

Откуда же берётся эта метафизика стиха? Кто-то вспомнит про талант, кто-то про писательский опыт, кто-то про Божественное откровение. Я считаю, что это сумма факторов. Очень многое должно совпасть, чтобы получился настоящий шедевр: и талант, и опыт, и время, и место, и озарение, и переживание и т. д. Действительно хорошие вещи не получаются "по щучьему веленью и моему хотенью". Но тем не менее у каждого поэта в жизни был как минимум один такой опыт, когда у него получилось абсолютно всё. И хотя бы за эти короткие мгновения Созидания стоит любить литературу и продолжать верить в себя.

Масштабное мышление

Мне кажется, что поэта делает поэтом (помимо прочего) масштабность задач, которые он перед собой ставит. Естественно, у каждого стихотворца есть те рамки, в которых ему удобно и легко. Например, человек привык писать двустопным ямбом стишки по 8 строк каждый и пишет так всю жизнь. Ну удобно ему так, зона комфорта такая. Возможно даже, он однажды напишет что-то крупное амфибрахием, но потом снова вернётся к старому проверенному ямбу, двустопному разумеется. Потому что привычка – вещь сильная, да и зону комфорта нарушать не хочется.

Это я всё вот к чему. Настоящий поэт не должен всю жизнь прозябать в одних формах, это, на мой взгляд, преступление против своего таланта. Нужно писать по-разному, хотя бы для того, чтобы развивать себя и своего читателя. Это как в спорте – выше, быстрее, сильнее! И вот максимальная высота, как мне кажется, – это работа с крупными формами: поэмы, пьесы, венки сонетов, циклы и т. д. Я бы особо выделил поэмы и пьесы, потому что здесь автор может выступать не только как поэт, но и как повествователь. По сути, ступать одной ногой в поэзию, а другой в прозу. И если этот эксперимент у него получается так же хорошо, как и написание планового стишка вечером, то поэт действительно состоялся.

Лично я за свою недолгую жизнь написал примерно полтысячи больших и малых стихотворений, но моей мечтой всегда было сделать пару хороших поэм и пару пьес. Когда мне это удастся, я тут же оставлю поэзию и уйду с головой в прозу, но пока мне это не удалось, я буду терзать Мельпомену и Каллиопу. Может, что-то из этого наконец и получится.

Когда нет вдохновения

Любой автор знает, что писать под воздействием вдохновения легко и приятно. Стихи фактически пишутся сами, успевай только барабанить пальцами по клавиатуре или водить авторучкой по листу. Но такое состояние ещё нужно отыскать, поймать, удержать, успеть воспользоваться... А это не всегда получается.

Когда лично я испытываю какие-то проблемы с вдохновением, я начинаю вызывать его искусственно. Для этого у меня есть масса способов. Например, можно почитать любимых авторов, можно попинать листья в парке, можно поговорить с интересным собеседником, можно поискать правильный размер первой строки. По сути все эти действия – это настройка самого себя на нужный созидательный лад. Не знаю, как это работает у других, но мне это обычно помогает. Особенно стоит отметить поиск правильного размера первой строки. Ведь если какое-то стихотворение не пишется, стоит посмотреть: а верный ли выбран размер? Верна ли ритмика, просодия стиха? Возможно, вы пытаетесь облечь свою мысль в несвойственную ей форму. И если поэкспериментировать с первой строчкой, то можно вдруг обнаружить, что вдохновение на месте. Просто следует по-другому начать.

В стихах вообще важно правильно начать. Это в прозе можно начинать с любого места и потом подводить читателя к чему угодно. Но первая строчка стихотворения задаёт тон всему произведению и до самого конца держит автора в известных границах (если это не поэма, разумеется). Поэтому я

всегда перебираю множество вариантов, прежде чем начать что-либо писать, и начинаю лишь тогда, когда чувствую, что выбранный размер меня устраивает.

Когда есть вдохновение

Что такое вдохновение и откуда оно вообще берётся? Мне кажется, это обострённое чувство сопричастности этому миру или его отдельному проявлению. Эту сопричастность можно найти в чём угодно: в порыве ветра, в плаче ребёнка, в чтении любимой книги, в хрусте снега под ногами, в ночном затишье.

Лет пять назад в начале августа пошёл сильный дождь, и он не кончался почти неделю. За эту неделю я написал больше стихов, чем за три предыдущих месяца, и мог бы написать ещё. Что-то было в этом дожде такое, что настраивало на лирический лад. Но был и другой случай. Год назад холодным осенним утром я курил возле подъезда, и старая соседка остановилась перебросить парой слов. Помимо прочего она сказала, что у неё последняя стадия рака и ей осталось примерно пару месяцев на этом свете. «Очень больно всё это, скорее бы…» – сказала она равнодушно в конце и пошла к двери. Словно провожая её, налетел ветер и закрутил в свои вихри опавшие листья. Я смотрел ей вслед, предчувствуя, что вижу её в последний раз, смотрел на эти танцующие листья и ощущал себя героем какого-то драматического фильма или романа. А ещё я чувствовал, что могу сейчас написать что угодно и всё получится. Только писать ничего не хотелось.

Иногда лучше помолчать.

Что портит стихи

Всё сказанное ниже – моё личное мнение, не претендующее на истину.

Я рассматриваю поэзию как застывшую частицу вечности, а вечности нет дела до многих вещей. По сути, ей ни до чего нет дела, но есть такие проблемы и темы, которые её просто оскорбляют. Не потому что они неправильны, а потому что они временны, наивны и субъективны.

1. Морализм.

Никто не знает, как жить правильно. Никто. Даже как жить неправильно, по сути, никто не знает, потому что общество – это сумма индивидуумов. Но даже не то плохо, что иногда поэт пытается навязать свои оценочные суждения читателю, а то плохо, что чаще всего это выглядит безвкусно и пошло. И тогда поэзия скатывается до уровня плакатных лозунгов.

2. Политика.

Многие пишут на злобу дня или чтобы донести до читателя своё отношение к происходящему в стране и в мире. Это, как правило, путь в никуда, такой поэзией можно топить печки. Опять же не потому что эти стихи плохи (они иногда весьма недурного качества), а потому что это – сиюминутное оценочное суждение отдельно взятого события отдельно взятым человеком, которое он пытается выдавать за истину последней инстанции. В итоге это опять безвкусно и пошло, плюс ко всему временно. Такие стихи долго не живут. Если нравится политика, лучше издавать газету. Я имею право это говорить, ведь и сам написал немало пропагандистских стишков, о которых теперь жалею. И политическую газету тоже издавал, чем также не особо горжусь.

3. Эпигонство.

Это самое сложное. Не все понимают, что на свете уже был Есенин, писавший про белую берёзу за окном. Уже был Пушкин, писавший про любовь, угасшую не совсем. Уже был Некрасов, размышлявший, кому на Руси весело и вольготно живётся. Все они были и получили свою порцию славы. Возможно, им даже и стоит подражать до известного момента и предела, но потом всё равно придётся писать что-то своё. Пусть даже про берёзу за окном, и про любовь, и про Русь, но своё, своим языком, синтаксисом и т. д. А если писать по-своему так и не получается, то зачем тогда себя мучать?

Примитивность мысли

Я уже писал о том, что, на мой взгляд, портит стихи. Упоминал там политику, морализм, подражания... Но самый страшный грех автора – это всё же примитивность его мышления. И правда, пусть рассказывает, как надо (и не надо) жить, пусть критикует народы и правительства. В конце концов, мы все это любим. Но когда за всем этим нет никакого полёта мысли, никакого литературного возвышения, то это совсем грустно читать. Почему-то многие люди всерьёз думают, что стихи – это зарифмованные мысли. Но это не так. Стихи – это всё же искусство. Приведу для примера стихи Вадима Шефнера:

Зеркало

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная высится стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное -
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены,-
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась
Иль по дорогам странствует каким,
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?..

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Слепят пожары дымом и огнем,
Но все пройдет. И, что бы ни случилось,-
Враг никогда не отразится в нем!

1942, Ленинград

На примере какого-то зеркала показаны ужасы войны, лирика, вера в Победу. Это, собственно, и есть признак мастерства, когда, по сути, из ничего появляется что-то. Можно даже провести параллель с Творцом, который творил мир из ничего и делал первого человека из глины... Но это удел творцов,

творить из ничего или из того, что валяется под ногами. Большинство обычно способно лишь на вполне себе примитивные эскапады, слегка зарифмованные и до боли наивные. Типа "ты уйдёшь, и я умру, ну не к ночи, так к утру", "над Россией солнце светит, Запад нам за всё ответит", "не хватило мне на торт – президент уже не тот" и так далее. Мне кажется, это происходит из-за недостаточно широкого кругозора и недостаточной заинтересованности. Никто ведь не берётся проводить операции по трепанации черепа без соответствующего образования, а стихи написать вроде как можно и без этого, сел и зарифмовал по-быстрому то, что пришло в голову… Но так просто ничего не бывает. Любой писатель должен быть в первую очередь как минимум начитанным человеком, который изучил десятки стилей, прежде чем найти самого себя. Да и в предмете обсуждаемых вопросов тоже стоит разбираться. Маяковский, который писал про коммунизм, изнутри и снаружи знал ВКП(б). Бродский, который немало писал про Италию, исколесил её вдоль и поперёк. Тот же Шефнер, писавший про войну, видел её своими глазами. И так далее.

О чём бывают стихи

Основные темы творчества не меняются на протяжении тысячелетий: любовь, жизнь, смерть, природа, Бог, война, власть, память. В некоторых древних памятниках литературы (к примеру, "Илиада" Гомера или "Махабхарата" Вьясы) присутствует всё это сразу. Вообще в крупных формах, таких как поэма, пьеса или трагедия, всё это чаще всего взаимодействует и гармонирует. Из-за любви начинается война, рушатся государства, гневаются боги, сплетаются жизнь и смерть, чтобы кто-то потом вспомнил это и рассказал. Идеальный рецепт для написания эпического произведения. Но такие крупные вещи надо писать всю жизнь (как Гёте писал своего «Фауста»), а чаще всего хочется просто набросать пару десятков строк о чём-то наболевшем. И тогда люди пишут о своих любовных переживаниях, о погоде за окном или о своём отношении к происходящему в мире. В мире же всегда что-то происходит, значит, не закончится пища для размышления. Погода тоже как минимум 4 раза в год меняется, да и любовь на месте не сидит – то придёт, то уйдёт.

Но зачастую попытки мыслить глобально приводят к обратному эффекту. Стихи о великой любви, о неправильной политике, о жизни и смерти сами по себе уже порядком надоели. Хотя бы потому, что все об этом высказывались, и не один раз. Поэтому особую ценность приобретают мелочи, через которые можно и выйти в итоге на нужную тему. Например, это хорошо работает в кинематографе. Если фильм ужасов снимает плохой режиссёр, то он будет пугать зрителя примитивными чудовищами и монстрами. Но если режиссёр толковый, то зритель сам не поймёт, почему ему страшно. Просто страшно и всё.

Так и в литературе. Стихи могут быть о чём угодно, но не стоит сразу раскрывать все карты читателю и говорить, что это про несчастливую любовь или проигранную войну. Пусть читатель побродит по лабиринтам разума автора, пусть проникнется его философией. Только почувствовав сопричастность с автором, читатель будет ему благодарен. И тогда ему уже не важно будет, о чём это всё, о Боге или о государстве, о любви или о войне. Ведь художественные книги нужны не для обмена информацией, а скорее для обмена настроением. Например, в поэзии Бродского это работает на 100%, потому что, казалось бы, больше там работать и нечему. Пример:

Когда снег заметает море и скрип сосны
оставляет в воздухе след глубже, чем санный полоз,
до какой синевы могут дойти глаза? До какой тишины
может упасть безучастный голос?
Пропадая без вести из виду, мир вовне
сводит счеты с лицом, как с заложником Мамелюка.
...Так моллюск фосфоресцирует на океанском дне,
так молчанье в себя вбирает всю скорость звука,
так довольно спички, чтобы разжечь плиту,
так стенные часы, сердцебиенью вторя,
остановившись по эту, продолжают идти по ту
сторону моря.

Шведская музыка (1975)

О чём эти стихи? Так и хочется ответить: «Да ни о чём», хотя это будет и не совсем верно. Каждый найдёт в них какой-то свой смысл, как минимум – своё ощущение. Но как бы там ни было, они вызывают какую-то светлую грусть, они работают на эмоциональном уровне. И кто-то скажет, что это о погоде, о любви, о расстоянии, одиночестве. Но в итоге это – ещё один пример того, как без особого смысла, играя словами и ритмикой, можно строить что-то фундаментальное.

Поэт или писатель

Как-то мне довелось услышать от одного почтенного джентльмена, что поэзия более сложна, чем проза, а, следовательно, и поэты должны цениться выше, чем писатели. Я не стал тогда вступать в полемику по этому поводу, однако в последующем не раз слышал подобные мысли от разных людей. И чем чаще это доводится слышать, тем чаще задумываешься – так ли это?

Поэт и прозаик – это, несомненно, разные люди, в том числе и по своему мышлению. Они оба анализируют этот мир, осознанно и неосознанно выискивают в нём пищу для своего творчества. Но если основное оружие поэта – это экстракт его мыслей и чувств в ритмические зарифмованные строки, то оружие писателя – это, напротив, детальная, объёмная подача его мыслей и чувств. Вспоминается пример булгаковского поэта Бездомного, которому дали карандаш с бумагой и попросили изложить случившееся с ним на Патриарших прудах. Несчастный поэт множество раз начинал своё "изложение", но терпел фиаско уже на первой строчке. Дело в том, что поэт и не должен ничего разжёвывать и объяснять читателю, ему достаточно прикоснуться к какой-то мысли и набросать свои ощущения небрежными мазками. В то же время писатель, совершая ту же работу, рискует остаться непонятым, он вынужден не просто прикоснуться, пройтись по верхам, но и раскрутить весь клубок мысли до конца. При этом сделать это художественным языком, тщательно анализируя образы своих героев и происходящих с ними событий. Это совершенно другой объём работы. Поэтому читать прозу интересно, а читать стихи приятно. Это два разных литературных мира, два уровня ощущений. Проза и поэзия используют подчас похожие инструменты, но ставят они совершенно разные задачи. И если поэзия с древних времён служила в основном развлечением масс, то проза эти массы воспитывала и взращивала.

Второй интересный вопрос – это взаимодействие прозаического и поэтического в одном человеке. Можно вспомнить несколько примеров, когда одному литератору удавалось писать и сносную прозу, и сносные стихи. Например: Набоков, Бродский, Пушкин, Пастернак, Бунин, Гёте... Но Набоков всё же писатель, Бродский – поэт, Пушкин – поэт, Пастернак – поэт, Бунин – писатель, Гёте – писатель (сравните его «Вертера» и «Фауста»). Всё равно всегда есть перекос в какую-то сторону. Хотя, когда поэт начинает работать в прозе, это всегда выглядит более эстетически привлекательно, чем наоборот.

Тёмные стихи

Наверное, нет такого поэта, которому хотя бы раз в жизни не приходилось отвечать на вопросы вроде "а о чём этот стих?", "а о себе ли вы пишете?", "а почему у вас всё так грустно?". И вот если на первые два вопроса автор ещё может относительно без труда ответить, то "почему всё так грустно" – иногда загадка и для самого автора. Ведь часто так бывает, что вроде и жизнь удалась, и на работе, и в семье всё хорошо, а творчество мрачное.

Лично я считаю, что это случается в силу двух основных причин. Первая – слишком серьёзное отношение автора к себе и творчеству вообще. Вторая – неосознанная сублимация своего детства. А в целом эти причины можно и объединить. Старик Фрейд бы сформулировал и развил эту мысль гораздо лучше, но я попытаюсь объяснить своими словами. В моём понимании поэт (именно поэт, а не графоман) – это весьма несчастный, уязвимый человек, который имеет массу личностных проблем. Этакий вечный недовольный ребёнок. Это человек, который был отмечен определённым даром даже не к литературе как таковой, а к анализу этого мира, к его препарированию. А анализировать мир сложно, не анализируя самого себя, и здесь поэт (да и любой литератор) обречён погружаться в глубины собственного Я, разглядывая там ницшеанскую бездну. Неудивительно, что в итоге эта

бездна перекочёвывает из произведения в произведение, из книги в книгу. Это не плохо, наоборот. Просто поэты описывают не реальный мир (который, кстати, иногда в миллион раз хуже любого их опыта), а свою бездну, в которую они иногда заглядывают. И большое им за это спасибо, ведь иначе значительная часть мировой литературы просто никогда бы не появилось на свет. Во всяком случае, мы бы не знали лучших стихов Блока, Мандельштама, Цветаевой, Пастернака, Ахматовой, Бродского и прочих талантливых людей, в честь которых сегодня называют улицы и библиотеки. Я думаю, никто сегодня бы не стал спрашивать у Анны Андревны, почему она "такая мрачная", ведь её мрачность принесла ей прижизненную и посмертную славу. Вообще, если в творчестве нет конфликта и драмы, то это скорее всего детские стихи или пародии. А такая литература редко живёт значительное время. Но это уже тема для другой заметки.

Книги для каждого

За несколько тысяч лет развития наша цивилизация накопила огромный багаж книг, содержащих в себе нечто большее, чем просто информацию, мнения или беллетристику. Это книги, определяющие свои эпохи, нравственные и этические учения, философские изыскания, общечеловеческие посылы и т. д. Поэтому такие книги стоит рано или поздно прочитать каждому, хотя бы для того чтобы иметь более широкое представление об этом мире и, возможно, о себе самом. Мой личный список таких книг регулярно пополняется, но и сейчас я бы мог порекомендовать читателю что-то из наиболее мне близкого и важного. Разумеется, список этот личный, весьма субъективный и далеко не полный. Однако и в таком виде этот список, я надеюсь, может помочь начинающему или даже увлечённому читателю найти что-то новое в сокровищнице мировой культуры.

Вьяса «**Махабхарата**», **Книга Иова**, Гомер «**Одиссея**», Платон «**Диалоги**», Аристотель «**Метафизика**», Овидий «**Метаморфозы**», Плутарх «**Сравнительные жизнеописания**», Т. Ливий «**История Рима от основания города**», М. Аврелий «**К самому себе**», А. Августин «**О граде Божьем**», О. Хайям «**Рубаи**», Д. Алигьери «**Божественная комедия**», Г. Крамер «**Молот ведьм**», Н. Макиавелли «**Государь**», Ф. Рабле «**Гаргантюа и Пантагрюэль**», У. Шекспир «**Король Лир**», Д. Мильтон «**Потерянный рай**», М. Сервантес «**Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский**», Т. Гоббс «**Левиафан**», Б. Паскаль «**Мысли**», Э. Аллан По «**Бес противоречия**», Д. Остин «**Гордость и предубеждение**», Стендаль «**Красное и чёрное**», И. Гёте «**Фауст**», Д. Дефо «**Робинзон Крузо**», И. Кант «**Основы метафизики нравственности**», О. А. Шопенгауэр «**Мир как воля и представление**», Г. Гегель «**Феноменология духа**», Бальзак «**Шагреневая кожа**», Г. Андерсен «**Снежная королева**», Н. Гоголь «**Миргород**», Г. Мелвилл «**Моби Дик**», Ч. Диккенс «**Холодный дом**», Л. Толстой «**Смерть Ивана Ильича**», Л. Кэрролл «**Алиса в стране чудес**», К. Маркс «**Манифест Коммунистической партии**», В. Гюго «**Отверженные**», А. Пушкин «**Повести Белкина**», М. Лермонтов «**Демон**», Ж. Верн «**Двадцать тысяч лье под водой**», Ф. Достоевский «**Идиот**», М. Твен «**Таинственный незнакомец**», Т. Майн Рид «**Всадник без головы**», Р. Стивенсон «**Остров сокровищ**», С. Кьеркегор «**Страх и трепет**», Ф. Ницше «**Так говорил Заратустра**», В. Редер «**Пещера Лехтвейса**», А. Конан Дойл «**Этюд в багровых тонах**», О. Уайльд «**Портрет Дориана Грея**», А. Чехов «**Три сестры**», Л. Андреев «**Рассказ о семи повешенных**», М. Горький «**На дне**», К. Гамсун «**Голод**», Д. Джойс «**Улисс**», Ф. Кафка «**Кары**», В. Вульф «**На маяк**», Г. Форд «**Моя жизнь, мои достижения**», Г. Лавкрафт «**Хребты безумия**», М. Митчелл «**Унесённые ветром**», А. Блок «**Двенадцать**», А. Толстой «**Аэлита**», А. Беляев «**Голова профессора Доуэля**», А. Грин «**Алые паруса**», В. Маяковский «**Про это**», С. Есенин «**Чёрный человек**», М. Цветаева «**Крысолов**», А. Платонов «**Котлован**», У. Фолкнер «**Шум и ярость**», У. Голдинг «**Повелитель мух**», А. де Сент-Экзюпери «**Маленький принц**», А. Ахматова «**Реквием**», А. Камю «**Посторонний**», Ж. Сартр «**Тошнота**», Д. Оруэлл «**1984**», Э. Хемингуэй «**По ком звонит колокол**», Р. Брэдбери «**Марсианские хроники**», В. Набоков «**Приглашение на казнь**», Г. Гёссе «**Игра в бисер**», Б. Пастернак «**Когда разгуляется**», И. Бунин «**Тёмные аллеи**», Е. Евтушенко «**Бабий яр**», Чинуа Ачебе «**И пришло разрушение**», М. Булгаков «**Мастер и Маргарита**», К. Кастанеда «**Учение дона Хуана**», Ч. Айтматов «**Материнское поле**», Г. Маркес «**Сто лет одиночества**», Р. Фрост «**Неизбранная дорога**», Э. Моранте «**История**», М. Кундера «**Невыносимая легкость бытия**», С. Кинг «**Сияние**», С. Довлатов «**Соло на ундервуде**», И.

Бродский «**Меньше единицы**», Ж. Сарамаго «**Слепота**», Ф. Бегбедер «**Любовь живёт три года**», П. Коэльо «**Вероника решает умереть**».

ПЬЕСЫ

ПУСТОТА

Пьеса

в одном акте

Действующие лица:

Рауль (*испанец, 33 года, упитанный добродушный повар, ревностный католик***)**

Кларис (*француженка, 20 лет, стервозная и импульсивная певица, атеистка***)**

Николь (*француженка, 31 год, флегматичная и обаятельная сотрудница библиотеки, католичка***)**

Доминик (*француз, 30 лет, разносторонний по своим качествам мужчина, агностик***)**

Портье (*бойкий старичок в очках***)**

Сцена первая

Доминик, чуть позже Кларис, затем Рауль и Николь.

Вестибюль гостиницы в классическом стиле и тёмных тонах, большие зеркала, картины и вазоны, огромные окна, напротив массивной входной двери стойка портье, слева от которой камин с двумя кожаными диванами и пианино.

День первый. Утро.

Доминик (*дёргает дверную ручку*). Чёрт побери. Есть тут кто-нибудь вообще? Откройте эту чёртову дверь! Да что же это такое? Откройте, живо!

Оборачивается на шаги сзади. По лестнице спускается Кларис.

Кларис. Месье, если вы служащий этого борделя, то у вас большие неприятности, уяснили? И хоть я не помню, как вообще оказалась в этой вашей богадельне, вы и ваше руководство…

Доминик. Ну хоть один живой человек! Может, вы мне объясните, какого чёрта здесь происходит? Я уже полчаса пытаюсь отсюда выбраться. Вы, кстати, кто вообще сами?

Кларис. Моё имя Кларис Бонье, и, если бы вы смотрели вечерами «Монт Бланк», то не спрашивали бы столь очевидные вещи. (*Подходит ближе и осматривается.*)

Доминик. «Монт Бланк»? Так вы с востока страны?

Кларис. Да, представьте себе, из Анси. И, кстати, мы в нём сейчас и находимся, болван.

Доминик. Следите за языком, мадмуазель, и не делайте из меня идиота. Мы находимся в Руане, где находились вчера и позавчера. Хотя чёрт вас знает, где вы вчера находились, судя по вашему потрёпанному виду.

Кларис. Ну, это уже перебор! Мало того, что меня занесло в какую-то дыру, так ещё и грязный носильщик будет обсуждать мой внешний вид! Тут есть охрана или вообще хоть какой-то сервис? И где портье?

Доминик. Наконец-то вы начали прозревать. Нас кто-то здесь запер, если вы ещё не соизволили этого заметить, мадам Бернар.

Кларис. Я певица, а не актриса, идиот. Что значит заперли? Это теперь такие шутки в дешёвых мотелях?

Доминик. Дешёвый мотель? Узрите что-то дальше своего носа! Эта гостиница стоит как минимум 50 миллионов франков.

Оба молча осматриваются, в это время на лестнице появляется Рауль.

Рауль (*ломаным французским языком*). Пресвятая Дева Мария, хоть кого-то нашёл! (*Сбегает с лестницы и пытается обнять Кларис и Доминика.*)

Доминик. Ну вот, ещё один. Судя по всему, испанец.

Кларис (*брезгливо отталкивая Рауля*). Полегче, увалень, я не твоя подружка. В общем, так. Я окончательно перестаю что-либо понимать. Кто вы все такие и какого чёрта здесь происходит, мне объяснит кто-нибудь или нет?

Рауль. Я сам не знаю, сеньорита. Ей-богу, я уже думал, что остался один на всём белом свете. Вы, кстати, не встречали тут моих друзей? Гонсало и Пабло? Нет, не видели? Это два весёлых испанца, которые похожи на меня, разве что не такие упитанные.

Доминик. Лично я за всё утро не встретил никого, кроме вас, амиго, и этой истеричной особы. Хотя и усердно искал. И скажу вам более того – нас тут кто-то запер.

Рауль. Запер? Кто?

Доминик. Хотел бы я знать.

Кларис. С меня хватит, я звоню в полицию. (*Направляется к стойке.*)

Доминик. Если вы желаете позвонить с того телефона, то вынужден вас разочаровать – он не работает. Я уже раз десять пытался.

Кларис. Пошёл к чёрту со своими советами. (*Берёт трубку и крутит диск, затем бросает трубку.*) Он и правда не работает! Не ты ли его сломал, дровосек чёртов?

Рауль. Друзья мои, успокойтесь, прошу вас. В любой ситуации всегда есть выход. Надо только…

Кларис. Надо только не действовать мне на нервы!

Доминик. Я сейчас её прибью!

Рауль испуганно удерживает его.

На лестнице появляется Николь. Все трое поворачиваются к ней.

Николь (*замирает и недоумённо смотрит на присутствующих*). Здравствуйте… Простите, но кто вы? И… И где я сейчас нахожусь? (*Настороженно подходит к остальным.*)

Доминик. Вопрос на миллион франков.

Рауль. Как я понимаю, я тут не один, кто ничего не помнит?

Кларис. О чём вы? Я всё прекрасно помню. Вчера я пела у фонтана Сен-Жан для телевидения, а затем мы отмечали это с моими друзьями в Старом городе, катались на лодке и… (*Запинается и растерянно смотрит на Рауля.*)

Доминик. Она всё ещё думает, что находится в Анси, а не в Руане. Сумасшедшая. Ещё и алкоголичка, судя по всему.

Рауль и Николь (*одновременно*). В Руане?

Рауль. Но я вчера был в Бурже!

Николь. А я из Парижа… И никогда его не покидала. Никогда…

Доминик. Стоп, хорошо. Истеричка уже призналась, что не знает, как тут оказалась. Я, честно говоря, тоже не помню, как и в каком месте уснул. Хотя это и не в моих правилах. А вы двое?

Кларис. Ещё раз ты обзовёшь меня, болван, и я выцарапаю тебе глаза!

Рауль. Подождите! Друзья мои, не кажется ли вам, что, раз мы все оказались в одной и той же идиотской ситуации, нам стоит для начала хотя бы познакомиться? Меня, к примеру, зовут Рауль Гонсалес, я повар из Толедо. Неделю назад приехал с друзьями в Бурж проведать дядюшку. Сегодня должен был вернуться в Испанию, и вчера была наша вечеринка по поводу отъезда. А потом… Мне кажется, всё-таки стоит поискать здесь Гонсало и Пабло.

Доминик. Здесь стоит поискать не только ваших друзей, кабальеро, а вообще хоть кого-то, кроме нас. Кстати, раз уж вы не помните, где вчера уснули, то скажите хотя бы, где вы проснулись этим утром?

Рауль. Охотно. Я проснулся около получаса назад на третьем этаже этого дивного заведения, в прекрасном номере. Сначала подумал, что изрядно вчера перебрал и меня сюда пристроили мои друзья. Но теперь уже не знаю, что и думать.

Доминик. Вы лжёте, сударь. Я проснулся ровно два часа назад, если верить вон тем часам на стене, и за это время я успел обойти не только этот холл, но и все четыре этажа этого здания. Так вот – все номера были пусты.

Кларис. А я тогда, по-твоему, с Луны свалилась? Я проснулась час назад на втором.

Николь. А я пятнадцать минут назад на четвёртом…

Все молчат несколько секунд.

Доминик. Я меньше всего на свете верю в мистику… И, если вы все меня разыгрываете, пеняйте на себя.

Рауль. Вы и в Бога не верите?

Кларис. Как ни странно, я согласна с болваном. Нужно искать решение в области рационального, а не в бредовых сказках. И раз уж мы начали знакомиться, меня зовут Кларис Бонье, я известная в Анси певица. А вы кто будете? (*Смотрит на Николь.*)

Николь. Я работаю в Национальной библиотеке. Меня зовут Николь Клеман. Вчера я просто возвращалась домой с работы, и последнее, что помню, так это как открывала дверь собственной квартиры…

Доминик. Что вы только что сказали?

Николь. Открывала дверь…

Доминик. Чёрт возьми, я вспомнил! Мне всю ночь снились двери! Я словно бы стоял в каком-то длинном коридоре, и передо мной были сотни, тысячи дверей! Я дёргал за ручки, но ни одна не открывалась.

Кларис. Будь ты проклят! Мне снилось то же самое.

Рауль. Пресвятая Дева, и я видел такой же сон!

Николь. Вы меня пугаете, ведь это снилось и мне.

Общее молчание.

Доминик. Да, на розыгрыш не очень-то похоже… Как бы там ни было, мы должны отсюда выбраться… Потом мы обратимся в полицию и во всём разберёмся. Возможно, всё это просто какое-то недоразумение.

Рауль. Верно.

Доминик. Я думаю вот что: раз двери не открываются, то мы выйдем через окно. Окна здесь, как я вижу, недешёвые, но об этом должны беспокоиться те, кто нас тут запер.

Подходит к окну и берёт стоящую на нём вазу, затем, отвернувшись, бьёт ей по стеклу. Ваза разбивается, стекло же остаётся в сохранности.

Кларис. Боже, этот идиот не в состоянии сделать даже простейших вещей.

Доминик. Перестаньте уже ворчать и лучше помогите мне! Здесь, видимо, не простые окошки.

Все подходят к окну.

Рауль. Давайте попробуем все вместе поднять это кресло и бросить его на стекло, тогда оно точно не выдержит.

Доминик. Хорошая идея, взяли.

Общими усилиями поднимают кресло в воздух и затем швыряют на стекло. Кресло отскакивает и с грохотом падает на пол.

Рауль. Падрэ нуэстро кэ эстас эн лос съелос!

Кларис. Что он несёт?

Доминик. Вроде молится на испанском. Кажется, наши проблемы намного серьёзней, чем казалось на первый взгляд.

Николь. Боже, это самый странный день в моей жизни.

Кларис. Плевать на вашу жизнь! У меня сегодня вечером выступление в Бонвиле, а я застряла чёрт знает где, чёрт знает с кем. (*Смотрит на потолок*) Эй вы, там! Не знаю, кто устроил все эти игры, но вам не поздоровится, когда я вас найду! Ясно? Я известная певица! Вы не знаете моих друзей!

Доминик. Дорогая певичка, я разделяю ваши переживания по данному вопросу, я даже вполне допускаю, что вы будущее Франции и центр Вселенной, но, если вы ещё раз кому-нибудь нахамите, я проломлю вам голову ножкой от этого развалившегося кресла.

Кларис. Чёртов психопат. (*Испуганно отходит на пару шагов.*)

Рауль. Аора и сьемпрэ и пор лос сиглос дэ лос сиглос!

Доминик (*раздражённо*). Может, хватит уже? Мы не в базилике Святого Петра.

Николь. Мы вообще непонятно где.

Рауль. Потому я и взываю к нашему Господу.

Доминик. Вы ещё успеете с ним пообщаться, а сейчас нам нужны ваши упитанные руки. Давайте попробуем со вторым креслом.

Рауль. Всегда рад быть полезным. Взяли.

Так же общими усилиями поднимают второе кресло в воздух и затем швыряют на стекло. Тот же результат.

Кларис. Да что же это такое??? На нём даже трещины не появилось!

Доминик. Можно попробовать вашей головой, хотя вряд ли это поможет.

Кларис. Ну всё, я тебя сейчас убью!

Рауль. Остановитесь, друзья, наши ссоры ни к чему не приведут. Давайте лучше пройдёмся все вместе по этому зданию, и тогда наверняка мы найдём отсюда выход или просто встретим кого-то ещё. Даже если и нет, то у нас как минимум прибавится информации об этом месте.

Николь. Я согласна с Раулем. Что толку здесь стоять, если ничего не получается?

Доминик. Я тоже согласен. А что скажет наша поп-звезда?

Кларис. Пойдёмте уже, пока меня от всех вас не стошнило.

Уходят.

Сцена вторая

Рауль, Кларис, Николь, Доминик.

Уставшие, сидят в вестибюле на диванах у камина.

День первый. Вечер.

Доминик. Итак, подведём небольшой итог. За семь часов изучения этой дыры мы не узнали о ней ничего, кроме того, что она чертовски велика. Мы не нашли ни одного выхода и ни одного работающего телефона, не смогли разбить ни одного стекла. Стены здесь, судя по всему, также очень крепкие. Мы не встретили не то что ни одного человека, но даже ни одного насекомого. Видимо, тут вообще нет никого, кроме нас четверых.

Рауль. Слава богу, хоть кухню нашли и подкрепились… Еды там столько, что нам всем хватит как минимум на год.

Кларис. Наверное, всегда только о еде и думаешь, толстяк. А я о ней сейчас вообще думать не могу!

Николь. Как минимум на год… Рауль прав. Кто бы ни запер нас здесь, он не хочет, чтобы мы умерли от голода.

Кларис. Да плевать, чего он хочет! Главное, что я хочу домой. Я просто хочу домой! (*Вскакивает, берёт кочергу, висящую возле камина, затем начинает бить ей ближайшее окно.*)

Николь. Несчастное дитя…

Кларис (*поворачиваясь к ней и всхлипывая*). Не надо только изображать сострадание, серая мышь! Кем ты себя возомнила, моей матерью? Я хоть что-то сделать пытаюсь.

Рауль. Вы несправедливы к окружающим, сеньорита. Впрочем, в вашем возрасте я и сам…

Кларис. Да пошли вы все к чёрту со своими нотациями! Я и без вас смогу отсюда выбраться, не будь я Кларис Бонье! (*Бросает кочергу в камин и убегает вверх по лестнице.*)

Доминик (*равнодушно*). Истеричка. Я же говорил.

Николь. Не стоит оставлять её одну, как бы там ни было, я за неё переживаю.

Доминик. В этой огромной пустой клетке с ней ничего не случится. Разве что она переломает себе ноги, поскользнувшись на лестнице. Если понадобимся – сама вернётся. Хотя я искренне надеюсь, что этого не случится.

Рауль. Пожалуй, вы правы. Может, разожжём камин? Тут много дров.

Доминик. А это неплохая идея, тем более глядя на огонь лучше думается. Стоп. Камин! Ну-ка подождите. (*Лезет в камин, однако тут же появляется обратно с разочарованным видом.*) Бесполезно, даже наша юная истеричка не пролезет там и пары метров. Ладно… Давайте и правда просто разведём огонь.

(*Разжигает камин вместе с Раулем, затем оба возвращаются на диван.*)

Николь. Этот сон, что все мы видели… Как вы оба думаете, что он означает?

Рауль. Я начинаю думать, что этот сон и всё, что с нами теперь происходит – это происки высших сил, и теперь мы все должны уповать на милосердие Божьей Матери. Во всяком случае, другого объяснения у меня просто нет.

Николь (*задумчиво*). Возможно…

Доминик. Я уже говорил своё отношение к этому. Искать мистические объяснения самое простое, но это никак не поможет в нашем случае. То, что нам четверым приснился один и тот же сон, разумеется, странно, но это… Скажем так… Весьма субъективно, понимаете? А вот то, что мы уже целый день сидим у кого-то под замком, – весьма объективно.

Николь. Ума не приложу, кому это могло понадобиться и зачем? Четверо абсолютно незнакомых людей, да ещё и в таком странном месте… Я недавно читала в «Либерасьон» большую статью про похищения, там рассказывали о несчастных, которых похищали ради выкупа, но их не держали в таких шикарных гостиницах, да ещё и в полном одиночестве.

Доминик. Это меня и смущает больше всего. С похитителями можно договориться, с кем угодно можно договориться. Но как, чёрт возьми, это сделать, если мы предоставлены сами себе? Может быть, где-то здесь спрятаны видеокамеры, и за нами наблюдают? (*Оглядывается.*) Или всё это часть какого-то телешоу? На «Мирабель ТВ» недавно как раз было что-то типа этого. Там один умник решил разыграть свою жену, и по его просьбе телевизионщики, переодетые в нацистскую форму, отвезли её на какую-то ферму и полчаса ломали перед ней комедию. Затем во всём признались, конечно, и даже вручили ей какой-то приз… Но она не оценила юмора и подала на них в суд, не забыв при этом развестись с мужем.

Николь. И не жилось ему спокойно…

Доминик. Да уж, порой люди на ровном месте совершают чудовищные глупости. Однако к нам это, видимо, не имеет никакого отношения, ведь мы мало того что незнакомы друг с другом, так ещё и проживаем в разных концах страны.

Рауль. Господи, я даже не француз. Я обычный повар из Толедо, и если кто-то решил нажиться на мне, то он явно сглупил.

Доминик. Вот-вот. Я тоже вряд ли богаче вас.

Николь. А кто вы по профессии? Вы так и не рассказали о себе.

Доминик. По профессии я инженер, но сейчас занимаюсь ремонтом машин у себя в Руане. У нас там, знаете ли, свой небольшой сервис, купили вскладчину с другом. Ремонтируем разные колымаги, когда сильно фартит, получается что-то перепродать. Хватает на относительно сытую жизнь, но не более того. Во всём виноваты эти чёртовы леваки из правительства. Я был подростком в шестьдесят восьмом, я, как и все, бунтовал против политики голлистов. Мы бросали булыжники в полицейских, наслушавшись Сартра и Кон-Бендита. Но, по сути, это было началом конца.

Николь. Я была знакома с Сартром. Умнейший человек, правда, не очень общительный.

Рауль. Вы знали Сартра?

Николь. Ну да, он был частым гостем у нас в Национальной библиотеке. Разумеется, пока здоровье ему это позволяло. У меня дома есть несколько книг с его подписью и ещё его авторучка. Когда подписывал последнюю книгу, он хотел сначала засунуть её в пиджак, но потом вдруг передумал и отдал мне. Было так неожиданно и приятно…

Рауль. Невероятно. Я хоть и ревностный католик, но Сартр всегда был для меня каким-то очень близким писателем. У меня дома в Толедо много его книг, хотя и без автографов, конечно... Я вам искренне завидую, вы общались с легендой.

Доминик. Никогда бы не подумал, что испанцы в Толедо подвержены экзистенциализму. Однако вы, Николь, удивили не только нашего дорогого гостя, но и меня. Может, вы и с Миттераном знакомы? Я бы тогда передал ему через вас пару ласковых словечек.

Николь. С ним я не знакома, к сожалению, или к счастью. Хотя он к нам тоже не раз заходил, ещё до своего президентства. Мы всего лишь пару раз здоровались, так что знакомством это не назвать.

Доминик. Боже, да с вами опасно шутить.

Николь. Мне просто повезло с рабочим местом, только и всего. Но я всё же переживаю за Кларис. Может, поговорим с ней?

Доминик. Поверьте, сейчас лучше всего просто оставить её в покое.

Николь. Мне почему-то очень жаль её. Я чувствую, что она весьма неплохой человек, просто не может сама в себе разобраться. Как-то так, наверное.

Рауль. Её можно понять. Она очень молода, даже по сравнению с нами, и явно не привыкла к таким поворотам судьбы.

Доминик. Как вам удаётся сохранять такую рассудительность и невозмутимость? Вы во всех ситуациях себя контролируете?

Рауль. К сожалению, нет, но я всегда пытаюсь смотреть на мир глазами нашего Господа, чтобы не наговорить кому-нибудь лишнего или не сделать глупости.

Доминик. Потрясающе. Думаю, вы бы сделали хорошую карьеру в Ватикане.

Рауль. Если бы вы отведали мой фирменный слоёный пирог, вы бы думали иначе.

Доминик. Я просто пошутил. Не знаю, как там ваш пирог, но то, что вы сегодня уже сделали на кухне, да ещё и на скорую руку, достойно восхищения.

Николь. Я согласна с Домиником, вы повар от бога. У вас, наверное, нет отбоя от посетителей?

Рауль. Мне грех жаловаться, в Толедо всем нравится моя стряпня, тем более к каждому клиенту я стараюсь относиться как к старому другу. Надеюсь, когда вся эта история закончится, вы сами сможете оценить моё гостеприимство. Обещаю, что пирог будет за счёт заведения.

Николь. Лично я с радостью.

Доминик. Тоже буду рад заглянуть. В детстве я очень любил яблочные пироги, знаете ли…

Рауль. Тогда вам ещё больше повезло, я знаю около двадцати пяти рецептов…

Николь молча встаёт и подходит к окну, внимательно смотрит.

Доминик. Что там?

Николь. Посмотрите сами.

Доминик и Рауль подходят к окну.

Николь. Видите?

Доминик. Что?

Николь. Ничего, в том-то и дело. Трава на поле не колышется, как и деревья вдали. Облака словно застыли над землёй. С утра ничего не изменилось в пейзаже, понимаете?

Доминик. Не знаю, там темно сейчас, особо не разглядеть… Рауль?

Рауль. Я тоже особо ничего не вижу, но облака вроде и правда на том же месте.

Доминик. Это говорит лишь о том, что там прекрасная погодка. Ладно, попробую ещё раз позвонить. *(Направляется к стойке и снимает трубку телефона, крутит диск.)*

Доминик. Бесполезно.

Кладёт трубку и возвращается на своё место у камина. Остальные присоединяются к нему.

Доминик. Давайте ещё раз подумаем логически – что с нами происходит и кому это нужно?

Рауль. Давайте, только всё равно ничего не стыкуется. Нас четверо, мы незнакомы и небогаты, мы заперты в довольно комфортабельном месте и от нас ничего не требуют. При всё при этом мы не можем выбраться из-за совершенно необъяснимых вещей.

Николь. Именно так, даже прибавить нечего.

Доминик. Ну, допустим, бронированные стёкла – это не какая-то необъяснимая вещь. Двери тут тоже крепкие, стены… Это всё вполне объяснимо. Вопрос – зачем? Может, и правда всему виной наша истеричная певичка? Кто-то посчитал, что за неё хорошо заплатят, и…

Рауль. А мы тогда тут при чём? И что это за похитители, которые держат своих жертв в таких роскошных местах и не предъявляют никаких требований?

Доминик. Да, загадка.

Николь. Может, нас всё-таки что-то объединяет, что-то такое, о чём мы не знаем?

Доминик. Что может объединять незнакомых людей с разных концов страны? Рауль вообще из Испании…

Рауль. Вот именно, я даже не француз.

Николь. Тогда это и правда, наверное, какое-то телешоу. Возможно, за нами сейчас наблюдает вся страна, и нам следует помахать ручкой и поулыбаться.

Доминик. Если это и так, то нам следует хорошенько посудиться с организаторами. Лично я не давал никакого согласия на участие в подобных проектах. У меня куча дел, чёрт возьми! Я надеюсь, телевизионщики догадаются нам хорошо заплатить за подобные шутки, но и тогда я подам на них в суд.

Николь. Хорошо бы, если всё и правда так…

Рауль. Я сейчас меньше всего думаю о судах, скорее, напротив, я обниму и расцелую любого, кто выпустит нас отсюда. А потом побегу на ближайший вокзал и умчусь обратно в Толедо.

Доминик. Наверное, до конца жизни будете с ужасом вспоминать Францию?

Рауль. С волнением как минимум, ведь таких приключений у меня ещё не было. Искренне надеюсь, что больше никогда и не будет. Я привык к тихой размеренной жизни, и когда что-то идёт не так, мне становится чудовищно некомфортно.

Николь. Наверное, каждый из нас может сказать это о себе.

Доминик. Кроме нашей бесноватой певички. По-моему, ей, наоборот, постоянно не хватает эмоций.

Николь. Она не враг нам, а всего лишь несчастный и испуганный ребёнок. Ей наверняка сейчас ещё хуже, чем нам.

Доминик. Не могу не отдать должного вашему состраданию, но не удивляйтесь, если она вдруг вцепится вам в волосы или расцарапает лицо.

Николь. Вы её демонизируете.

Доминик. Вовсе нет, просто хорошо знаю женщин.

Николь. Это расхожее мнение среди многих мужчин, но чаще всего оно ничем не обосновано.

Доминик. У меня было две жены, так что, наверное, я имею право на такое мнение.

Николь. Отчего же они оставили такого «знающего» месье?

Доминик. Оставила только одна, вторая умерла.

Николь. Извините…

Доминик. Ничего, я уже привык к этой мысли. А вы, Рауль? Наверняка вы тот ещё сердцеед и горячие испанские дамы не находят себе места из-за вас и вашей стряпни?

Рауль. К сожалению, это не так. Мне, разумеется, приятно общество горячих испанских дам, как вы выразились, но они посещают моё заведение исключительно в гастрономических целях.

Доминик. И вы никогда не были женаты?

Рауль. Увы. Однажды я был к этому близок, но потом что-то пошло не так, и она ушла к моему другу Пабло.

Николь. Как печально. Видимо, она совсем не оценила ваши душевные качества, не говоря о кулинарных.

Доминик. И правда печально. А не тот ли это Пабло, которого вы искали сегодня утром?

Рауль. Именно он.

Доминик. И вы продолжаете с ним общаться? И даже называете своим другом?

Рауль. Конечно, он же не виноват в том, что она предпочла его. И вообще он очень хороший парень, музыкант. Раз в неделю он бесплатно выступает в моём заведении, поёт под гитару всякие песенки собственного сочинения.

Доминик. Ну не знаю, я бы не смог поддерживать отношения после всего этого. Может, вы ещё и с ней общаетесь?

Рауль. Разумеется, мы остались друзьями и очень тепло общаемся.

Доминик. У меня нет слов. Это выше моего понимания.

Рауль. Почему же?

Николь. И правда, почему? По-моему, это прекрасно, что, несмотря ни на что, люди остаются близки и не вымещают друг на друге злость за неудачные отношения.

Доминик. Остановитесь, я уже понял, что мне не место рядом с такими ревностными католиками.

Николь. Вера здесь ни при чём, речь лишь о том, что надо всегда оставаться людьми.

Рауль. Именно так.

Доминик. С этим не буду спорить. А что насчёт вас, Николь? Наверняка вы разбили немало сердец в Париже?

Николь. Почему вы так думаете?

Доминик. Просто спросил. Если не хотите, то можете не отвечать.

Николь. Пожалуй, я воспользуюсь этим правом. Не обижайтесь, просто моя личная жизнь… Даже для меня самой слишком личная.

Доминик. Сильно завернули.

Николь. Просто не привыкла это обсуждать и путаюсь в словах... Однако так и ночь наступит, а мы ещё тут. Надеюсь, телевизионщики не хотят, чтобы мы тут провели ещё одну ночь?

Доминик. Если это произойдёт, размер компенсации возрастёт до небес. Я не просто отсужу у них последние пожитки, но и отобью желание так издеваться над людьми.

Рауль. Всё же я не думаю, что это связано с телешоу.

Доминик. Отчего же?

Рауль. Посудите сами – нас могли чем-то накачать и привезти сюда, могли приготовить всё это помещение для качественной изоляции, но они не смогли бы вмешаться в наши сны.

Николь. Это правда.

Доминик. Если честно, я уже и не помню, что там на самом деле мне снилось, если снилось вообще. Нам просто не стоит себя накручивать, и тогда всё происходящее вполне себе впишется в рамки разумного. Поймите меня правильно, я вполне себе допускаю существование Бога и всякой прочей мистики, но это далеко не тот случай. Полагаю, что уже очень скоро всё прояснится, и мы вместе посмеёмся над тем, как нас разыграли... А потом отсудим себе пару миллионов франков и отправимся в Толедо на яблочные пироги.

Рауль. Дай бог.

Доминик. А сейчас я, пожалуй, прогуляюсь на кухню и сварю всем нам кофе.

Николь. Вам помочь?

Доминик. Буду только рад. Рауль, вы с нами?

Рауль. Идите, друзья мои, я уже пригрелся у камина. Да и мало ли, появится Кларис и увидит, что никого нет. Это испугает её ещё больше.

Доминик. Хорошо, но тогда держите кочергу поближе к себе на случай её появления, да и любого другого появления, ведь мы не знаем, кто тут может очутиться.

Рауль (*улыбаясь*). Кого мне бояться, если со мной Бог?

Доминик. И то верно.

Доминик и Николь уходят. Рауль достаёт чётки и читает Розарий, глядя на огонь.

Сцена третья

Николь и Доминик (позже Кларис и Рауль).

Сидят рядом в тёмном вестибюле у горящего камина.

Первая ночь.

Доминик. Ваш кофе сегодня вернул меня к жизни, а ведь я всегда считал себя непревзойдённым специалистом в этом деле. И я более чем уверен, что прекрасный кофе — это далеко не единственный ваш талант.

Николь (*улыбаясь*). Думаю, Рауль бы с вами поспорил, если бы не ушёл спать. Он действительно бог на кухне и уже успел сегодня это доказать, а я за все свои годы так и не научилась ничего готовить, кроме сносного кофе. Я ведь всегда была занята то учёбой, то работой… Даже на личную жизнь не оставалось времени. Впрочем, к чему об этом сейчас, учитывая наше положение…

Доминик. Не теряйте оптимизма. Наше положение как минимум не безнадёжное, хотя и крайне странное. Но, с другой стороны, если бы не вся эта идиотская ситуация, в который мы теперь пребываем, – я бы не имел чести встретить вас.

Николь. Перестаньте…

Доминик. Нет, правда, послушайте. Я нисколько не покривлю душой, если скажу, что мне не доводилось ещё встречать столь обаятельной и мудрой особы. Человек обычно раскрывается в тяжёлых ситуациях, сродни нашей. И вы, несмотря ни на что, продолжаете показывать образец выдержки и…

Николь. И?

Доминик. Женственности.

Николь. Вы точно хотите, чтоб я сгорела от стыда.

Доминик. Вовсе нет… Просто вы мне симпатичны, Николь. Разумеется, мы знакомы всего один день и ничего не знаем друг о друге, но при этом я чувствую, что у нас много общего. Вы тот тип женщины, который я искал и не находил всю свою жизнь. Вы, как я вижу, прекрасно образованны, умны, талантливы, обаятельны… Вы мечта любого мужчины, и я, если честно, даже немного рад, что вы посвятили себя работе, а не семье.

Николь. Не увлекайтесь, Доминик, прошу вас. Вы ничего обо мне не знаете и делаете выводы лишь на основании совсем поверхностных вещей. Если честно, вы мне тоже симпатичны, но я понимаю, что это всего лишь обоюдная симпатия и не более того. Просто нам всем сейчас страшно, и мы находим друг в друге какую-то поддержку.

Доминик. Возможно, вы и правы. Впервые в жизни я не знаю, что со мной будет завтра, и от этого, может быть, я стал более сентиментальным. Но я хочу, чтоб вы знали, что всё, что я вам говорю, абсолютно искренне и вызвано самыми светлыми чувствами.

Николь. Я верю вам… Подождите… Кто-то идёт.

Доминик. Я тоже слышу шаги, надеюсь, это не… Кларис?

(*Оборачиваются*)

Кларис. Так и думала, что вы судачите обо мне. (*Подходит и садится на соседний диван.*)

Доминик. Больно вы кому нужны…

Николь (*толкает ногой Доминика*). Ну что вы, Кларис, нам бы и в голову не пришло…

Кларис. Да перестаньте вы. На самом деле я чудовищно себя вела и пришла, чтобы извиниться. Я сама не знаю, что на меня нашло сегодня с самого утра. Просто вся эта ситуация… Наверное, это выбило меня из колеи. Я ведь на самом деле не такая, как вы могли подумать.

Николь. Лично я ни разу не подумала о вас плохо и обещаю не делать этого впредь.

Доминик. Не могу обещать того же, но сейчас вы и правда приятно меня удивили, мадмуазель. Я даже готов извиниться за многие слова, которые себе позволил в ваш адрес. Хотя они и были ответом на ваши.

Кларис. Всё в порядке, давайте просто забудем об этом. Раз уж мы все теперь в одной лодке, то нам нужно быть поснисходительней друг к другу, ведь мы даже не знаем, чем всё это закончится.

Доминик. Вы и правда вернулись другим человеком, думаю, что стоит это отметить. Я видел на кухне внушительный винный погреб.

Кларис. Почему бы и нет? Раз уж от нас сейчас ничего не зависит – устроим вечеринку. Николь?

Николь. Если в разумных пределах, то я не против. Но мы забыли про Рауля.

Доминик (*оборачиваясь*). Зато он не забыл про нас. Рауль, дружище, мы только что тебя вспоминали.

Рауль (*подходит к камину*). Я так и не смог толком поспать и решил спуститься к вам. Всё в порядке?

Кларис. Более чем. Мы с болваном помирились и даже решили это отметить. Как раз хотели звать тебя.

Доминик. Ну да, куда же мы без нашего повара и просто отличного испанского парня?

Рауль (*улыбаясь*). Думаю, это прекрасная идея. В конце концов, тут всё равно больше нечем заняться. Почему бы и не промочить горло?

Доминик. Ты прав, амиго. Пойдём же, принесём чего-нибудь себе и нашим прекрасным дамам. *(Уходит с Раулем.*)

Кларис. Ты ему нравишься.

Николь. В смысле?

Кларис. Ты нравишься Доминику, это же очевидно.

Николь. Перестаньте, Кларис, я не хочу об этом.

Кларис. Прости, я немного послушала ваш разговор, прежде чем подойти. И если честно, я тебе завидую.

Николь. Кларис…

Кларис. Нет, правда. Я гораздо моложе тебя, не сильно дурнее лицом и даже имею кое-какую славу и популярность, но мужчины никогда не говорили мне того, что говорил тебе он. Это дорогого стоит, я только сейчас это поняла. Наверное, и правда стоило здесь оказаться, чтобы всё это почувствовать, осмыслить... Знаешь, я всегда стремилась к такой лёгкой беззаботной жизни, где мужчины бы носили меня на руках, а женщины завистливо смотрели вслед. Где меня возили бы на дорогих машинах по самым живописным местам, и я пела бы в лучших залах Франции. Деньги, слава… Но как оказалось, это миф, и чем выше ты поднимаешься, тем более одинокой становишься. Я сама себя ненавижу иногда. За лицемерие, дежурные слова и улыбки, за желание понравиться и угодить толпе, за то, что ненавижу эту самую толпу. И за то, что всегда не хватает сил что-то изменить.

Николь. Кларис, послушайте…

Кларис. А ты другая, Николь. Ты настоящая. И никакая ты не серая мышь, ты мудрая кошка, которая знает себе цену и ни на что не разменивается. У тебя есть порода, которую не купишь ни за какие деньги. С этим можно только родиться… Я видела, как Доминик смотрит на тебя и как смотрел Рауль. Ты очаровываешь их, не прилагая никаких усилий, и, побыв рядом с тобой полчаса, они уже без ума от тебя... Ах, Николь, мне завидует столько девушек, а я отдала бы всё, чтобы родиться тобой.

Николь. Я не знаю, что на всё это сказать...

Кларис. Тебе и не надо ничего говорить. Мы обе знаем, что я права. И прости меня за то, что я так прямо всё это выкладываю, наверное, мне просто было нужно с кем-то поделиться. Я несчастна, Николь. Я так несчастна...

Николь. Не думай, что я счастливее тебя, Кларис. У тебя хотя бы есть цель, план на эту жизнь, амбиции. А у меня нет и этого. И мне не так уж и легко каждый вечер возвращаться в свой пустой дом и развлекать себя глупыми телешоу и игрой с кошкой. Мои подруги давно обзавелись мужьями и детьми, они звонят мне по выходным и приглашают в гости, зная, что я не приду. Что я там увижу? Чужое семейное счастье, детей, которых у меня нет? Да, мужчины никогда не обделяли меня вниманием, и я понимаю, что могла бы при желании устроить свою личную жизнь. Но я боюсь этого, Кларис. Боюсь, что не справлюсь. Меня с самого детства учили быть прилежной и послушной, говорили, как правильно и как неправильно. Я боялась сделать не так лишнее движение и теперь, когда мне перевалило за тридцать, я понимаю, что это был глупый страх. Но он уже слишком сильно укоренился во мне. Я прячу его внутри и в любой ситуации пытаюсь выглядеть невозмутимой, но я боюсь, Кларис. Боюсь этой жизни и бегу от неё, не в силах оглянуться. Я не менее несчастна, чем ты, наверное, поэтому прекрасно тебя понимаю.

Молчание.

Кларис. Ты веришь в Бога, Николь?

Николь. Да.

Кларис. Как ты думаешь, почему всё это с нами происходит? Это странное место, эта наша встреча здесь и вообще вся наша жизнь – почему всё сложилось именно так?

Николь. У меня нет ответа…

Кларис (*глядя в камин*). Огонь такой спокойный и тусклый… И такая тихая ночь. Всё как тогда, на берегах Лемана, пятнадцать лет назад. Мы с родителями ездили в Женеву по каким-то делам отца, я была тогда совсем ребёнком. Когда он всё уладил, мы заехали в Ла-Кот и сняли там на ночь домик – прямо на берегу озера. Ночью было так тихо и спокойно. Мы втроём сидели у костра и смотрели на воду и на верхушки Альп. Горы окружали нас, и мне казалось, что мы находимся в самом центре Вселенной, одни. И это усиливало мой детский восторг. А пламя костра было таким ровным, таким величественным. Словно огонь самого Творца. Наверное, в ту ночь я как никогда верила в Бога, хотя и плохо понимала, что это такое.

Николь. Красиво… А я и не знаю вовсе, что вспомнить. Моё детство прошло в Париже, как и вся моя жизнь: учёба в Эколь Нормаль, редкие прогулки по Латинскому кварталу… Почти каждая минута всегда была расписана наперёд – учёба, занятия музыкой, танцами, книги…

Кларис. Музыка? На чём ты умеешь играть?

Николь (*грустно улыбаясь*). Почти на всём. Но мой профильный инструмент – фортепиано.

Кларис. О боже, Николь, почему же ты не сказала раньше? В нескольких метрах от нас стоит пианино, и я могла бы спеть что-нибудь под твой аккомпанемент. Если ты, конечно, не против…

Николь (*пожимая плечами*). Почему бы и нет, у меня самой сейчас какое-то мелодичное настроение.

Подходят к инструменту, Николь садится за него и поднимает крышку. Зажимает ре-минор и прислушивается к звуку.

Кларис. Тебе всё видно?

Николь. Темновато, конечно, но, думаю, справлюсь. Да и не хочется портить эту атмосферу ярким светом. Что бы ты хотела спеть?

Кларис (*задумавшись на несколько мгновений*). Азнавур. «Вечная любовь». Сможешь?

Николь кивает и начинает тихо играть, затем вступает Кларис.

Кларис.

Вечная любовь,

в которой мы поклялись

и которую разрушило время…

Николь играет чуть громче.

Кларис.

День за днём

ранит мой разум.

Столько любовных слов…

Николь играет ещё громче.

Кларис.

В сердцах что захлёбываются от рыданий…

Кларис замолкает, и Николь перестаёт играть. Оборачивается.

Николь. Кларис, ты… плачешь?

Кларис (*закрывая лицо ладонями*). Прости меня... Я просто слишком расчувствовалась.

Николь встаёт и молча обнимает Кларис.

Сзади раздаются шаги, и появляются Рауль и Доминик с пакетами в руках.

Доминик. Едва мы с Раулем услышали восхитительную музыку и чудное пение, как сразу поспешили обратно. Неужели мы опоздали?

Николь (*отпуская Кларис и возвращаясь с ней на диван у камина*). Мы просто проверяли, как звучит инструмент, и он оказался ужасно расстроен. Хотя вполне возможно, что это просто я разучилась играть.

Благодарный взгляд Кларис.

Рауль. Странно, нам ваша песня показалась идеальной.

Кларис. Ничего удивительного. Мужчины от природы глупы, поэтому даже звук бензопилы способны принять за вершину гармонии.

Доминик (*разгружая пакеты*). Узнаю старую добрую Кларис. Мы принесли шоколад, бекон, сыр, вино и что-то ещё.

Рауль (*выкладывая содержимое последнего пакета*). Но забыли бокалы. Пожалуй, придётся вернуться.

Кларис. Я вас умоляю, оставьте эти условности и манеры. Лично я буду рада выпить с вами прямо из бутылки. Думаю, что даже Николь будет не против, не так ли, милая?

Николь. Хоть это и не похоже на меня, но я и правда не против. Сама не знаю почему.

Доминик. Я смотрю, вы успели подружиться, пока мы отсутствовали. Впрочем, и мы с Раулем уже стали приятелями. Во всяком случае, теперь я знаю о Толедо не меньше, чем сами испанцы.

Общий смех.

Рауль. Думаю, стоит выпить именно за это.

Кларис. За Толедо?

Рауль (*открывая бутылку*). Нет, нет, за Толедо потом. Сейчас я бы хотел выпить за то, что, хоть мы и находимся во временном заточении, но заточение это проходит в удивительном месте и в прекрасной компании. Во всяком случае, лично для меня.

Доминик. Благослови тебя Бог, кабальеро. Присоединяюсь к твоим словам.

Николь. И я.

Кларис. И даже я. Ещё утром я была о всех вас не самого высокого мнения, но теперь признаю, что вы довольно милые люди. И ты, болван, и толстый испанец, и серая мышь Николь. Я всех вас уже почти люблю. И если мы всё же выберемся отсюда, я буду каждое Рождество слать вам глупые открытки.

Все смеются и пьют вино.

Рауль. Чуть не забыл рассказать. Ночью, перед тем как спуститься к вам, я сумел немного поспать, и мне – вы не поверите – снова снились двери.

Все замолкают и смотрят на Рауля.

Рауль. Да не бойтесь вы так. Это был хороший сон, я это сразу почувствовал. Как будто сама Божья Матерь была рядом со мной. Тем более в этом сне одна из дверей наконец открылась.

Доминик. Вот как?

Молчание.

Рауль. Да, открылась. Третья по счёту, кажется. Она открылась, и я сразу проснулся.

Кларис. Так, и что было, когда она открылась? Что было за ней? Ты помнишь?

Рауль. Конечно.

Кларис. Ну и? Говори же, не тяни!

Рауль. А что говорить? За ней ничего не было. Вообще ничего. Пустота.

Николь. Какой тогда в этом смысл? Не понимаю…

Кларис. Я тоже. Но точно знаю, что мне нужно будет выпить немало вина, чтобы здесь уснуть.

Доминик. Кстати, по поводу сна. Уже довольно поздно, и, нравится нам или нет, но ночевать, видимо, придётся здесь. Поэтому после посиделки я предлагаю устроиться всем в номерах на первом этаже, поблизости друг от друга. Думаю, так всем нам будет спокойнее…

Все задумчиво поворачиваются к камину и молча смотрят на огонь.

Кларис. Пустота…

Николь. М?

Кларис. Я просто вспомнила… Буквально неделю назад какой-то поклонник прислал мне письмо со своей песней, предлагал взять её в мой репертуар.

Доминик. Прислал песню?

Кларис. Ну да, в письме был сложенный лист бумаги с нотами и текстом. На обратной стороне было написано что-то вроде: «Я написал это для вас, дарю». Песня называлась «Пустота».

Николь. Как интересно.

Доминик. И что, хорошая песня?

Кларис. Не особо… Слишком грустная, я такие не исполняю. Но слова я почему-то хорошо запомнила.

Доминик. И?

Кларис *(тихо запела).*

Снова снится, что всё как прежде,

и, словно птицы, твои надежды

взлетают ввысь,

но не спастись

им никогда, никогда…

Рауль, заслушавшись, проливает немного красного вина на свою рубашку и начинает торопливо отряхиваться.

Кларис.

Мысли, взгляды, пламя заката…

И те же рядом, кто был когда-то, –

про всё забудь,

ведь не вернуть

их никогда, никогда…

Доминик делает большой глоток из своей бутылки и задумчиво смотрит на огонь.

Кларис.

Но снова падать в собственный омут,

и снова память громко напомнит –

Иди вперёд!

Тебя там ждёт

лишь Пустота, Пустота…

Николь. И правда невесёлая песня, если не сказать больше…

Рауль. А мне понравилась. Текст слишком похоронный, конечно, но мотивчик и исполнение на высоте.

Доминик. Насчёт исполнения полностью согласен, оказывается, вы и правда талантливая особа, Кларис.

Кларис. Мы снова на вы?

Доминик. И правда, что это я? Наверное, слишком впечатлился песней.

Кларис. Я и сама под впечатлением. Меня теперь не покидает мысль, что всё это не случайно.

Николь. Что именно?

Кларис. Не знаю, не могу объяснить. Вообще всё происходящее, наверное. Взять хотя бы эту песню… Письмо с ней я нашла совершенно случайно у себя на столе. Там всегда такой беспорядок, ужасный в общем… Оно лежало среди других писем, но на нём не было марок и вообще ничего не было. Я не помню, чтобы его получала, да и как я могла его получить?

Доминик. Просто забыла, наверное. В мире каждый день происходит много чего непонятного, но потом всему находится объяснение.

Кларис. Найди тогда объяснение нашему пребыванию здесь.

Доминик. Это сложнее.

Рауль. В чём-то Доминик прав, с нами иногда происходят странные вещи, но чаще всего они странные лишь на первый взгляд. Вот, например, за день до моего приезда во Францию Пабло подарил мне один занятный сувенир, и я положил его в свой чемодан. Затем по прибытии в Бурж я распаковал свой чемодан, но сувенира там не нашёл. Представляете? Всё на месте, а его нет. Я так расстроился тогда… Но что самое забавное, сегодня утром я обнаружил его в кармане своих брюк! Видимо, я просто забыл, что переложил его из чемодана в собственный карман, и так и ходил с ним всё время. А думал, что уже потерял.

Доминик. Вот как? И что за сувенир?

Кларис. Да-да, покажи.

Рауль. Да так, ерунда, безделушка. Брелок-зажигалка в виде машины. Нажимаешь ей на крышу, и из выхлопной трубы огонёк появляется. Не подумайте, что я курю, просто мне нравятся такие брелоки. Вот, смотрите.

Лезет в карман брюк и достаёт брелок. Все с интересом смотрят, после чего Рауль убирает вещицу обратно в карман.

Кларис. Довольно большая штука. Как тебе удалось столько времени не замечать её в своём кармане?

Рауль. Ничего странного, ведь рассеянность – это моё второе имя. Однажды я полдня потратил на то, чтобы найти свой поварской колпак, и лишь ближе к вечеру понял, что он у меня на голове. Всё это время там был.

Доминик. У меня тоже есть забавная история для ночных посиделок. Пару недель назад меня чуть не убили.

Николь. Ничего себе забавная история! Что же произошло?

Кларис. Да он, наверное, шутит.

Доминик. Вовсе нет. Поздним вечером я закончил свои дела и по дороге домой зашёл в небольшой магазинчик купить газировку. В общем, я зашёл туда не совсем вовремя, так как именно в этот момент там происходило ограбление – какой-то здоровый парень с чулками на голове тыкал пушкой в продавца и требовал открыть кассу.

Рауль. Святая Мария!

Доминик. Именно это я и подумал в первый момент.

Кларис. А что потом?

Доминик. Грабитель увидел меня и направил пистолет… Я подумал, что это совсем уж нелепая смерть – умереть из-за газировки.

Николь. И что дальше?

Кларис. Да, давай без театральных пауз.

Доминик. Ничего. Он вдруг бросил пистолет на пол и убежал.

Рауль. Просто так бросил и убежал?

Доминик. Да! Мы с продавцом потом ещё долго рассказывали всё это полицейским, и они тоже никак не могли поверить. Ну ладно там, передумал брать грех на душу, но зачем бросать пистолет? Там же отпечатки, да и вообще это дорогая игрушка.

Кларис. Странный тип, наверное, какой-то наркоман. В нашем округе таких тоже полно бродит по ночам.

Николь. Их и в Париже не меньше, к сожалению. Один из подобных негодяев два года назад пытался вырвать мою сумочку. Хорошо, что прохожие его спугнули… Впрочем, надо было ему отдать, всё равно он бы там не нашёл ничего, кроме расчёски и помады.

Рауль. В Испании такое тоже случается, хотя именно в Толедо относительно спокойно. Слава Господу за это.

Доминик. Как я понимаю, Николь, с вами ничего занимательного не происходило в последнее время? У нас тут уже столько историй, не хватает только вашей.

Николь. Я бы с радостью рассказала что-нибудь, но решительно ничего не приходит в голову. Наверное, у меня слишком скучная жизнь. Впрочем…

Кларис. Что?

Николь. Да нет, это недостойные внимания глупости.

Кларис. Говори уже, сегодня как раз вечер глупостей.

Доминик. Скорее даже ночь.

Николь. У меня есть любимая кукла из детства, такая, знаете ли, белая тряпичная Бебе. У неё золотые локоны и шикарное белое платье, она вообще у меня очень нарядная… Так вот, я всегда кладу её возле своей подушки, а неделю назад я нашла свою Бебе на подоконнике. Причём в такой забавной позе, как будто она сама залезла туда, уселась, свесив ноги, и прижалась к стеклу, выглядывая там что-то за окном.

Кларис. С куклами так всегда бывает, никогда не знаешь, где их искать.

Николь. Это не про мою Бебе. Я и правда всегда держу её возле подушки, а тут… Не знаю, наверное, кошка с ней игралась и притащила туда.

Доминик. Ну вот, я же говорю, всему есть логическое объяснение.

Николь. Конечно. Я бы, может, и вообще не обратила на это внимание, просто запомнилось то чувство, когда увидела её там. Она так реалистично устроилась на окне и смотрела… Прямо как я в детстве. Мне вообще в ту секунду показалось, что она живая и вот-вот повернётся ко мне и что-то скажет. Даже не по себе стало.

Кларис. Мне теперь тоже не по себе, даже история болвана про ограбление не так напугала. Не хватало ещё начать бояться кукол.

Николь. Не весели меня, она же не сама туда забралась.

Кларис. Откуда ты знаешь? Тебя ведь там не было в этот момент.

Николь. О боже, какой ты ещё ребёнок.

Кларис. Не завидуй.

Общий смех.

Сцена четвёртая

Николь (позже Кларис и Доминик).

Стоит у окна в вестибюле.

День второй.Утро.

Николь (*почти беззвучно*). Как странно… Это окно скоро сведёт меня с ума. Одна и та же картинка, которая исчезает, лишь только сменишь угол зрения. Кто придумал это поле, этот лес, эти облака? Их же, скорее всего, не существует. Зачем нам тогда это показывать? Что там на самом деле за этим стеклом, в чём причина его прочности? И когда всё это закончится? Моя жизнь была самой обычной жизнью, и теперь в ней словно ничего не осталось от всего того, прежнего… Я словно бы проснулась вчера другим человеком, и сегодня всё продолжается. А они, те трое? Что они сейчас чувствуют? Доминик… Странно, но во мне почти нет страха, того былого глубинного ужаса от всего окружающего мира. Может, просто потому, что здесь теперь всё это не имеет уже никакого смысла. И это лишь второй день. Что, если таких дней будет ещё пять, двести, тысяча? Чьей воле это подчинено?

К окну подходит Кларис.

Кларис. Так и думала, что ты уже проснулась.

Николь (*вздрогнув от неожиданности*). Ой, Кларис, ты меня напугала… Здравствуй. Я всегда так просыпаюсь. Эта привычка уже настолько в меня впиталась, что я выбросила из дома будильник… А ты почему так рано?

Кларис. Не знаю, просто проснулась.

Николь внимательно смотрит на Кларис.

Кларис (*глядя в окно*). Ты тоже заметила, что там за окном как будто одна и та же картинка? Странное ощущение…

Николь. Кларис, что с твоими руками?

Кларис. …Словно бы время остановилось.

Николь. Кларис, ты слышишь меня?

Кларис. С руками? А что с ними не так? (*Смотрит на свои ладони.*)

Николь. Они дрожат, ты вся дрожишь.

Кларис. Всё в порядке, не бери в голову.

Николь. В порядке? Да на тебе же лица нет!

Кларис. Николь, послушай… Сегодня я тоже видела этот сон.

Николь. Какой сон?

Кларис. Тот сон, который вчера рассказывал Рауль, про дверь.

Николь. То есть…

Кларис. Да, Николь. Я до сих пор вижу это перед собой. Бесконечно длинный коридор и эти чёртовы двери. Я дёргаю за все ручки, пытаюсь открыть хоть одну, словно от этого зависит моя жизнь. Наконец одна из них открывается, и… Там и правда пустота, Николь. Холодная пустота, от которой до сих пор бьёт озноб. Я падаю в неё и просыпаюсь.

Николь обнимает Кларис.

Николь. Боже, это ведь всего лишь сон. Тем более Рауль вчера сказал, что ему было вовсе не страшно. Ты ведь помнишь, как он весело об этом рассказывал?

Кларис. Это был его сон, Николь. А мой был кошмаром.

Николь. Кошмара больше нет, ты проснулась, и всё хорошо. Я с тобой… Мы сейчас пойдём завтракать, и всё будет хорошо.

Кларис (*мягко отстраняется от Николь и кладёт ладонь на оконное стекло*). Когда мы отсюда выберемся? Только перестань говорить, что всё будет хорошо. Просто скажи, когда? У меня такое ощущение, что мы здесь уже целую вечность.

Николь. Если бы я знала…

Кларис. Никогда ещё я не ощущала такого бессилия. Словно старая жизнь уже разрушилась, а новая ещё не пришла.

Николь. Я понимаю.

Кларис. Понимаешь? И ты так спокойна? Мне кричать хочется!

Николь. Мне тоже хочется кричать, если честно. Просто я понимаю, что это ничего не даст, станет только хуже. Нам нельзя сейчас паниковать, просто нельзя.

Кларис. Знаешь, тебе надо было стать психологом, у тебя дар успокаивать. Во всяком случае, твой голос настраивает меня на мирный лад.

Николь. Глупости, это всё благодаря тебе. Если бы тебя не было, то я сама, наверное, билась бы сейчас в истерике, а так я понимаю, что не одна тут такая и есть те, о ком нужно позаботиться… В общем, как-то так.

Кларис. Ты сегодня косноязычна.

Николь. Просто и правда за тебя переживаю. Ты уже успокоилась?

Кларис. Вроде да, спасибо. А за окном всё же что-то не так.

Николь. Если честно, я ещё вчера это заметила, но не придала особого значения. Мы подумали, что это просто такая спокойная погода. Впрочем, может, так и есть.

Кларис. Не похоже. Даже в самую спокойную погоду в мире есть какое-то движение, а там за стеклом словно всё оледенело. Посмотри, ни одна травинка не шевелится.

Снова смотрят в окно, к *ним подходит Доминик.*

Доминик. Всем привет. Как спалось?

Кларис мрачнеет и отворачивается.

Доминик. Я что-то не то сказал?

Кларис. Я на кухню, попробую что-то съесть. *(Уходит.)*

Доминик. Что с ней?

Николь. Доминик, ей сегодня снился тот же сон, что и Раулю. И теперь ей страшно…

Доминик. Это же просто сны. Тем более ты помнишь, с каким интересом она вчера выспрашивала всё у Рауля. Её просто впечатлила вся эта история, поэтому и приснилось то же самое.

Николь. Возможно. Но она и правда до смерти напугана, ты бы видел, как трясутся её руки. Она говорит, это был настоящий кошмар, Доминик, а вовсе не то, что было у Рауля. И я ей верю.

Молчат.

Доминик (*берёт её за руку*). Успокойся, Николь. Успокойся хотя бы ты. Последнее, что стоит делать в нашем положении, так это подвергаться эмоциям. Тем более от кошмаров ещё никто не умирал.

Николь. Да, я стараюсь.

Доминик. Вот и славно. Я думаю, нам всем сейчас стоит позавтракать, и потом мы ещё раз обойдём всё здание. Вчера мы наверняка чего-то не заметили, какое-нибудь открытое окно или дверь… Мы сегодня же выберемся отсюда. Я обещаю тебе.

Николь. Посмотри в окно, Доминик. Только не говори снова, что всё это из-за погоды.

Доминик подходит ближе к стеклу и внимательно смотрит.

Николь. Ты видишь это?

Доминик. Что именно?

Николь. Боже, прекрати! Там ничего не происходит, я об этом.

Доминик. А что там должно происходить? Поле, лес какой-то сзади, облака…

Николь. И это всё словно умерло. Второй день там ничего не меняется. Ни одной птицы или пчелы, никакого движения, никакого звука. Вообще ничего.

Доминик. Да, это выглядит странно.

Николь. Это ещё не самое интересное. Вот подойди сюда, встань на моё место.

Доминик подходит к Николь, и она наклоняет его голову возле окна.

Николь. Посмотри внимательно под этим углом.

Доминик. Чёрт возьми!

Николь. И я о том же. Я сама только что это заметила и пока не стала говорить Кларис, её это окончательно напугает.

Доминик. Там же… Там вообще ничего нет! Пустота какая-то…

Николь. Именно. То, что мы видим за стеклом, это какая-то иллюзия, поэтому она и статична.

Доминик распрямляется и растерянно трогает стекло ладонями.

Доминик. Кстати, стекло тёплое.

Николь. Оно и ночью было тёплым. Я пару раз подходила к окну во время нашей посиделки и трогала его.

Доминик. Ночью?

Николь. Представь себе. Мало того, что оно непробиваемое, оно ещё и сохраняет тепло. Думаю, все остальные стёкла здесь такие же.

Доминик. Не знаю, что тут происходит, но как только мы отсюда выберемся, я сам приведу сюда телевизионщиков, чтобы заснять всю эту чертовщину. *(Снова наклоняется у окна и смотрит за стекло под углом.)*

Доминик. Глазам не верю. Где мы? Как такое вообще возможно?

Николь. Только не говори пока об этом Кларис. Не стоит её лишний раз пугать, тем более после своего сна она совсем плохо выглядит.

Доминик. Да, разумеется… Сейчас надо позавтракать, и будем выбираться отсюда. Меня самого уже начинает всё это пугать. (*Стучит по стеклу пальцами и давит ладонью.*)

Николь. Хорошо, тогда пойдём позовём Рауля и присоединимся к Кларис.

Доминик (*поворачивается к Николь*). Разве Рауль не на кухне? Я только что заходил в его номер, но его там не было.

Николь. Я тут уже больше часа, но он мимо меня не проходил.

Доминик. Понятно… Значит, он проснулся раньше тебя и уже завтракает.

Николь. Раньше меня? Подожди, ты же видел, сколько он выпил ночью, он с трудом держался на ногах.

Доминик. Кларис выпила не меньше, но вполне себе бодрствует.

Николь. Доминик, я же объяснила тебе, с чем это связано.

Доминик. Хорошо, извини. Просто если руководствоваться логикой, то Рауль сейчас может быть только на кухне или на верхних этажах. Ну сама подумай. Коридор из наших номеров ведёт прямо сюда, в вестибюль. Раз ты здесь за этот час не видела Рауля, то этому есть только объяснение – он вышел из номера и прошёл по вестибюлю раньше, чем ты вышла из своего номера. Иначе вы бы встретились. Пойдём, убедимся, что я прав.

Николь. Пойдём.

В вестибюль входит Кларис.

Кларис. Наверное, я всё же пропущу завтрак. Только увидела еду, и едва не сделалось дурно, даже кофе не хочется.

Доминик. Понимаю. Испанцу там сейчас, наверное, ещё хуже?

Кларис. Откуда я знаю? Я его ещё не видела.

Николь и Доминик растерянно смотрят друг на друга.

Николь. То есть его нет на кухне?

Кларис. Именно сейчас там была только я одна. Разве он не спит в своём номере?

Доминик. Мы думали, он с тобой на кухне. Просто его номер был пуст, когда я к нему заходил. Кровать была опрятно заправлена…

Николь. Получается, сегодня его никто не видел?

Кларис. Вы меня пугаете.

Доминик. Спокойно, он не мог исчезнуть. Сейчас мы просто обойдём все этажи и где-то обязательно его встретим.

Кларис. А если нет? С чего ты взял, что он не мог исчезнуть? Ты забыл, где мы находимся?

Николь. Кларис, успокойся…

Кларис. Как мне успокоиться, Николь? Уже второй день с нами творится какая-то чертовщина, мы заперты непонятно где и непонятно кем. Ещё эти чёртовы сны… Да я уже с ума схожу от всего этого!

Доминик. Прекрати истерику. Ничего страшного ещё не произошло.

Николь. Ты уверен в этом?

Доминик. Я уверен только в том, что, стоя здесь, мы ничего не изменим. Поэтому сейчас мы все берём себя в руки, находим Рауля и затем делаем всё, чтобы отсюда выбраться. Пора уже заканчивать всё это. Кто бы ни играл с нами, он явно заигрался… Давайте сделаем вот что: Кларис снова отправится на кухню, Николь осмотрит номера первого этажа, а я поднимусь по лестнице и проверю все остальные этажи – это позволит нам за короткий срок охватить всё здание. Затем мы встретимся на этом же месте.

Кларис. Я больше никуда не пойду одна.

Николь. Я тоже думаю, что это не лучшая идея. Нам больше не стоит разделяться, ведь неизвестно, что случилось с Раулем.

Доминик. Хорошо, хорошо… Вы правы, лучше идти вместе. Но в любом случае стоит поторопиться, если Рауль ещё в здании, то наверняка ему нужна наша помощь. Иначе он бы уже был здесь.

Все трое стремительно выходят из вестибюля.

Сцена пятая

Николь, Кларис и Доминик.

Сидят в вестибюле у горящего камина.

День второй. Вечер.

Доминик. Это какое-то безумие. Он не мог просто исчезнуть. Не мог!

Николь. Но он исчез.

Доминик. Или он нашёл выход отсюда, или его похитили. Я не знаю, как ещё это объяснить.

Николь. Нашёл выход? Он чуть с ног не валился, когда мы расходились. Тем более, если бы он нашёл выход, то наверняка сказал бы нам.

Доминик. Не факт. Мы же почти ничего о нём не знаем.

Николь. Допустим. Но зачем он тогда перед уходом так идеально заправил постель? Такое ощущение, что на ней никто никогда и не спал. Даже я, будучи абсолютно трезвой, не смогла бы сделать этого лучше.

Доминик. Значит, похищение.

Николь. Получается, кровать заправили похитители? По-твоему, здесь орудует банда горничных?

Кларис (*задумчиво глядя на огонь*). Я следующая.

Доминик. В смысле?

Кларис. Что тебе непонятно, Доминик? Всё дело в этих снах, только они имеют здесь какое-то значение. Всё это проклятое здание лишь фон, декорация… Сны – вот что здесь по-настоящему реально. Мы появились здесь благодаря им и благодаря им обречены исчезнуть.

Доминик. Чёрт возьми, Кларис, что с тобой? Вчера ты сама твердила, что не веришь ни в какие сказки, что всегда есть рациональное объяснение, что…

Кларис. Это было вчера. Сегодня я уже другая.

Доминик. Николь, ну хоть ты скажи ей!

Николь. Я не знаю, что сказать, Доминик. Факт в том, что Рауль действительно пропал, а мы так и не знаем, где мы и когда всё это закончится. Мы так никуда и не продвинулись за этот день, хотя изучили каждый сантиметр этого безжизненного дома.

Кларис. Он не безжизненный, он наблюдает за нами. Я это чувствую. Он уже забрал Рауля и заберёт всех остальных.

Доминик. Я скорее поверю в то, что Рауля кто-то похитил. Ну а как могло быть иначе? Разумеется, мы все спали, и в это время кто-то проник в его номер и…

Кларис. Ты сам не веришь в это. Люди могут лишать других людей свободы, но они не способны управлять чужими снами.

Доминик. Боже, Кларис. Когда ты уже выбросишь из головы всю эту чушь? Это не сны похитили Рауля, это сделали люди, которые имеют отношение ко всей это истории.

Кларис. Ты просто не видел, не чувствовал то, что я этой ночью. Это было больше чем сон, и это было даже реальнее, чем то, что мы сейчас втроём сидим у камина. Я не знаю, как это объяснить.

Николь. Если честно, я тоже всё больше начинаю верить в…

Доминик. В кого? В призраков? В летающие тарелки? В происки дьявола? Мы реальны, Николь, и этот дом реален. Люди, которые стоят за всем этим, тоже реальны.

Николь. Сегодня ты больше часа бил кувалдой по этим стёклам, пока она не сломалась. И что? На них не появилось даже маленькой трещины. Ты пытался выломать двери, но на них не осталось даже царапины. Вчера мы вчетвером потратили на это почти целый день, и итог был тем же. Даже если всё это можно как-то объяснить, то как тогда объяснить само наше пребывание здесь? Кто мы такие? Мы не члены правительства, не видные банкиры, чтобы нас тут удерживать ради какой-то выгоды. Тогда какой в этом смысл? Твоя теория трещит по швам, Доминик.

Доминик. Может, она и трещит по швам, но она у меня есть. Хоть какая-то, но есть. У тебя есть другая?

Кларис (*равнодушно*). Доминик, лучше принеси вина.

Доминик. Что? Ты уверена?

Кларис. Да. Сейчас мне как никогда нужно выпить.

Доминик устало растирает ладонями лицо.

Доминик. Хорошо… Я сейчас вернусь. *(Уходит.)*

Кларис. Вот и всё, Николь.

Николь. О чём ты?

Кларис. О том, как стремительно всё кончается. Жизнь делится на периоды, периоды на годы, дни и часы. Но в итоге всё приходит к концу.

Николь. Это ещё не конец, Кларис.

Кларис. Я рассказала тебе не весь сон. И мне кажется, Рауль тоже о чём-то недоговорил.

Николь. Не весь?

Кларис. Перед тем как одна из дверей открылась, я увидела в конце коридора себя. Я стояла в концертном синем платье, с маминой золотой подвеской на шее. Моё лицо было искривлено, и рот был широко открыт, словно в момент крика, а на запястьях были страшные раны. Кровь текла с них на платье, оставляя на нём чёрные полосы. Кровь была там повсюду… Я видела это всего секунду, но мне хватило, чтобы запомнить всё до мелочей. А потом я упала в эту ледяную пустоту и проснулась.

Николь молча взяла Кларис за руку.

Николь. Чудовищный сон.

Кларис. Наверное, и Рауль видел что-то там, в конце коридора. Не мог не видеть. Почему-то я в этом уверена.

Николь. Не знаю. Но он так беззаботно об этом рассказывал…

Кларис. Просто его пустота была другой, не такой, как моя. Она была добра к нему, толстому и забавному католику. А моя пустота жестока…

Николь. Ты хороший человек, Кларис, и не должна страдать. Я бы забрала твой сон себе, если бы могла. *(Обнимает Кларис и кладёт голову ей на плечо.)*

Кларис. Очень тихо сегодня…

Николь. Да.

Кларис. Если бы не треск огня и твой голос, то здесь бы стояла абсолютная тишина. Я боюсь тишины, всегда боялась. Тишины и темноты. В детстве мама целовала меня на ночь и выключала свет. Уходила, и я оставалась одна в своей спальне... Было так тихо и так темно… Сразу уснуть никогда не

получалось, и я тихонько напевала что-то себе под нос, с головой укрывшись одеялом. Просто чтобы не быть в тишине. Однажды мама всё-таки услышала это и сказала, что ночью надо спать, а не петь. Но если мне так нравится это занятие, то она найдёт мне репетитора. В общем, так я и стала потом певицей.

Николь. Трогательная история. И очень милая.

Молчат.

Кларис. Не отдавай им меня, Николь.

Николь. Кому?

Кларис. Тишине и темноте. Всей той пустоте, в которую я падала этой ночью. Ведь пустота это и есть тишина и темнота, которым нет конца. Я только что поняла это.

Николь (*гладит волосы Кларис*). Не отдам. Обещаю.

Кларис. Спасибо тебе. За всё.

Возвращается Доминик, садится рядом и разливает вино по бокалам. Все молча пьют.

Доминик. Думаю, сегодня нам не стоит закрывать двери в своих комнатах. А лучше всего было бы ночевать в какой-то одной.

Кларис. Думаешь, это что-то изменит?

Доминик. А ты считаешь, будет лучше, если нас перехватают поодиночке?

Кларис (*грустно улыбаясь*). Ты так ничего и не понял, Доминик. В этом месте от нас уже ничего не зависит.

Николь. Кларис, он прав. Что бы здесь ни происходило, мы должны хотя бы знать об этом, даже если и не можем влиять. И я не оставлю тебя сегодня одну, будем ночевать вместе.

Кларис. Спасибо тебе ещё раз. Правда. У меня никогда не было такой милой подруги.

Николь. Ну что ты, перестань. Я ничего такого не делаю, просто хочу, чтобы тебе было спокойней.

Доминик. Тогда я буду ночевать в номере Рауля, он как раз напротив номера Кларис. Что бы ни случилось, вам будет достаточно просто позвать меня, и я тут же приду на помощь.

Николь. Да, разумеется. Спасибо.

Молчат.

Кларис. Где бы вы хотели сейчас оказаться, если бы у вас был выбор?

Николь. Дома, разумеется.

Доминик. На работе, она всегда меня успокаивает.

Кларис. А я на лодке в Старом городе. Ты был бы на вёслах, Доминик, а Николь сидела бы рядом со мной со своим бокалом и что-нибудь рассказывала своим успокаивающим голосом. И мы плыли бы до самого рассвета, освещённые светом звёзд и газовыми фонарями.

Николь. И ты пела бы нам какую-нибудь красивую песню.

Кларис. Не знаю, сейчас мне точно не до песен. Может быть, потом, на рассвете.

Доминик. Ты хороший человек, Кларис.

Кларис. Спасибо, болван. Знаешь, ты тоже ничего. И Николь, и толстяк… Жаль, что он пропал. Надеюсь, теперь ему лучше, чем нам.

Доминик. Ты так говоришь, словно его уже нет в живых.

Кларис. Возможно, нас всех уже нет в живых. Возможно, мы просто тени, которые случайно оказались тут с какой-то неведомой целью. Во всяком случае, я видела такое в кино.

Доминик. Не знаю как ты, а я реален. Я чувствую голод, боль, страх – тени такого не испытывают.

Кларис. Откуда ты знаешь? Ты был тенью? Я начинаю завидовать Раулю, он хотя бы знал, во что верит.

Доминик. Но это ему не помогло…

Николь. Кто знает? Может, как раз наоборот. Я думаю, вера способна творить чудеса, если она настоящая.

Доминик. Я никогда не видел чудес, поэтому стараюсь не брать их за основу.

Николь. Никогда? Ты же сам рассказывал о том ограблении, где тебя могли убить. Разве это не чудо, что преступник выбросил свой пистолет и убежал? Мало кому так везёт, почитай криминальные новости.

Кларис. Не говоря уже о том, что с нами происходит. Вот уже действительно апофеоз мистики. Кстати, вы заметили? Помимо прочего, здесь нет эха.

Доминик. Эха?

Кларис. Да, я певица и сразу обращаю внимание на такие вещи. И за окнами вовсе не то, что нам кажется. Когда мы сегодня искали Рауля, я проходила мимо одного окна и посмотрела, как бы сбоку… Там ничего нет.

Николь. Мы тоже заметили сегодня, просто не хотели тебя пугать.

Кларис. Не оправдывайся, Николь, меня уже ничего не пугает. Мне теперь словно бы всё равно. Не знаю, выберемся ли мы отсюда, но я буду уже другой. Не той глупой девочкой, что раньше, а совсем другой… Налей ещё вина, Доминик.

Доминик берёт бокал Кларис и случайно роняет его на пол. Бокал разбивается.

Кларис. Можно же было аккуратнее.

Доминик. Стойте!

Кларис, Николь. Что?

Доминик. Не знаю, как стёкла, но бокалы здесь бьются.

Кларис. Они везде бьются, Доминик, я не понимаю…

Доминик. Смотрите: вы считаете, что мы здесь заколдованы или вроде того? Ну или само здание какое-то мистическое, правильно? Это всё потому, что мы не можем разбить окна и двери. Но бокалы здесь самые обычные. *(Поднимает осколок бокала и режет им диванную кожу.)*

Доминик. Диван тоже самый обычный, никакой мистики. Вот смотрите, легко вспарывается, можно палец засунуть.

Кларис. Чем нам поможет то, что ты испортил диван?

Николь. Я тоже не понимаю.

Доминик. Да поймите вы, это никакой не дом с привидениями. Да, здесь хитроумные стёкла, прочные двери, звукоизоляция какая-то особая, но это всё дело человеческих рук. Вывод прост: раз это сделано людьми, то наверняка есть какой-то шанс на спасение. Иначе и быть не может. *(Встаёт и возбуждённо ходит возле камина.)*

Доминик. Определённо, это всё упрощает. Ничего сверхъестественного, никакой магии, никаких богов – всё в наших руках. Можно попробовать поджечь дверь или что-то в этом духе.

Кларис (*устало*). Сядь, Доминик. Сядь и успокойся. Не хватало ещё, чтобы мы все тут сгорели или задохнулись. Тем более скорее всего дверь никак не пострадает, на ней даже царапин не остаётся после ударов кувалды.

Доминик. Хорошо, огонь исключаем. Но всё же кое-что стоит попробовать. Да-да, у меня уже есть пара мыслей.

Кларис. Тогда пробуй, а я уже слишком устала и хочу спать. Николь?

Николь. Да, пойдём. Доминик, только пообещай не сжечь нас заживо этой ночью. И сразу разбуди нас, если что-то получится. Или если вообще что-то случится…

Доминик. Разумеется. Идите спокойно, я тут немного задержусь. И если что, сразу кричите, чтобы я услышал.

Николь. Хорошо. Доброй ночи.

Николь и Кларис уходят, Доминик смотрит на огонь и растирает пальцами виски.

Сцена шестая

Николь и Кларис.

Стоят у окна в номере Кларис.

Вторая ночь.

Кларис. О чём ты думаешь, Николь?

Николь. Обо всём, что здесь с нами происходит последние два дня. Такое ощущение, что за это время я пережила больше эмоций, чем за все последние годы.

Кларис. Я тоже думаю как-то так. В голове крутится калейдоскоп разных воспоминаний, и мне кажется, что все они не мои. Словно всё это было так давно, если вообще было…

Николь. Я понимаю тебя.

Молчат.

Кларис. Ты ведь католичка, Николь. Скажи, Бог на самом деле всегда видит и слышит нас?

Николь. Да, конечно. Почему ты спрашиваешь?

Кларис. Не знаю, наверное, просто хочется во что-то верить. Вряд ли я бы задумалась об этом в любой другой ситуации, но теперь не могу не думать.

Николь. Мама в детстве говорила мне, что, если тебе грустно или плохо, то нужно просто мысленно обратиться к нему или к Деве Марии, и там, на небе, обязательно услышат тебя и помогут. Так я всегда и делала.

Кларис. И это помогало?

Николь. Иногда.

Кларис. Понятно. Мои родители были атеистами и никогда не говорили со мной об этом, а мне самой было не особо интересно. Всё это казалось каким-то серым и скучным, несовременным.

Николь. Наверное, религия и должна быть такой. Ей почти две тысячи лет.

Кларис. Наверное… Что там, после смерти?

Николь. Чистилище, рай, ад... Смотря кто и как жил.

Кларис. Ад?

Николь. Кларис, тебе он вряд ли как-то угрожает.

Кларис. А если мы уже в аду, Николь? Что, если мы уже в нём?

Николь. В ад попадают после смерти.

Кларис. Но откуда ты знаешь, что мы не умерли?

Николь. Как откуда… Мы живы, мы разговариваем с тобой – вспомни слова Доминика… И мы уж точно не в аду. В аду очень душно и горячо, там повсюду черти, которые издеваются над душами людей, и вообще…

Кларис. Разве ты там была? Как тогда ты можешь утверждать?

Николь. Не была. Просто так учит Церковь.

Кларис. Ну вот.

Николь. Всё же это не ад, Кларис. Тогда уж скорее лимб.

Кларис. Лимб?

Николь. Место для грешников. Просто их грехи не так тяжелы, чтобы вечно мучиться в аду, поэтому их отправляют в лимб.

Кларис. И что они там делают?

Николь. Не знаю. Просто живут, наверное. Живут и грустят.

Кларис. Как мы здесь.

Николь. Возможно… Какие песни ты напевала в детстве перед сном?

Кларис. Разные глупые считалочки.

Николь. Напой что-нибудь сейчас.

Кларис. Это же всего лишь глупые детские песенки.

Николь. В этом и прелесть. Какая тебе больше всего нравилась?

Кларис закрывает глаза и начинает тихо петь.

Кларис. Пойдем прогуляемся по лесу, пока там нет волка. Если бы волк там был, то он бы нас съел, но, так как его нет, то нас никто не тронет…

Замолкает.

Николь. Да, пока здесь нет волка, нас никто не съест… У тебя очень красивый голос.

Кларис. Я бы лучше встретилась с волком, чем оказаться здесь. Наверное, в Анси все уже с ног сбились, разыскивая меня. Печатают моё фото в газетах, говорят по радио и ТВ, строят разные догадки. Им и в голову не придёт, что я тут, рядом с тобой, в какой-то заколдованной гостинице.

Николь. Наверное, твои родители сейчас места себе не находят…

Кларис. Они погибли год назад в Роне. Автокатастрофа.

Николь. Прости, милая, я не знала.

Кларис. Всё нормально. Я уже научилась с этим жить. А что твои родители?

Николь. Наверное, уже сошли с ума. Я ни разу в жизни никуда не пропадала.

Кларис. Ты их не очень любишь, да?

Николь. Почему ты так думаешь?

Кларис. Когда ты говоришь о них, о своём детстве, в твоём голосе звучит какая-то вечная обида. Мне так кажется.

Николь. Не знаю… Я люблю их, правда. Но где-то в глубине себя я…

Кларис. Ненавидишь за неудавшуюся личную жизнь?

Николь. Да. Хотя они этого и не заслуживают.

Кларис. А ты любила когда-нибудь?

Николь. Иногда мне казалось, что люблю.

Кларис. Например?

Николь. Когда училась в Эколь Нормаль, мне нравился один парень, Эймери. Он приехал из Англии и попал к нам на факультет. Я ему тоже сразу понравилась почему-то, он постоянно пытался ухаживать.

Кларис. А ты?

Николь. Я сначала не знала, что чувствую. Не знала, как себя вести, и в итоге постоянно вела себя как дура. Потом поняла, что он мне нравится, стала отвечать взаимностью. Правда, дальше поцелуев дело не дошло…

Кларис. Почему?

Николь. В последний момент я испугалась, сама не знаю почему. То ли просто боялась, то ли не могла поверить своему счастью. Так или иначе, он уже через два дня гулял с моей подругой.

Кларис. Идиот. Долго переживала после этого?

Николь. Долго. А ты любила?

Кларис. Никого.

Николь. Совсем никого?

Кларис. Угу. При этом у меня было столько мужчин, что я даже не помню всех имён. Наверное, когда поняла, что не получается с качеством, стала брать количеством. Поддерживала свой образ опять же…

Николь. Какой именно?

Кларис. Этакой неприступной холодной женщины, которая может кого-то осчастливить, если вдруг сама посчитает нужным, а может и сразу же отшить, ничего не объясняя. Высокомерная Кларис из Анси.

Николь. Но это ведь совсем не твоё, ты другая.

Кларис. Думаешь?

Николь. Ну конечно, глупая. Ты тёплая, отзывчивая, ранимая и очень милая. Я сразу это увидела.

Кларис. Ну вот, значит, я плохая актриса.

Николь. Ты просто играла не свою роль.

Молчат.

Кларис. Скажи, Николь, а в этом лимбе люди живут вечно?

Николь. Конечно, нет. Их потом отпускают в рай.

Кларис. Значит, и нас отпустят?

Николь. Если это лимб, то обязательно отпустят. Бог любит всех и никого не будет вечно мучить.

Кларис. Даже в аду?

Николь (*задумавшись*). Даже в аду.

Кларис. Тогда я спокойна… Николь, не надо охранять меня всю ночь. Иди к себе, всё будет хорошо.

Николь. Ну уж нет, я не оставлю тебя одну.

Кларис. Я бы хотела немного побыть одна, Николь. Не обижайся, пожалуйста, и не переживай.

Николь. Ты правда этого хочешь?

Кларис. Да.

Николь. Хорошо… Тогда доброй ночи, Кларис?

Кларис. Доброй ночи. И спасибо за всё.

Николь выходит, и Кларис выключает свет. Затем ложится на кровать и начинает напевать считалочку про волка.

Сцена седьмая

Николь и Доминик.

Стоят возле заправленной кровати Кларис.

День третий. Утро.

Николь (*равнодушно глядя перед собой*). Она была права, Доминик. Она была права во всём.

Доминик подходит к окну, устало растирая пальцами виски.

Николь. Это место находится не на Земле. Мы находимся не на Земле.

Доминик. Где же тогда? Где, по-твоему, мы находимся, Николь?

Николь. Я не знаю.

Доминик садится на кресло возле кровати Кларис и закрывает лицо ладонями.

Николь. Вчера, когда мы с ней разговаривали перед сном, я вспоминала про лимб. Может, это он и есть, я правда не знаю. Не надо было оставлять её одну… Никогда себе этого не прощу.

Доминик. Если всё так, как ты говоришь, то это уже ничего бы не изменило.

Николь. Она не должна была оставаться одна. Она так боялась пустоты…

Доминик. Пустоты?

Николь. Да, из её последнего сна. Она рассказала мне, что перед тем как в неё провалиться, она видела в конце коридора себя… Мёртвую.

Доминик. Боже…

Николь. Интересно, где она сейчас, хорошо ли ей?

Доминик. Где бы она ни была, для неё уже всё закончилось. А мы? Что нам теперь делать?

Николь (*удивлённо*). Ты спрашиваешь меня?

Доминик. Кроме тебя, здесь больше никого не осталось, а я сам уже ничего не могу предложить.

Николь. Доминик…

Он встаёт и подходит к окну, гладит ладонью стекло.

Доминик. Знаешь, я всегда полагался сам на себя. Я ни в кого и ни во что не верил, меня вообще мало что интересовало. А теперь я не знаю, что делать и что вообще думать. Мой старый мир, в который я верил, рассыпается на глазах, а новый слишком сложен для понимания.

Николь. Я понимаю тебя.

Доминик. Я бы хотел что-то сделать сейчас, Николь, но я не знаю, что именно. Я не думал, что буду таким беспомощным.

Николь подходит к Доминику и обнимает его за плечи. Молчат.

Доминик. Я так ничего и не придумал вчера, когда вы ушли. Бросался снова и снова на эти чёртовы двери и стёкла, и всё так же безрезультатно. Разбил руки в кровь, разве что головой не бился… Наверное, нет ничего более унизительного для мужчины, чем беспомощность.

Николь. Не мучай себя этим, не надо. Мы все сделали что могли.

Доминик. И этого было мало.

Николь. Да, но мы пытались. Не всегда достаточно одних лишь усилий и желания, иногда требуется нечто большее. Во всяком случае, в это верил Рауль, и Кларис тоже поверила перед… Перед исчезновением.

Доминик. Оказалось, что даже она бесстрашнее и сильнее меня.

Николь. Нет, но она успела измениться за те два дня, что здесь провела. И, возможно, в этом и есть главный смысл этих стен. Они меняют нас, хотим мы того или нет. Они достают наружу то, что мы в себе прячем.

Доминик. Разве они изменили тебя?

Николь. Я пойму это потом, не сразу. Оценивать других куда проще, чем копаться в собственной душе.

Доминик. Тогда скажи обо мне.

Николь. Что ты хочешь услышать?

Доминик. Всё, что ты думаешь.

Николь. Для меня ты загадка, Доминик. Возможно, потому что я отношусь к тебе с определённой симпатией, не знаю. Но именно поэтому мне и не хочется разгадывать тебя до конца, я боюсь потерять интерес. И я боюсь потерять тебя.

Доминик. Наверное, всё то же самое я могу сказать и о тебе. Загадка, которую не хочется разгадывать до конца… Да, определённо так и есть.

Николь. Мне приятно это слышать от тебя.

Доминик. Теперь уже непонятно, увидимся мы завтра или нет, но сегодня мы ещё здесь, и мы вместе. Как бы ты хотела провести этот день?

Николь. Я бы хотела провести его у камина, с тобой и бокалом белого вина. Слушать тебя и смотреть на огонь. И вспоминать всё, что со мной было, чтобы потом рассказать это тебе. Ты думаешь, это и правда последний день?

Доминик. Кто знает?

Николь. Смотри, там начался дождь.

Оба смотрят в окно.

Сцена восьмая

Николь и Доминик.

Сидят в вестибюле перед камином.

День третий. Вечер.

Доминик. Ещё вина?

Николь. Нет, пожалуй, позже.

Доминик. А я выпью ещё. В конечном счёте, это единственное, что осталось.

Николь. Как думаешь, сколько нам ещё здесь?

Доминик. Если Кларис была права, то сегодня мы видимся последний раз.

Николь. В смысле?

Доминик. Я ещё не говорил тебе, но сейчас, пожалуй, самое время. Я тоже видел этот сон ночью. Дверь открылась.

Николь. И ты…

Доминик. Да.

Николь. Эта пустота… Какой она была для тебя?

Молчание.

Николь. Не молчи, Доминик. Ты должен мне это рассказать.

Доминик. В коридоре было холодно и темно. Двери… Я дёргал за ручки, но ни одна не открывалась. Мне казалось, что прошла целая вечность. Потом одна из дверей сзади меня отворилась сама. Я подошёл ближе, но кто-то позвал меня из глубины коридора. Я повернулся и увидел…

Николь. Себя.

Доминик. Да. Я стоял и улыбался.

Николь. Улыбался? Это же прекрасно, Доминик. Значит…

Доминик. Это ничего не значит, Николь. В моей правой руке был пистолет.

Николь. Пистолет?

Доминик. Да. Я увидел это и затем шагнул вперёд, в эту дверь.

Николь. Значит, Раулю повезло больше всех.

Доминик. Получается, так.

Николь (*задумчиво*). Интересно, какой будет моя пустота? И что будет после неё?

Доминик. Что бы там ни было после, я бы не хотел, чтобы эта наша встреча была последней. Мне кажется, знакомство с тобой было самым ценным событием моей жизни.

Николь. Я тоже была рада твоей компании. Жаль, что такой недолгой.

Доминик. Ты так говоришь, словно мы уже исчезли.

Николь. Мы оба понимаем, что это вопрос времени.

Доминик. Но оно пока ещё есть.

Целует Николь, она отвечает взаимностью.

Доминик. Где ты была раньше, все эти годы…

Николь. А ты? Где был ты? Где ты был, когда мне было одиноко и грустно, когда я искала тебя в толпе, когда возвращалась в пустую квартиру, когда смотрела в окно в обеденные перерывы? Где ты был, когда неделями шли дожди, когда моя жизнь окончательно теряла смысл и я не знала, где его искать? Где ты был всё это время?

Доминик. Наверное, так устроена жизнь, что всё лучшее приходит к нам тогда, когда мы его уже совсем не ждём. Но за эти мгновения счастья я готов прожить свою жизнь заново. И я ни о чём не жалею.

Николь. Я тоже…

Доминик. Забавно. В нашем положении, наверное, стоило бы биться головой о стены и взывать о помощи. Или хотя бы молиться всем известным богам.

Николь. Это вряд ли уже что-то изменит. Уж лучше тогда и правда провести оставшиеся часы в объятиях друг друга.

Доминик. Да. Рядом с тобой я даже не думаю о том, что там впереди.

Николь. И я совсем не боюсь всего этого. Мне словно уже стало всё равно, да и Кларис вчера сказала то же самое, ей тоже в какой-то момент стало всё равно, и все её страхи исчезли. Давай останемся здесь до утра. Мне так хорошо с тобой тут, у камина.

Доминик. Я только что подумал о том же самом. Во всей моей жизни не было столько счастья, как в эти мгновения. Даже не верится, что всему может прийти конец.

Николь. Я буду крепко обнимать тебя всю ночь, и ты никуда не денешься из моих объятий, даже если сам захочешь. А они не посмеют тебя забрать, пусть только попробуют. Я никому тебя не отдам.

Доминик. Что это? Любовь или страх одиночества?

Николь. Это потерянные впустую годы. Время без радости, которое уже не наверстать.

Доминик. Но ты пытаешься.

Николь. Да.

Доминик. Кажется, я разгадал твою загадку.

Николь. Но ты сделаешь вид, что это не так?

Доминик. Конечно.

Николь. Значит, я тоже всё разгадала.

Доминик. И тоже сделаешь вид?

Николь. Безусловно.

Обнимают друг друга.

Сцена девятая

Николь (позже Портье)

Одна на диване у камина.

Третья ночь.

Открывает глаза и оглядывается.

Николь. Доминик?

Тишина.

Николь. И ты тоже… Вот, видимо, и всё... Кончено… *(Встаёт, подходит к окну, затем возвращается обратно к камину.)*

Николь. Одна, теперь уже окончательно. Всё сбылось, Кларис… Боже, как здесь тихо. Не то что эхо, но словно и сам голос теряется где-то среди этих стен. *(Смотрит на огонь в камине.)*

Николь. Ну ничего… Я знаю, как это прекратить. Я знаю.

Берёт из камина горящую деревяшку и подходит к окну. Поджигает шторы, затем кресла и т.д. Вестибюль медленно заполняется огнём и дымом.

Николь. Гори, гори ярче! Мы сгорим вместе.

Голос сзади. Не надо играть с огнём.

Николь изумлённо оборачивается и видит за стойкой портье старика в пенсне, который деловито смахивает пыль с телефона.

Портье. Я буду вам очень признателен, если вы положите свою головешку обратно в камин, вы и так уже много чего испортили.

Николь (*выронив свой факел от удивления*). Кто вы?

Портье. Ну я же просил положить в камин, что за неуважение… Ладно, придётся, как всегда, всё убрать самому. (*Хлопает в ладоши – огонь и дым в вестибюле исчезают*).

Снова протирает телефон.

Портье. Я здесь работаю, мадмуазель. Слежу за размещением дорогих гостей и за порядком.

Николь. То есть вы были здесь постоянно? Но почему… Вы можете объяснить, что здесь происходит? Что всё это вообще значит? Я умерла?

Портье (*продолжая что-то протирать за стойкой*). Что вы, мадмуазель. Как вы можете умереть, если ещё даже не жили?

Николь. Что?

Портье. Вам сейчас какое слово непонятно?

Николь. Но разве это не ад? Рауль, Кларис, Доминик… Они ведь…

Портье (*улыбаясь*). О, это французское воображение: смерть, ад, что там вам ещё мерещится? Разве я похож на дьявола? Или эта комфортабельная гостиница выглядит как преисподняя?

Николь. Я уже совсем ничего не понимаю.

Портье. Поверьте мне, вам совершенно нечего бояться. Во всяком случае, здесь. Всё самое плохое, впрочем, как и самое хорошее, у вас ещё только впереди.

Николь. Впереди?

Портье. Ну разумеется. Вот какой сейчас, по-вашему, год?

Николь. Тысяча девятьсот восемьдесят третий.

Портье. Ошибочка, тысяча девятьсот пятьдесят второй. Елизавета Вторая только что вступила на английский престол, а во Франции медленно, но верно умирает Четвёртая республика. Кстати, что вы думаете про де Голля? Есть мнение, что он далеко пойдёт.

Николь. Как это возможно? Я же только родилась в пятьдесят втором.

Портье. Вот именно. До вашего рождения осталось… (*Смотрит на свои часы*) Осталось двадцать пять минут, с чем я вас и поздравляю. Хотя заранее не принято, но всё же.

Николь. Я сейчас сойду с ума.

Портье. Ну что вы, я думал, вас это обрадует. Идите сюда, я знаю, как вас взбодрить. *(Достаёт из-за стойки бутылку конька и наливает немного в бокал.)*

Николь. Нет, спасибо…

Портье. Вы же не думаете, что я хочу вас отравить? Идите, идите, не бойтесь.

Николь подходит к стойке и берёт в руку бокал. Смотрит на портье.

Портье. Превосходный коньяк, «Мартель» из Шаранта. Рекомендую.

Николь (*механически отпивает из бокала*). Если я ещё не родилась, то что я здесь делаю? Как тогда я вообще могу существовать?

Портье. Как личность, вы существовали всегда, и с вашим рождением это никак не связано. Другое дело, что у вас впереди занимательная жизнь на Земле, которая на многое повлияет. Поэтому мы и решили пригласить вас сюда, так сказать, предварительно. А чтобы вам тут не было скучно, мы пригласили ещё несколько персон. Честно говоря, это наша обычная практика, что-то вроде подготовительного класса, предваряющего школу. Только не говорите никому, это корпоративный секрет.

Николь. То есть они тоже…

Портье. Да, они лишь только должны родиться, а не умереть, как вы тут полагали. Повар, певичка и серийный убийца.

Николь. Убийца???

Портье. К сожалению, да. Странно, что пистолет, о котором он упоминал, не натолкнул вас на эту мысль. Наверное, этому помешала ваша симпатия к данному лицу.

Николь. Вы что-то путаете, Доминик не способен…

Портье. Вы были знакомы с ним всего несколько дней, а я вижу перед собой всю его жизнь. В какой-то момент его дела пойдут совсем плохо, и он начнёт злоупотреблять спиртным, а после раздобудет оружие и прикончит несколько старых знакомых. Его убьют полицейские при задержании. Подробности, думаю, можно опустить. Тем более это случится только через тридцать лет.

Николь. Вот оно что… И это неотвратимо?

Портье. Это его личный выбор, следовательно, неотвратимо.

Николь. Доминик, боже… А как же Рауль? Кларис?

Портье. Повар так и не вернётся в Толедо из Буржа. В день отъезда его собьёт автомобиль. Кстати, такой же автомобиль, как у него на брелоке, помните? Но вам не стоит за него переживать, его вера и смирение не останутся незамеченными. Что касается певицы, то здесь всё сложнее. Потеря родителей дурно скажется на её душевном состоянии, а деньги и слава лишь усилят общий негативный фон. Она решит покончить с собой осенью восемьдесят третьего, и некому будет её остановить.

Николь. Господи, вы серьёзно? Можно ей как-то помочь? Она ведь так боялась своей пустоты… Ей нельзя туда надолго, вы понимаете? Она же просто несчастный ребёнок!

Портье. Это не в моей власти. Сожалею.

Николь. А в чьей это власти? Вы же должны понимать, что она и Доминик не заслуживают всего этого, вы же должны хоть что-то чувствовать!

Портье (*внимательно смотрит ей в глаза*). Почему вас так интересует чужая судьба, а не своя?

Николь. Я ей обещала, что не оставлю.

Портье. Как и Доминику.

Николь. Да.

Портье. Понимаю, вы благородный человек. Рад, что мы не ошиблись, выбирая вас... Но я всего лишь служащий, мадмуазель. Думаю, вам стоит задать все эти вопросы моему непосредственному руководителю. Тем более он и сам хочет поговорить с вами.

Николь. Он? Кто?

Портье (*посмотрел на свои часы*). Извините, но мне уже пора.

Николь. Подождите! Ради бога, умоляю вас, ответьте ещё хотя бы на один вопрос!

Портье. Вам сейчас всё объяснят и ответят на все ваши вопросы. Прощайте, мадмуазель Николь. Извините, если что-то было не так.

Портье исчезает, и в эту же секунду распахиваются все окна и двери.

На стойке звонит телефон.

Николь медленно подходит к нему и снимает трубку.

БЕЗУМИЕ

Драма
в трёх действиях

ДЕЙСТВИЕ 1

Сцена первая

Действующие лица:
Гней Прокул *(консул)*
Гай Петроний Нигрин *(консул)*
Луций Вителлий *(наместник Сирии)*
Публий Меммий Регул *(наместник Македонии)*
Луций Аррунтий Камилл Скрибониан *(наместник Далмации)*
Гней Корнелий Лентул Гетулик *(наместник Верхней Германии)*
Инвитатор

Начало 37 года н.э. Коридор императорского дворца, консулы ожидают приёма Императора.

Гней Прокул. Принцепс и члены семьи уже там?

Нигрин. Да, во всяком случае, так сказал инвитатор полчаса назад.

Гней Прокул. А он не сказал, когда нас примут?

Нигрин. Нет, но он сказал, что принцепс в хорошем расположении духа.

Гней Прокул. Зато я начинаю пребывать в плохом. Ожидание явно затягивается.

Нигрин. За время консульства отвык от тягот мирской жизни? Спускайся на землю, Гней. Наш консулат уже почти завершён, впереди лишь неизвестность… Однако, чтобы моё будущее было менее туманным, я не прочь сидеть тут до самой ночи. От сына Германика теперь будет зависеть многое, если не всё в Риме.

Гней Прокул. С этим трудно не согласиться. Который день я молю богов, чтобы Гай был хотя на десятую часть похож на своего отца.

Нигрин. О да, Рим не знал более благодетельного гражданина и начальника.

Гней Прокул. Кто это там идёт?

Нигрин. Легаты Августа, надо полагать, я узнаю Вителлия и Регула.

Гней Прокул. Точно, а сзади хромает Скрибониан.

Нигрин. Я слышал, он неудачно поохотился в своей провинции. Вместо ожидаемого кабана перед ним предстал какой-то невиданный страшный зверь.

Гней Прокул. Вчера на Форуме я тоже слышал эту историю. Говорят, этот зверь не только напугал лошадь несчастного Скрибониана, но и хорошенько его отдубасил. Да и охота была якобы не на кабана, а на какую-то юную девицу редкой красоты. Просто она забыла сказать, что несвободна.

Нигрин. Кто же мог так обойтись с легатом пропретором?

Гней Прокул. Местный прокуратор, наверное. Впрочем, это всего лишь слухи.

Нигрин. Я думаю, что это чушь. На Форуме можно и не такое услышать, особенно после обеда. Ты ведь помнишь, Гней, как в середине декабря там бегал лохматый старик и кричал про каких-то чудовищ?

Гней Прокул. Помню. Мол, одно чудовище скоро погибнет, другое воссияет, а третье скоро родится на свет.

Нигрин. Именно так.

Гней Прокул. Кстати, чем тогда это закончилось? Я уехал из Рима тем вечером.

Нигрин. Старика распяли за городскими воротами. Он мог легко отделаться, но, как назло, мимо проезжал Агенобарб, который готовится стать счастливым отцом. Видимо, он посчитал такие речи личным оскорблением.

Гней Прокул. Я бы тоже оскорбился на его месте, хотя с распятием он, конечно, переборщил. Достаточно было плетей.

Нигрин. Гней известен дурным нравом, даже когда пребывает в хороших настроениях.

Гней Прокул. Жена ему под стать.

Подходят легаты Августа пропреторы.

Луций Вителлий. Кого только не встретишь в императорских коридорах, моё почтение консулам Республики.

Гней Прокул. Здравствуй и ты, доблестный Вителлий. Так редко видимся за этой суетой… Публий, Луций… Давно вы в Риме?

Скрибониан. Мы прибыли вчера аккурат к погребальному костру, вы разве нас не видели? Мы стояли рядом с Клавдием. Он, кстати, и пригласил нас сегодня сюда от лица Императора. С нами ещё был Гетулик, но потом он затерялся в толпе.

Гней Прокул. Да, я припоминаю. Как добрались?

Регул. Неважно, в Брундизии еле спаслись от шторма.

Нигрин. Там всегда дурные погоды. И с какими новостями вы к нам в столицу?

Регул. Хорошая шутка, ведь это как раз столичные новости теперь обсуждают по всей Республике. И именно эти новости прилетели к нам в провинции и заставили покинуть насиженные места. Макрон ещё три недели назад разослал всем письма о смерти Тиберия и готовности сына Германика занять место принцепса.

Гней Прокул. Да, Тиберий… Прискорбная потеря… Хотя разве три недели назад он ещё не был жив?

Регул. Чего не знаю, того не знаю. Помимо прочего, в этих письмах говорилось, что для подавления беспорядков и соблюдения всех правовых норм представители провинций и легионов со своими ликторами и легатами должны прибыть в Рим. Чем скорее, тем лучше.

Нигрин. Всё так, но в Риме нет беспорядков. Да и Макрон не тот человек, который может приказывать легатам Августа.

Вителлий. Макрон ничего и не приказывал, он был лишь отправителем. Основной текст писался от лица самого Гая Германика, и на письмах стояла императорская печать.

Гней Прокул. Вот как…

Скрибониан. Именно так, потому и прибыли. Насколько я знаю, вы уже провозгласили его Императором?

Гней Прокул. Да, так что все вы немного опоздали с прибытием. Сенат собирался на следующий день после смерти Тиберия. А несколько дней назад Гай стал Августом и трибуном.

Вителлий. Августом и трибуном? Вы не поторопились? Он же совсем мальчишка.

Нигрин. Если говорить искренне, а я надеюсь, в этом кругу это возможно, юный Германик сначала вообще никак не фигурировал в наших планах. Все мы прекрасно знаем, что последние годы Тиберия отличались, мм… Неважным общественным климатом, если угодно. Поэтому немало голосов звучало за отмену принципата вообще.

Скрибониан. И что помешало отцам отечества довести дело до конца?

Гней Прокул. Отцам помешали дети в лице преторианской гвардии. Макрон умеет не только отправлять письма, но и обеспечивать силовую поддержку всех своих начинаний. И ладно бы это, но ведь ещё и плебс как с цепи сорвался… Всюду стали собираться большие толпы, кричали «Тиберия в Тибр!» и «Слава Гаю Цезарю!». Даже не знаю, что больше не даёт им покоя – суровость последних лет Тиберия или ностальгия по Германику.

Регул. Значит, беспорядки всё же имели место?

Гней Прокул. Нет. Хвала богам, до насилия не дошло.

Регул. Как бы там ни было, юный Гай не самый худший вариант. Он продолжатель одной из лучших римских династий и, несмотря на возраст, уже немало повидал в этой жизни.

Вителлий. Может быть, даже слишком много.

Регул. Что значат твои слова?

Вителлий. То, что Гай провёл детство на передовой с легионерами, разумеется, делает ему честь, как и то, что затем он получил прекрасное образование в Риме. Но в государственных делах он не имеет никакого опыта. Его квестура не в счёт… Но что больше всего меня беспокоит – мы не знаем, что творится в его голове.

Нигрин. А что может быть не так с его головой?

Вителлий. Я занимаюсь проблемами Сирии и не участвую в ваших местных интригах, но я знаю, что последние несколько лет он провёл рядом с Тиберием, который вчера отправился на погребальный костёр. Не стоит забывать, что это именно Тиберий расправился со всеми родственниками Гая. Поэтому данный альянс, как и его завершение, выглядят весьма и весьма странно.

Скрибониан. Ты говоришь так, словно отправиться на погребальный костёр ему помог Гай.

Вителлий. Разве мы можем это исключать?

Гней Прокул. Мне кажется, что о некоторых вещах лучше не говорить вовсе. Тем более в Риме и у стен есть уши.

Молчание. Оглядываются.

Регул. Все слышали его погребальную речь? Он говорил, что принёс в Рим стабильность и процветание, а ещё, что пора забыть все старые раздоры и обиды.

Вителлий. Это легко произносить, когда сжигаешь труп своего врага. Вопрос в другом – все ли его враги сгорели на этом костре?

Нигрин. Мне кажется, мы слишком увлеклись пустыми умствованиями. Нравится кому-то или нет, но выбор уже сделан и изменить ничего нельзя. Остаётся лишь полагаться на благосклонность богов и собственную осмотрительность.

Гней Прокул. С этим трудно не согласиться, особенно что касается осмотрительности. Достаточно вспомнить Сеяна.

Регул. Лучше не вспоминать, вся эта история испортила мне немало крови.

Скрибониан. Понимаю, нелегко отправлять на смерть самого влиятельного человека в Риме.

Регул. Я бы отправил его на смерть ещё тысячу раз, будь у него столько жизней. Просто все эти дальнейшие пересуды совсем выбили меня из колеи. Ещё этот идиот Трион со своими обвинениями… Видят боги, сейчас я наслаждаюсь своим пребыванием в Македонии и надеюсь, что оно продлится как можно дольше.

Вителлий. Не хорони себя заживо, друг мой, ты не так стар, чтобы подобно сосне пускать корни на таком расстоянии от Рима.

Регул. И это мне говорит человек, который пустил корни в Сирии.

Вителлий. В песках трудно пустить корни, даже такому неприхотливому дереву как я. Тем более местные дикари никогда не дадут этого сделать – у них каждый день то восстание, то переворот, то очередной сумасшедший пророк объявляет о конце света. Они всегда чем-то недовольны.

Скрибониан. Для этого там и нужны легионы.

Вителлий. Легионы нужны в открытом бою, когда напротив тебя стоит зримый и осязаемый враг. Я никогда не был трусом, как и мои солдаты. Но ощущение того, что тебя хочет зарезать каждый местный варвар, порядком изматывает.

Скрибониан. Обычно варвары перестают это хотеть, когда видят свои сожжённые дома и проданные в рабство семьи.

Вителлий. К сожалению, на востоке это не работает. Дипломатия там куда эффективнее грубой силы. Вспомни хотя бы судьбу несчастного Красса.

Нигрин. Красс был сам виноват во всех своих бедах. Но разве Рим не возвысился над остальными народами, потому что успешно применял и силу, и дипломатию?

Вителлий. Рим возвысился, потому что ему всегда было что предложить взамен варварства. Мы мостим дороги, строим храмы, театры, термы и акведуки. Мы даём доступ к нашим знаниям, религии и культуре, видя в этом свой долг перед богами и историей. Мы соблюдаем право народов и заставляем делать это своих друзей и врагов. Но то, что мы считаем высшими ценностями, многим вовсе не нужно.

Гней Прокул. Возвышенная речь, Вителлий, но не стоит забывать, что власть над этими народами дана нам самим Юпитером Всеблагим и Величайшим. Мы вправе не только щедро одаривать, но и забирать последнее, если находим это справедливым. Опять же… Когда-то и галлы отрицали наши достижения, но теперь они наслаждаются римским миром. То же самое можно сказать об испанцах, сицилийцах, греках, африканцах и многих других народах, которые понимают, что с Римом лучше иметь союзные отношения, нежели войну.

Нигрин. Гней прав. Не каждая собака может поужинать хорошей костью и погреться в тёплом углу, но, если уж её хозяин заботится о ней – она должна быть ему благодарна.

Вителлий. Но не каждая собака позволяет сажать себя на цепь.

Подходит Гетулик.

Гетулик. О каких собаках ведут спор лучшие люди Рима?

Гней Прокул. Приветствуем тебя, Гней Корнелий! Германцы научили тебя подкрадываться незаметно?

Общий смех.

Гетулик. Приветствую и вас, друзья. Не знаю, чему научили меня германцы, но я уж точно научил их обходительности и хорошим манерам.

Скрибониан. Ты слышал, Вителлий? Возможно, тебе есть чему поучиться у славного Гетулика.

Гетулик. Так что там про собак?

Гней Прокул. Они не дают покоя Вителлию, воют и лают по ночам, когда он предаётся заслуженному отдыху.

Гетулик. Какие-то проблемы в Сирии?

Вителлий. Там всегда проблемы. Я слышал, в Германии тоже до сих пор неспокойно?

Гетулик. Год назад несколько местных вождей хотели поднять очередное восстание, но затем один из них вдруг закололся кинжалом, а другой прибил себя к дереву. Остальные подумали и решили отложить свои коварные планы на неопределённый срок... Обстановка нестабильная, но в целом ничего угрожающего нам нет. Во всяком случае, я слежу за этим. Вы все к Цезарю?

Нигрин. Да, как только он прибыл в Рим с телом Тиберия, у него не прекращаются приёмы и ужины.

Гетулик. Входит в роль… Я слышал вчера его погребальную речь. Она звучала многообещающе.

Регул. Мне тоже так показалось, но не все здесь разделяют этот оптимизм.

Гетулик. Поживём – увидим. Если Гай будет хоть немного напоминать своего отца, то я пойду за ним в огонь и воду.

Гней Прокул. Наверное, это самая популярная мысль сегодня в Риме.

Скрибониан. В этом нет ничего удивительного, Германик во всех отношениях был достойным подражания.

Открывается дверь, инвитатор оглядывает ожидающих и закрывает дверь.

Гней Прокул. Мне начинает казаться, что нас тут вовсе не ждут.

Нигрин. Успокойся, Гней, всему своё время.

Вителлий. Долго ждёте?

Гней Прокул. Достаточно долго, чтобы испортить себе настроение.

Гетулик. А с кем он там сейчас?

Нигрин. Насколько я знаю, там сейчас члены семьи.

Гетулик. И Гемелл?

Нигрин. Да, а почему ты спрашиваешь?

Гетулик. Ходили слухи, что Тиберий готовился завещать всё Гемеллу, а не Гаю.

Нигрин. Так и было.

Вителлий. Неужели?

Гней Прокул. Мы аннулировали завещание Тиберия по просьбе сына Германика.

Скрибониан. Эта история становится всё интереснее.

Вителлий. Я тоже не перестаю удивляться. Позвольте узнать, что двигало отцами отечества во время всех этих благодушных порывов? Даже Божественный Август не получал столько уступок в первые дни правления.

Нигрин. Мы сейчас в Риме, а не в Сирии, Вителлий. Здесь политические игры имеют свои правила, которые к тому же очень быстро меняются.

Вителлий. Так быстро меняются, что вы предпочли сразу проиграть?

Нигрин. В смысле?

Регул. Давайте не будем ссориться из-за этого. Гемелл всё равно ещё слишком молод, чтобы наследовать Тиберию.

Вителлий. Наследовать Тиберию? Да я и одного сестерция теперь не поставлю на его жизнь.

Гней Прокул. Будь аккуратнее, озвучивая здесь свои мысли, а то на твою жизнь никто не поставит и медного асса.

Гетулик. В чём-то Вителлий прав, слишком уж много почестей тому, кто ещё ничего не сделал.

Нигрин. Возможно, но сегодня он воплощает чаяния римского народа и легионов. Думаю, это достаточно веский аргумент, чтобы поиграть немного по его правилам. В конечном итоге, мы все помним, кто является настоящей властью в Риме, так что ничего катастрофического не случится. Пусть поиграет в Цезаря, раз ему так угодно.

Гетулик. Когда-то так же говорили и про Тиберия, но всё кончилось немалой кровью.

Гней Прокул. Гай слишком молод, чтобы всерьёз влиять на что-либо. Скорее всего он посвятит ближайшие годы развлечениям, оставив заботу о Республике настоящим профессионалам, то есть нам.

Вителлий. От тебя ли, Гней Прокул, я слышу такие наивные речи? Или ты не знаешь, что власть опьяняет умы быстрее самого крепкого вина?

Гней Прокул. Послушай, Вителлий. Сейчас у тебя будет шанс лично сказать принцепсу всё, что ты о нём думаешь. Сохранишь ли ты свой пыл, когда предстанешь перед ним?

Скрибониан. Сохраняйте спокойствие. Это не лучшее место и время для подобных споров.

Нигрин. Верно, тем более пока Гай не давал никаких поводов для беспокойства.

Молчат.

Регул. Его и правда называют Калигулой в германских легионах?

Гетулик. Да. Многие мои ветераны помнят его совсем юным.

Регул. Ну и прозвище…

Скрибониан. Оно больше подходит какому-нибудь кожевнику, а не Цезарю.

Гетулик. Это всего лишь прозвище. Да и вряд ли он когда-нибудь о нём узнает.

Нигрин. Да уж, не завидую тому, кто так его назовёт при личной встрече.

Открывается дверь, инвитатор жестом руки предлагает всем войти.

Сцена вторая

Действующие лица:

Калигула *(принцепс)*
Друзилла *(сестра принцепса)*
Агриппина *(сестра принцепса)*
Юлия Ливилла *(сестра принцепса)*
Гней Агенобарб *(муж Агриппины)*
Марк Виниций *(муж Юлии Ливиллы)*
Гемелл *(наследник принцепса)*
Клавдий *(дядя принцепса)*
Гней Прокул *(консул)*
Гай Петроний Нигрин *(консул)*
Луций Вителлий *(наместник Сирии)*
Публий Меммий Регул *(наместник Македонии)*
Луций Аррунтий Камилл Скрибониан *(наместник Далмации)*
Гней Корнелий Лентул Гетулик *(наместник Верхней Германии)*
Макрон *(префект претория)*
Энния *(жена Макрона)*
Павел Эмилий Регилл *(префект Рима)*
Инвитатор *(созывающий гостей)*
Слуги

Большой зал императорского дворца. В центре расставлены триклинии, на которых обедают Калигула и его родственники. Входят гости.

Инвитатор. Консулы Республики и наместники Сирии, Македонии, Далмации и Верхней Германии.

Калигула (*вставая*). Прекрасная и долгожданная встреча!

Гней Прокул и **Нигрин.** Здравствия тебе, Цезарь! Пусть боги хранят тебя и твою семью! Пусть…

Калигула. Довольно, обойдёмся без долгих церемоний. *(Подходит и обнимает каждого.)*

Калигула. Прошу вас присоединиться к моей скромной трапезе.

Гней Прокул. Честь для нас.

Калигула. Глупости. Я счастлив, что столько доблестных мужей оставили государственные дела, дабы уделить мне время.

Нигрин. Разве могли мы пренебречь приглашением Цезаря?

Гости и Калигула занимают свои места за столами, устраиваясь на клиниях.

Калигула. Скоро подадут жаркое, так что вы как раз вовремя. Прошу простить меня за долгое ожидание, мы должны были обсудить некоторые семейные дела.

Гней Прокул. Мы всегда готовы ждать столько, сколько необходимо.

Калигула. Мне приятно это слышать. А что молчат легаты пропреторы? Вителлий, как наши дела на востоке?

Вителлий. В целом неплохо. Учитывая, что в Парфии продолжаются внутренние распри, мы сохраняем доминирующую роль во всём регионе и можем рассчитывать на успехи в будущем. Это обусловлено ещё и тем, что они окончательно потеряли контроль над Арменией – теперь там правит Митридат.

Калигула. Это не может не радовать. Говорят, твои заслуги во всём этом трудно переоценить?

Вителлий. Я всего лишь делаю свою работу, Император.

Калигула. Такая работа должна быть хорошо вознаграждена.

Вителлий. Это лишнее, тем более осталось немало нерешённых проблем.

Калигула. Какие же проблемы могут беспокоить славного Вителлия?

Вителлий. Не всё гладко в Иудее, к тому же Набатейский царь ещё не наказан за самоуправство. Прискорбное известие о смерти императора Тиберия остановило мои легионы на марше.

Калигула. Мы всегда успеем наказать Набатейского царя, сначала я хотел бы с ним пообщаться. А что не так в Иудее?

Вителлий. Местные фанатики каждый день изобретают новые культы, для которых требуют преференций. Они ни во что не ставят римских богов, заваливают нас жалобами друг на друга, устраивают волнения и заговоры…

Калигула. Да, я наслышан об этом. Думаю, там давно пора поменять префекта.

Вителлий. Это уже исполнено, Император. Перед своим отъездом я приказал Пилату сложить полномочия и явиться в Рим для отчёта. Его сейчас заменяет Публий Марцелл. Также я поменял первосвященника Каиафу на Ионатана.

Калигула. Я рад, что ты не забываешь своих друзей, Вителлий, и предлагаешь им ответственные посты, но в таких делах не стоит проявлять поспешности.

Вителлий. Я действовал по согласованию с императором Тиберием…

Калигула. Но Тиберий мёртв, а мы живы. Следовательно, не ему, а нам думать о дальнейшем развитии и процветании Республики. Или я не прав?

Вителлий. Я признаю свою вину, Император, и готов загладить её так, как ты посчитаешь нужным.

Калигула. Вот и отлично. По возвращении в Иудею назначишь префектом Марулла, я думаю, он прекрасно справится со своими обязанностями.

Клавдий. Марулл ненавидит иудеев и вряд ли сможет завоевать их авторитет.

Калигула. Мы давно завоевали их авторитет своими легионами. Если они об этом забыли, то мы завоюем его ещё раз.

Клавдий. Зачем тогда было менять Пилата? Он придерживался такой же точки зрения.

Вителлий. Пилат больше был занят собой, чем заботой о делах. У него под носом ходили толпы шарлатанов и фанатиков, которые называли себя чуть ли не богами. В результате мы имеем там множество сект и бунтарей, количество которых продолжает расти. И всё это на фоне слухов о приходе Мессии, который растопчет римскую власть и вернёт былое величие Израильскому царству.

Агриппина. Гай прав, это отребье нужно поставить на место.

Агенобарб. Давно пора!

Калигула. Вот видишь, Клавдий, ты одинок в своей любви к иудеям.

Клавдий. Я лишь пытаюсь мыслить на перспективу.

Калигула. Лучше оставь это мне, а то у тебя снова разболится голова. Вителлий, ты всё понял насчёт Марулла?

Вителлий. Да, Император. Можешь считать, что он уже стал префектом Иудеи.

Калигула. Рад, что мы поняли друг друга. И постарайся больше меня не расстраивать.

Вителлий. Я скорее отдам свою жизнь, чем позволю себе это!

Калигула. Надеюсь, до этого не дойдёт. Как там дела в 6-м Железном?

Вителлий. Железный Легион всем обеспечен и готов продолжать выполнять все необходимые задачи.

Калигула. Мы поощрим его новыми штандартами за хорошую службу. Регул, как дела в Македонии?

Регул. Провинция процветает, как и вся Республика под твоим руководством.

Калигула. Моё руководство длится всего несколько дней, так что не приписывай мне чужих заслуг. В чём выражается процветание?

Регул. Последние годы отмечены большим строительством и общим благоденствием граждан. Восстаний и конфликтов нет, ситуация на северных и восточных рубежах спокойная...

Калигула. Остановись, Регул, а то Вителлий зарежет тебя от зависти. Скажи лучше вот что: твоя жена осталась в провинции?

Регул. Да.

Калигула. Отчего же ты не привёз её в Рим, чтобы похвалиться перед всеми нами? Я слышал, она красивее Венеры и Юноны.

Регул. Она не любит путешествовать…

Калигула. Скажи ей, что мы все мечтаем о её появлении. Она ведь не откажет в столь скромной услуге своему Императору?

Регул. Я услышал тебя, Цезарь.

Калигула. Пусть услышит и она. Так, значит, в Македонии всё хорошо?

Регул. Более чем, Император.

Калигула. Мы найдём способ тебя поощрить. Скрибониан, как твои успехи в Далмации?

Скрибониан. Я лишь недавно был назначен легатом пропретором, но пока не вижу никаких проблем в доверенной мне провинции. В целом могу ответить словами Регула об общем благоденствии и стабильности.

Калигула. Что ж, отвечай словами Регула, если не хочешь отвечать своими. У тебя там сейчас всё так же два легиона?

Скрибониан. Да, 7-й и 11-й.

Калигула. Старейшие и достойнейшие легионы, надеюсь, у тебя не возникает с ними проблем. Что-то слышно о скифах?

Скрибониан. Мы уже давно с ними не сталкивались. К их счастью.

Калигула. Отлично, а что расскажет доблестный Гетулик?

Гетулик. Несмотря на извечные трудности с варварами, мы полностью контролируем ситуацию и готовы к любому развитию событий. Северные границы провинции укреплены, ветераны довольны службой и жалованием. Предпосылок для резкого ухудшения ситуации я не вижу.

Калигула. У нас там сейчас шесть легионов?

Гетулик. Да, три в моей провинции и три в соседней.

Калигула. Твои легионы я знаю, а в соседней, если мне не изменяет память, сейчас стоят 22-й, 26-й и 28-й легионы?

Гетулик. Цезарь абсолютно прав.

Калигула. Рано или поздно нам придётся задуматься не только об удержании своих позиций, но и о наступлении. Поэтому, думаю, скоро мы добавим ещё два легиона к этим шести. И вексилляции из Испании.

Гетулик. Наступление?

Калигула. Да, тебя что-то смущает?

Гетулик. Честно говоря, я не думал, что Республика может себе позволить ещё два легиона и наступать на германском фронте…

Клавдий. Гетулик прав, наши силы равномерно распределены по границам, и формирование новых легионов может стать проблемой. Не говоря уже о потерях, которые неизбежно возникнут в ходе такой кампании.

Калигула. Во-первых, Республика может всё, во-вторых, лучше один раз рискнуть и победить, чем всю жизнь обороняться. Наша единственная угроза сейчас сосредоточена на германских границах, я считаю, это подходящий момент для развёртывания и атаки.

Гетулик. Такую войну нужно будет хорошо подготовить.

Калигула. Само собой. К тому же при удачном исходе кампании мы сможем сосредоточиться на Британии.

Вителлий. Блестящие планы!

Калигула. Просто мы засиделись в своих землях. Сытая спокойная жизнь пристала богам, но не римлянам, на плечах которых держится весь мировой порядок.

Клавдий. Не оттого ли мы засиделись в своих землях, что потеряли больше пятнадцати легионов за последние четверть века? И всё это на своей территории.

Агенобарб. Почтенный Клавдий, видимо, забыл древнее пророчество о том, что Рим существует, пока ведёт войну.

Калигула. Да, Клавдий. Ты плохо слушал своего друга Ливия, а ведь он частенько повторял эту фразу.

Друзилла. Разговоры о войне так скучны…

Калигула. Ты переменишь своё мнение, получив украшения из британского золота и тысячу девственных рабынь.

Друзилла. Возможно.

Калигула. А что скажет по этому поводу юный Гемелл? Наследнику Цезаря не пристало молчать при обсуждении таких важных вопросов.

Гемелл. Ну, если все считают это необходимым, то я, пожалуй, за войну.

Калигула. У тебя нет собственного мнения?

Виниций. Ему ещё рано думать о таких вещах, Цезарь.

Агенобарб. Он надел мужскую тогу, значит, вполне созрел для того, чтобы убивать и продавать в рабство наших врагов. В его возрасте я уже вовсю резал глотки германцам.

Агриппина. Не преувеличивай, ты был постарше.

Агенобарб. Значит, это были армяне, я уже не помню всех кампаний, в которых участвовал.

Калигула. Мне нравится боевой дух Гнея. Клавдий, напомни, когда я увижу остальных наместников?

Клавдий. Они обещали быть завтра утром на празднествах в честь Сивиллы.

Калигула. Замечательно. Надеюсь, они также прибудут с хорошими вестями и ничем не омрачат наших торжеств. Где же жаркое? Эти скромные закуски лишь возбудили мой аппетит.

Друзилла. Надо бы разобраться с нашим поваром, он решительно ничего не успевает.

Виниций. А мне нравится его стряпня…

Друзилла. Ты просто не избалован хорошей кухней.

Калигула. Мы не будем ни с кем разбираться, во всяком случае, пока не закончим нашу трапезу. Не стоит омрачать её из-за нерасторопности слуг.

Входят слуги и подают двух зажаренных кабанов с соусом и приправами.

Юлия Ливилла. Я думала, это уже никогда не случится.

Лягает слугу ногой. Агриппина делает то же самое. Слуги испуганно удаляются.

Калигула. Вот видите, даже не пришлось никого убивать, чтобы поесть.

Скрибониан. Я, пожалуй, ополосну руки перед новыми угощениями.

Регул. Я тоже.

Гней Прокул. И я, пожалуй, разомну кости.

Калигула молча кивает. Скрибониан, Регул и Гней Прокул отходят к чаше с водой и окунают в неё руки.

Гней Прокул. Пока всё идёт очень неплохо, а Гай выглядит достойным своего высокого звания.

Скрибониан. Да, он выказывает нам расположение и, видимо, разбирается во многих вопросах. А вы заметили, как преобразился Вителлий? «Я скорее отдам свою жизнь…» — в коридоре он говорил другие речи.

Гней Прокул. Выслуживается перед новым Цезарем. Грустное зрелище, если вспомнить его боевые заслуги в провинции.

Скрибониан. И правда грустное зрелище, я был лучшего о нём мнения. Регул, а что скажешь ты о новом Императоре?

Регул. Мне он тоже показался достойным своего титула. Но почему он так интересовался моей женой?

Скрибониан. Может, потому, что его жена умерла? Тебе это не приходило в голову?

Регул. Но при чём здесь моя?

Скрибониан. Как бы тебе объяснить… Он молод и горяч, ему хочется продолжения рода. А твоя жена славится красотой во всём Риме. Вот и делай выводы.

Регул. Думай, что говоришь!

Гней Прокул. Посмотри на это с другой стороны, Публий. Если твоя жена приглянется Цезарю, она родит ему наследника, который со временем сможет стать новым Императором. Твоя выгода в этом деле будет более чем очевидна. Ну а жена… В Республике немало юных красавиц, которые с радостью скрасят твоё одиночество. Так что я бы не сильно переживал на твоём месте.

Регул. Но ты не на моём месте. И мне нравится моя жена.

Скрибониан. Успокойся, друг. Он всего лишь пригласил её в Рим, это обычный знак внимания.

Возвращаются на свои места.

Калигула. Чудесный кабан… Клавдий, не хочешь уделить ему немного внимания?

Клавдий. У меня с утра ноет зуб, поэтому я лучше не буду рисковать.

Калигула. Почему же ты ещё не послал за лекарем?

Клавдий. Когда я посылал за ним в последний раз, то остался без зуба. В моём возрасте надо дорожить тем, что осталось, даже если это причиняет боль.

Калигула. Ты не зря учился у Тита Ливия и водишь дружбу с Сенекой, в тебе живёт страстный философ.

Друзилла. Ты и сам бы мог стать философом, Гай, или как минимум известным ритором. У тебя хорошо подвешен язык.

Калигула. Возможно, я бы и начал философствовать, если бы волею богов не стал Императором.

Виниций. Мы все благодарны богам за это.

Калигула. Надеюсь, так же могут сказать все граждане Республики. Кстати, Виниций, как успехи твоей комиссии?

Виниций. Последствия последнего пожара почти полностью ликвидированы.

Калигула. Все подряды оплачены?

Виниций. Да, Император. Расходы оказались не так велики, как мы предполагали.

Гетулик. Очередной пожар в Риме?

Калигула. Да, ещё при Тиберии… Пострадало несколько кварталов.

Агриппина. Все проблемы от этих варваров и плебеев, мне вообще кажется, что их всех давно пора выселить за городские стены.

Калигула. Не впадай в крайности, они такие же граждане, как и мы.

Агриппина. Они умеют только поджигать город и разносить всякую заразу. Летом здесь совершенно невозможно находиться.

Ливилла. Она права, здесь уже совсем не протолкнуться.

Друзилла. Просто твоя лектика так велика, что не помещается в городских переулках.

Ливилла. Я подарю её тебе, чтобы ты не умерла от зависти.

Калигула. Уймитесь, вы здесь не одни.

Гемелл. Пожалуй, я пойду отдохну немного…

Калигула. Обед ещё не закончен.

Клавдий. Он ещё не поправился, Гай. Ему нельзя сильно утомляться.

Калигула. Ты считаешь наш обед утомительным? Или тебе кажется утомительным наше общество?

Клавдий. Я неправильно выразился.

Калигула. Это очередной раз доказывает, что тебе не стоит много думать и говорить. Гемеллу следует больше времени проводить с нами, ведь однажды он займёт моё место.

Клавдий. Это будет ещё не скоро. Он только надел мужскую тогу.

Калигула. Только боги знают, что и когда произойдёт, поэтому он должен многому научиться. Кстати, как твой зуб?

Клавдий. Ещё болит.

Калигула. Выпей вина, оно способно притупить даже самую сильную боль.

Клавдий. Ты лучше меня знаешь, что это не так.

Молчание.

Нигрин. Каковы планы Цезаря в ближайшие дни? Столько празднеств готовится в Риме…

Калигула. Сенат справится с ними и без меня, я скоро отбуду на некоторое время.

Нигрин. Какие-то важные дела?

Калигула. Прах матери и брата… Они должны покоиться здесь, в Риме. Поэтому через несколько дней я навещу сначала Пандатерию, а затем Понтий.

Вителлий. Как это правильно!

Гней Прокул. Император может быть уверен, что за время его отъезда все мероприятия пройдут в лучшем виде.

Калигула. Я ещё никуда не уехал. Во всяком случае, празднования в честь Сивиллы пройдут при моём участии.

Гней Прокул. Я уверен, все римляне будут счастливы видеть своего Императора на этих торжествах.

Калигула. Мы усилим их счастье раздачей монет.

Инвитатор. Прибыли префект Рима и префект претория со своей женой.

Калигула. Пусть войдут.

Входят гости, Калигула встаёт и встречает их у дверей.

Калигула. Боги явно не забывают меня, столько прекрасных встреч они дарят мне в этот день!

Макрон. Цезарь явно преувеличивает значение нашего скромного присутствия.

Регилл. Согласен с Макроном. Это мы должны хвалить богов за честь быть рядом с божественным Гаем Цезарем.

Калигула. Я ещё не умер, Регилл, чтобы меня обожествлять. Макрон, твоя жена всё прекраснее день ото дня.

Макрон. Она хорошеет при одной мысли о том, что встретится с Императором Рима.

Энния. Это правда.

По знаку Калигулы слуги приносят триклинии, на которых располагаются новые гости. Обед продолжается.

Макрон. Отрадно видеть столько блистательных сограждан в одном месте. Близкие Цезаря, консулы Республики, доблестные наместники…

Регилл. В таком кругу и правда начинаешь ощущать милость богов.

Калигула. Наш обед, по сути, только начался, скоро должны прибыть представители Сената и кто-то ещё.

Клавдий. Представители жреческих коллегий.

Калигула. Спасибо, Клавдий. Скажи, Регилл, всё ли готово к началу празднеств?

Регилл. Практически да. В ключевых местах города мы уже установили множество скамей и помостов, подготовили столы и угощения.

Калигула. Что насчёт зверей, актёров и гладиаторов?

Регилл. Звери были доставлены ещё вчера, актёры и гладиаторы готовы.

Гней Прокул. Как я и говорил, Императору не о чем беспокоиться.

Калигула. Императору всегда есть о чём беспокоиться.

Друзилла. Ты слишком сильно переживаешь об этих увеселениях, Гай.

Нигрин. Очаровательная сестра Цезаря права, это всего лишь увеселения. Тем более на них истрачено столько средств, что они наверняка вызовут бурю восторга и восхищения.

Калигула. Я хочу, чтобы они не просто вызвали восхищение, но и вошли в историю. Думаю, римский народ это заслужил.

Макрон. То, что Цезарь так переживает о римском народе, несомненно делает ему честь.

Калигула. Иногда мне кажется, что я один о нём переживаю.

Ливилла. Ты знаешь моё мнение на этот счёт, мы слишком много чести оказываем тем, кто это даже не оценит. Они будут воспевать тебя, пока ты их кормишь, но лишь только кормящая рука опустеет, они сразу её укусят.

Клавдий. Ты говоришь о римлянах, как о собаках.

Ливилла. Я не всех имею в виду.

Клавдий. Только тех, что мешают движению твоей лектики?

Калигула. Довольно! У меня от вас начинает болеть голова.

Клавдий (*ехидно*). Отчего же ты не пошлёшь за лекарем?

Калигула. Лекарь понадобится тебе, если будешь говорить со мной в таком тоне.

Клавдий. Молчу.

Калигула. Пусть подадут рыбу, мне наскучил этот кабан. И побольше вина.

Слуги кивают и удаляются.

Гней Прокул. Цезарь уже принял решение о выборах консулов?

Калигула. Ещё нет. Мы займёмся этим после моего возвращения.

Макрон. Император куда-то отбывает?

Калигула. Я намерен перевезти в Рим прах матери и брата.

Регилл. А как же торжества?

Калигула. Часть из них вы проведёте без меня, только и всего. Тем более, когда я вернусь, они продолжатся с новой силой, а завершатся посвящением храма Августу.

Регилл. Храм Августа ещё не совсем готов… Из-за дурной погоды в портах этой весной мы потеряли несколько кораблей с мрамором и серебром. Если будет позволено сдвинуть сроки…

Калигула. Мне грустно это слышать, Регилл, учитывая те миллионы сестерциев, которые были на всё это выделены. Более того, я усматриваю в этом неуважение как к памяти Божественного Августа, так и ко всем присутствующим здесь, включая меня.

Регилл. Клянусь Юпитером, всё будет готово к твоему возвращению, Император.

Калигула. Надеюсь на это, иначе ещё один храм Августа ты построишь за свой счёт.

Регилл. Это справедливо.

Слуги приносят рыбу и вино.

Нигрин. Римляне должны быть счастливы новому Императору, энергичность которого равна его государственной зрелости и рассудительности.

Макрон. Его молодость есть тот свежий ветер, который вновь наполнит паруса нашей Республики!

Вителлий. Его талант и решительность устранят все проблемы Отечества и сомнут его врагов!

Гетулик. За Императора!

Регул. За Гая Цезаря!

Скрибониан. Пусть даруют ему боги вечный мир и процветание!

Пьют за Императора.

Калигула. Наверное, я ещё не привык к такому количеству льстивых речей.

Друзилла. У тебя на это целая жизнь.

Калигула. Ты всегда знаешь, что сказать, дабы поднять моё настроение.

Энния. У Цезаря что-то с настроением?

Калигула. Нет, всё уже в порядке. Просто слегка болит голова.

Энния. В таких случаях всегда помогает нежный массаж шеи и плеч...

Калигула. Вот как?

Энния. Да, я хорошо в этом разбираюсь.

Макрон. Она не лжёт, Император. Её руки любого приведут к исцелению.

Калигула. Тогда мы вернёмся к этому по завершении обеда. Если ты не против, конечно.

Макрон. Если моя жена будет полезна Императору, то я стану самым счастливым человеком.

Калигула. Я думаю, какую-то пользу она определённо принесёт. Отчего зевают наши доблестные наместники?

Гетулик. Всему виной обильная еда и вино, ведь мы ещё толком не отдыхали после приезда в Рим.

Скрибониан. Да, небольшой отдых пошёл бы на пользу.

Калигула. Вы его заслужили. Отправляйтесь отдыхать, мы встретимся завтра утром на празднествах. Там же получите небольшие подарки для себя и своих легионов.

Вителлий. Император очень щедр.

Гемелл. Могу я уйти вместе с ними? Мне правда очень дурно.

Калигула. Иди.

Наместники с Гемеллом встают и уходят.

Друзилла. Мне кажется, твоему наследнику не по нраву наше общество.

Калигула. Пусть уходит, его тоскливое лицо мне порядком надоело.

Инвитатор. Прибыли сенаторы Рима: Луций Сальвий Отон, Гай Цецина Ларг, Гай Кальпурний Пизон, Гай Аппий Силан, Марк Юний Силан и Марк Эмилий Лепид.

Калигула. Так впусти их. *(Поднимается и идёт встречать новых гостей.)*

Сцена третья

Действующие лица:

Калигула *(принцепс)*
Друзилла *(сестра принцепса)*
Агриппина *(сестра принцепса)*
Юлия Ливилла *(сестра принцепса)*
Гней Агенобарб *(муж Агриппины)*
Марк Виниций *(муж Юлии Ливиллы)*
Клавдий *(дядя принцепса)*
Гней Прокул *(консул)*
Гай Петроний Нигрин *(консул)*
Макрон *(префект претория)*
Энния *(жена Макрона)*
Павел Эмилий Регилл *(префект Рима)*
Марк Эмилий Лепид *(сенатор)*
Марк Юний Силан *(сенатор)*
Гай Аппий Силан *(сенатор)*
Гай Кальпурний Пизон *(сенатор)*
Гай Цецина Ларг *(сенатор)*
Луций Сальвий Отон *(сенатор)*
Инвитатор *(созывающий гостей)*
Слуги

Обед у Калигулы продолжается с участием прибывших сенаторов.

Калигула. Глядя на Отона, мне начинает казаться, что Тиберий вовсе не умирал. Клавдий, не правда ли, он похож на Тиберия?

Клавдий. Да, я вижу немалое сходство.

Друзилла. По-моему, похож только нос и, может, ещё лоб немного.

Агриппина. Нос точно как у Тиберия.

Отон. Мне часто говорят об этом. Даже не знаю, хорошо это или плохо.

Макрон. Мы все на кого-то похожи, это нормально. Главное, не повторять чужую судьбу.

Лепид. Думаешь, он не хотел бы судьбы императора?

Макрон. А ты?

Лепид. Речь не обо мне.

Отон. Меня вполне устраивает моя судьба.

Агенобарб. Но нос и правда очень похож.

Ливилла. И уши.

Марк Силан. Мне кажется, в таком почтенном кругу есть и более важные темы для обсуждений.

Калигула. Ты прав, мы все слишком расслаблены обедом. Что ты хотел бы обсудить, Марк Юний?

Марк Силан. Например, те чудовищные процессы, которые заполнили наши суды в последние годы. Пострадали многие сенаторы, чьё имущество было распродано или отошло государственной казне. Некоторые из них были убиты…

Калигула. Я не могу отвечать за политику Тиберия.

Ларг. Почтенный Марк Юний хочет узнать, будет ли она продолжена. Этот вопрос сейчас многих интересует.

Марк Силан. Именно так.

Калигула. Вы невнимательно слушали мою речь вчера у погребального костра. Но я готов повторить, что склоняюсь к политике милосердия и справедливости.

Гай Аппий. То есть…

Калигула. То есть мы прекратим все судебные процессы ушедшей вместе с Тиберием эпохи. Кроме того, мы реабилитируем осуждённых по доносу или по закону об оскорблении императорского величия.

Гней Прокул. Прекрасные устремления!

Марк Силан. Это и вправду отрадно слышать. Общество давно устало от несправедливого насилия.

Макрон. Общество или отцы отечества?

Марк Силан. Все. Неужели префект претория не следит за общественным мнением?

Лепид. Он следит за каждым римлянином, а не только за чьим-то мнением.

Макрон. Не слежу, присматриваю…

Смех.

Пизон. Цезарь весьма мудр и прозорлив, отрекаясь от теней прошлого. Но как быть с теми делами, которые, по слухам, таятся в архивах и ждут своего часа?

Агенобарб. Разве твоя совесть нечиста, Пизон? Тебе есть чего опасаться?

Пизон. Я говорю не о себе, а о многих видных гражданах, которые не заслуживают грядущих обвинений.

Калигула. Мы очистим архивы и сожжём все подобные дела на Форуме. Я буду последовательным в своих словах и делах, так что пусть видные граждане спят спокойно.

Пизон. Римляне по достоинству оценят это милосердие Императора.

Нигрин. Думаю, об этом стоит объявить на завтрашних торжествах, чтобы усилить праздничные настроения.

Гней Прокул. Или даже исполнить всё это перед началом увеселений.

Виниций. Стоит ли торопиться в таких делах?

Калигула. Да, торопиться не стоит. Мы проведём эту церемонию после моего возвращения с островов. Пока же пусть праздники Сивиллы, Цереры и Флоры пройдут своим чередом.

Макрон. Это разумно.

Марк Силан. Главное, чтобы желание Императора осуществить эти намерения не развеялось в его путешествии.

Калигула. Ты старый, заслуженный человек, Марк Юний. Я любил твою дочь и уважаю тебя, но не понимаю, отчего ты сомневаешься в моих намерениях.

Марк Силан. Я лишь хочу быть уверенным в счастливом завтрашнем дне для нашей Республики. Тем более минувшие годы научили меня сомневаться даже в самом очевидном.

Калигула. Мы живём здесь и сейчас, а не в минувших годах. Я Гай Цезарь Германик, а не Тиберий Клавдий Нерон. Я всегда готов пойти навстречу как интересам Сената, так и всего Рима. В этом я и поклянусь богами по возвращении.

Агенобарб. Цезарю виднее, как поступить, но, мне кажется, стоит разобраться в этих делах, прежде чем их уничтожить. Вполне возможно, что не все они были вызваны клеветой.

Калигула. Я не собираюсь менять своих решений, этот вопрос закрыт окончательно.

Гней Прокул. Такие устремления Цезаря требуют нашей полной поддержки и ответных знаков внимания и одобрения.

Гай Аппий. Я согласен с Гнеем и считаю, что Император всё же должен стать великим понтификом Рима. Таким образом он свяжет свою земную власть с властью богов и будет радеть о своих гражданах перед бессмертными.

Нигрин. Уверен, что Сенат одобрит это решение в любое время. Почему Император не хочет взять на себя эту почётную миссию?

Калигула. Я и так уже слишком многое получил от вас в первые дни. Мне будет нужно немного освоиться, прежде чем брать на себя новые обязанности. Но есть кое-что такое, что я принял бы от вас не раздумывая.

Ларг. Императору достаточно только сказать.

Калигула. Это нужно не для меня, а в память о моём славном отце.

Отон. Что мы можем сделать?

Калигула. Назвать в его честь один из месяцев. Думаю, это будет справедливо.

Друзилла. Гай прав, наш отец это заслуживает как никто другой.

Гней Прокул. Я убеждён, что Сенат примет это решение в ближайшее время. Какой из месяцев угодно переименовать Императору?

Калигула. Сентябрь.

Гай Аппий. Прекрасное решение.

Регилл. Я думаю, в память об этом нужно выпустить монеты, где на одной стороне будет профиль Гая Цезаря, а на другой – его славного отца.

Лепид. И статуи на Форуме!

Ларг. Да, да, и статуи. Рядом со статуями Божественного Августа.

Пизон. Но мы забыли о других членах императорской семьи. Я считаю, мы должны почтить любимых сестёр Цезаря и Антонию.

Агриппина. Я не против.

Ливилла. Я тоже не прочь покрасоваться на Форуме в белом мраморе.

Калигула. Подождите, не всё сразу.

Макрон. Отчего же? Разве Император и его семья не имеют права на те почести, которые доступны любому смертному?

Лепид. Соглашусь с Макроном, многие из тех статуй, что стоят сейчас, вообще непонятно что там делают.

Марк Силан. Там стоят памятники тем, кто сделал Рим великим.

Ливилла. Лепид просто сокрушается о том, что там нет статуи в его честь.

Смех.

Регилл. Тем не менее, мне кажется, мы должны исполнить всё, что только что обсуждали. Этим мы оправдаем доверие Цезаря и выкажем должное ему уважение.

Нигрин. И желательно сделать это в кратчайшие сроки.

Калигула. Хорошо, я уже устал вам отказывать. Клавдий, после моего отъезда встреться ещё раз с нашими славными сенаторами и подумай о монетах.

Лепид, Ливилла, Агриппина. И о статуях!

Калигула. И о статуях.

Клавдий. Хорошо.

Калигула. Особое внимание удели возвеличиванию Антонии, тем более она твоя мать.

Клавдий. Ты же знаешь, что мы не очень близки…

Калигула. Поэтому я и прошу тебя об этом.

Виниций. Ей можно предложить те же почести, что и Божественной Ливии, а также титул Августы.

Отон. Верно, это достойная награда для дочери Марка Антония и бабушки Гая Цезаря.

Калигула. Вряд ли она всё это примет. От вас…

Марк Силан. Кстати, а как её здоровье?

Калигула. Плохо, она всё реже появляется на публике.

Марк Силан. Я помню её совсем молодой… Как быстро летят годы.

Агриппина. Нужно наслаждаться жизнью, а не вздыхать о том, что уже прошло.

Агенобарб. Моя жена права, чем отдаваться ушедшему, лучше ещё раз поднимем кубки за здоровье Цезаря.

Клавдий. Не стоит злоупотреблять вином, завтра у нас всех будет насыщенный день.

Друзилла. Ты вечно ворчишь, дядюшка Клавдий, вместо того чтобы наслаждаться жизнью.

Калигула. Это точно, Клавдий, подумай об этом.

Клавдий. Если все начнут наслаждаться жизнью, то кто станет править Республикой?

Лепид. Мы живём не в те времена, когда требуется постоянное управление. Все наши Ганнибалы остались в прошлом, и можно пожить в своё удовольствие.

Марк Силан. Потрясающая глупость!

Лепид. Отчего же? Разве где-то идут войны или кончается зерно? Может быть, у нас стало недостаточно золота и серебра для увеселений?

Марк Силан. Наша история помнит немало примеров, когда всё это благоденствие рушилось в один день. По вине таких самовлюблённых бездарностей, как ты.

Лепид. Мы уже перешли к оскорблениям?

Агриппина. Старик и правда что-то разбушевался. Гай, что ты молчишь? Он оскорбляет твоего друга.

Макрон. И вообще портит нам обед своими нотациями.

Калигула. Они правы, Марк Юний, тебе стоит извиниться перед Лепидом.

Марк Силан. Что? Тебя ли я слышу, Гай Германик?

Калигула. Гай Цезарь Германик, если ты забыл.

Марк Силан. Видимо, это ты о многом стал забывать. Я возглавлял Сенат, когда ты ещё даже не носил свои детские калиги.

Тишина.

Калигула. Пошёл вон.

Тишина.

Клавдий. Гай, успокойся, он ведь был твоим тестем…

Калигула. Пусть убирается!

Марк Силан. Я уйду. Но ты всё же подумай – с теми ли остаёшься. *(Уходит.)*

Друзилла. Чудовищный старик. Весь обед испортил.

Лепид. Забудь об этом, прекрасная Друзилла. Что ещё можно было ждать от старого моралиста? Он безнадёжно застрял в прошлом. Наверное, думает, что мы до сих пор воюем в Греции или Азии. Строит из себя Катона.

Макрон. Но если Катон оскорблял Сципиона, то Силан – самого Цезаря! Это нельзя оставлять без внимания. Почему молчат наши сенаторы? Или они разделяют позицию Марка Юния?

Сенаторы (*хором*). Нет!

Калигула. Оставь его в покое, Макрон. Он просто выживший из ума старик.

Макрон. Ну уж нет, я не могу оставаться в стороне, когда кто-то покушается на честь и достоинство моего любимого Императора.

Лепид. Интересно, Тиберию ты то же самое говорил?

Макрон. Послушай, юноша…

Калигула. Замолчите все, у меня снова разболелась голова.

Долгая тишина.

Калигула. Значит, вот что. Завтра мы со всем уважением почтим Сивиллу, потом я встречусь с остальными наместниками и сразу же отбуду на острова. Один.

Оживление.

Гней Прокул. Как один? Может ли Цезарь так собой рисковать?

Калигула. Я не закончил.

Гней Прокул. Виноват.

Калигула. Так вот… Пока меня не будет, Виниций должен закончить работу своей комиссии по восстановлению города. От этого зависит твоя будущая карьера, Марк.

Виниций. Я сделаю всё, что в моих силах, и даже больше.

Калигула. Регилл должен будет помочь Виницию и не забыть о своих обязательствах по храму Божественного Августа.

Регилл. Всё будет исполнено в самые краткие сроки.

Калигула. Если меня что-то не устроит, ты будешь доживать свои годы не префектом Рима, а пастухом в Галлии.

Регилл. Я услышал тебя, Цезарь.

Калигула. От консулов и сенаторов я хотел бы получить утверждённую смету по расходам на три ближайших праздничных месяца. Соберите Сенат в моё отсутствие и выделите необходимые средства на все религиозные и государственные праздники. Отдельной графой пропишите выдачу серебра легионерам и преторию.

Нигрин. Сколько средств заложить в эту смету?

Калигула. По две тысячи сестерциев на человека. И вот ещё что – когда будете готовить этот документ, сделайте заодно полный отчёт о текущем экономическом положении дел во всей Республике. Я вижу, что многие неплохо отъелись за последние годы Тиберия, и, как мне кажется, это произошло за счёт государственной казны. Так или иначе, всем гражданам будет интересно узнать, как у нас в реальности обстоят дела.

Гай Аппий. Значит, отчёт будет открытым?

Калигула. А что тебя смущает? При Августе так всегда и было.

Нигрин. Мы всё подготовим, Император.

Калигула. Спасибо, Нигрин. Кстати, тебе и Гнею Прокулу пора приготовиться к сложению полномочий, я решил провести новые консульские выборы в первый день месяца Цезаря.

Нигрин. Хорошо…

Калигула. Гней?

Гней Прокул. Мы сложим полномочия в любое указанное Цезарем время.

Клавдий. Кого же ты выдвинешь на этих выборах?

Калигула. Тебя.

Клавдий. Ты шутишь? Какой из меня консул?

Калигула. Такой же, как из них. Или ты чем-то хуже Нигрина с Прокулом?

Друзилла. Не переживай, дядюшка Клавдий. Гай тебе всегда поможет, так ведь?

Калигула. Да, вторым консулом стану я.

Отон. Мудрое решение.

Ларг. Как и все решения Цезаря.

Пизон. Не могу не согласиться со своими товарищами.

Гай Аппий. Я тоже.

Калигула. Благодарю. Кстати, вы четверо мне нравитесь и можете быть весьма полезны. Я намерен возродить коллегию арвальских братьев и лично её возглавить. Думаю, вы неплохо будете смотреться в её рядах.

Гай Аппий. Выражу общее мнение, если скажу, что это великая честь для нас.

Сенаторы послушно кивают головами.

Калигула. Я чувствовал, что вы мне не откажете. Так что мы обязательно вернёмся к этому разговору после моего возвращения. Меня беспокоит то, что римляне стали забывать о своих богах и их культах, вместе мы должны будем исправить эту ситуацию. Только то государство, которому благоволят бессмертные, может быть уверено в своём завтрашнем дне.

Друзилла. Ты не зря упомянул богов, вчера я видела странный сон. Только сейчас вспомнила.

Калигула. Что за сон?

Друзилла. Я стояла перед статуей Всеблагого Юпитера в Капитолийском храме, и вдруг она заговорила со мной…

Все притихли.

Калигула. Статуя?

Друзилла. Да. На греческом.

Калигула. Что же она тебе сказала?

Агриппина, Ливилла. Да, что она сказала?

Друзилла. «Круг очерчен», вроде бы.

Калигула. Какой круг? О чём речь?

Друзилла. Не знаю, просто «круг очерчен», это и сказала.

Ливилла. Глупый сон, боги должны говорить яснее.

Клавдий. Боги никому ничего не должны.

Агриппина. Мне тоже ничего не понятно и кажется глупостью. Ты, наверное, опять спала на животе.

Друзилла. Я не помню, как я спала.

Калигула. Этот сон меня пугает. Что это за круг и почему он очерчен? Всеблагой Юпитер явно хотел что-то этим сказать.

Гней Прокул. Может, имелся в виду земной круг, над которым правит Цезарь?

Лепид. Верно, мне тоже это сразу пришло в голову, жаль, Прокул меня опередил.

Калигула. Да ну, вряд ли. Вы опять пытаетесь льстить.

Макрон. Отчего же? Разве не могут боги послать Цезарю своё восхищение через его сестру?

Нигрин. Наверняка так и было – боги знают, как привязан Цезарь к своей очаровательной сестре, и через неё говорят с ним.

Калигула. Ну если так, то возможно…

Отон. А вы слышали последние новости из Лукании? Говорят, там три дня назад ночью горело небо.

Калигула. Горело небо? Что ещё за новости?

Отон. Светилось как днём и даже ярче.

Ларг. Да, я тоже слышал. Ещё, говорят, в Остии неделю назад смеялась статуя Божественного Августа.

Виниций. Это уже и правда интересно.

Агенобарб. Думаю, это, как всегда, чушь и сплетни. Я бы порол тех, кто всё это распространяет.

Макрон. Их не так-то просто найти, тем более в сутолоке Рима.

Пизон. Кстати, я ведь вчера слышал о говорящих быках в Тарентуме.

Агенобарб. И от кого ты это слышал, Гай?

Пизон. От сенатора Марка Фабия, он пару дней как оттуда вернулся.

Регилл. Сенатор Фабий никогда не был уличён во лжи и вообще пользуется общим авторитетом.

Гай Аппий. Это верно. О нём никто не скажет плохого слова.

Калигула. Да плевать на Фабия! Что говорили эти быки?

Пизон. Этого я не знаю, Цезарь. Как только Фабий мне начал об этом рассказывать, нас отвлёк шум в конце квартала от обрушившейся инсулы. Ну а потом мы с ним расстались, и я вообще об этом забыл…

Калигула. Надо найти Фабия и узнать, что они говорили. Меня пугают все эти истории.

Энния. Мне кажется, тебе следует не бояться их, а, напротив, воспринимать как знак уважения от бессмертных. Наверняка таким образом они приветствуют перемены в Риме, связанные с твоим появлением.

Калигула. Ты так думаешь?

Энния. Конечно. Ещё мне кажется, что ты слишком напряжён от всей этой суеты последних дней, и нужно немного отвлечься. И расслабиться…

Макрон. Моя жена абсолютно права, Цезарю необходимо немного отдохнуть.

Калигула. Я сам могу поговорить с твоей женой, тебе не обязательно подтверждать каждое её слово.

Макрон. Замолкаю.

Калигула. Так, значит, боги приветствуют меня всеми этими знаками?

Энния. Я в этом абсолютно уверена. Тем более Цезарь прекрасен во всех своих проявлениях и просто не может вызывать другой реакции у небожителей.

Калигула. Ты не только красивая, но и мудрая женщина. Я пью за тебя и за Всеблагого…

Смотрит на дверь и откидывается назад в приступе эпилепсии. Все бросаются ему на помощь.

Друзилла. Гай, Гай, приди в себя!

Клавдий. Держите его голову!

Агриппина. Он меня укусил!

Ливилла. Так убери пальцы от его рта, дура!

Лепид. Надо побить его по щекам.

Макрон. Ты хочешь побить Цезаря? Кощунство!

Лепид. Я хочу ему помочь, болван!

Макрон. Что ты сказал?

Гней Прокул. Не стоит ссориться, умоляю вас!

Сенаторы (*хором*). О боги, сделайте же что-нибудь!

Виниций. Хватит причитать, это его обычный припадок, сейчас всё пройдёт. Вот, смотрите.

Энния. И правда, ему вроде лучше.

Друзилла. Бедный мой братик.

Целует Калигулу. Тот постепенно приходит в себя.

Калигула. Он ещё здесь?

Нигрин. Кто? Кто ещё здесь?

Агенобарб. О ком это он?

Калигула. Клянусь жизнью, я только что видел Всеблагого Юпитера возле дверей.

Регилл. Он бредит.

Нигрин. Не смей так говорить о Цезаре!

Регилл. Но здесь нет Юпитера.

Калигула. Как нет? Он уже ушёл?

Энния. Ушёл, ушёл. Почтил тебя и ушёл.

Калигула. Так ты тоже его видела?

Энния. Конечно, он стоял возле дверей с золотым посохом в руках.

Макрон. Верно, а ещё рядом с ним был огромный орёл.

Калигула. Орёл?

Макрон. Ну да… Мне показалось, там был огромный орёл.

Калигула. Значит, и ты это видел?

Макрон. Вне всяких сомнений.

Лепид. А вы заметили, какой потрясающей красоты была его тога? И такие красивые складки.

Гней Прокул. Его тога была божественной, как и положено тоге Юпитера.

Клавдий. Что здесь происходит? Это какая-то игра?

Ливилла. Молчи, дядюшка Клавдий. Мы все видели Юпитера.

Виниций. Да, видимо, все видели.

Клавдий. Наверное, мне лучше пойти поспать, пока я не сошёл с ума вместе с вами. Приятного всем вечера, и не пейте больше вина. У нас завтра тяжёлый день. *(Уходит.)*

Калигула. Юпитер…

Энния. Он обязательно вернётся, Гай.

Калигула. Я уже думал, что мне всё это померещилось.

Энния. Ну конечно же нет. Сначала Юпитер связывался с тобой через сестру, а теперь посетил тебя лично. Всё сходится.

Калигула. Да, всё сходится… Это хороший знак.

Энния. Очень хороший знак. Ты будешь править долго и успешно. Может, даже и вечно.

Калигула. Вечно…

Привлекает Эннию к себе и целует. Гости возвращаются на свои места.

ДЕЙСТВИЕ 2

Сцена четвёртая

Действующие лица:

Сенека *(сенатор, философ)*
Публий Ноний Аспрен *(консул)*
Макрон *(префект претория)*
Инвитатор *(созывающий гостей)*

Середина 38 года н.э. Коридор императорского дворца. Макрон, Аспрен и Сенека ждут аудиенции у Калигулы.

Макрон. Интересно, прошло уже больше часа?

Публий Аспрен. Наверняка.

Сенека. Время – это череда событий. Если нет событий, нет и времени, а значит неважно, прошёл час или нет – считайте, что время остановилось.

Публий Аспрен. Ты всегда всё усложняешь, Луций. Он всего лишь спросил, сколько мы тут сидим.

Сенека. Я просто пытаюсь отвлечь себя и вас от скуки.

Публий Аспрен. Тогда попробуй что-то другое, а не свои философствования. У меня от них болит голова.

Макрон. Рано или поздно он всё равно нас примет. Хотя я бы всё отдал, чтобы остаться сегодня дома.

Сенека. Главное, чтобы к этому моменту он ещё держался на ногах.

Макрон. Я тоже на это надеюсь. После своего выздоровления он стал много пить.

Публий Аспрен. По мне, так не больше чем раньше.

Макрон. Я знаю его много лет. Поверь, раньше он был почти равнодушен к вину.

Публий Аспрен. А женщины?

Макрон. Что женщины?

Публий Аспрен. Он всегда был так ими увлечён?

Макрон. Нет. Но разве ты не увлекался бы ими на его месте? Да и всем остальным, что предлагает неограниченная власть.

Публий Аспрен. Не знаю, меня устраивает моя жена, а вином я давно уже не злоупотребляю.

Сенека. Неограниченная власть…

Макрон. Что?

Сенека. Ты сказал о неограниченной власти, а ведь она и правда стала такой. И, честно говоря, я вижу в этом проблему.

Макрон. Не ты один.

Сенека. Вот как?

Макрон. Да, но я этого не говорил.

Сенека. А я не слышал. Но тем не менее?

Публий Аспрен. Мне кажется, вы затеваете опасный разговор. Причём в довольно опасном месте.

Сенека. Мы всего лишь обсуждаем вопросы власти в Республике.

Макрон. Если от Республики ещё что-то осталось.

Публий Аспрен. Странно слышать это от влиятельного префекта претория. Тебе ли, Макрон, жаловаться на Республику?

Макрон. Я жалуюсь не на Республику, а на… Я вообще не жалуюсь, просто говорю, что времена уже не те.

Публий Аспрен. Так с чем связаны твои слова? Великому Макрону отказываются подчиняться преторианцы, или ему не хватает сестерциев на новые виллы?

Макрон. Послушайте оба, просто послушайте… Он предложил мне стать префектом Египта, и я…

Публий Аспрен. Выгодная должность!

Макрон. Как ты не понимаешь? Он хочет убрать меня из претория и из Рима.

Публий Аспрен. Убрать? Я думал, вы друзья…

Макрон. У него нет друзей. Я недавно это понял.

Сенека. Мне кажется, у него вообще никого нет. Вспомните о судьбе несчастного Гемелла. Он убил того, кого называл своим сыном.

Макрон. Не напоминай об этом. Я лично принёс Гемеллу меч и показал, как уйти без боли. До сих пор вижу это перед глазами… Я не хотел в этом участвовать, но Гай лишь посмеялся и сказал, что свою преданность надо доказывать постоянно.

Сенека. Чудовищно. Юный Гемелл ничем не заслужил такой участи. Он был совсем ещё ребёнком.

Макрон. Мне кажется, я следующий.

Публий Аспрен. Ты преувеличиваешь, он слишком уважает и боится тебя.

Макрон. Он никого не уважает и не боится. Мы вспомнили Гемелла, но можно вспомнить и Силана.

Публий Аспрен. Ему ты тоже подавал меч?

Макрон. Твой юмор неуместен. Тебе разве не жаль старика?

Публий Аспрен. Безусловно жаль, прости мои слова. Просто… Если говорить начистоту, то мне непонятно, почему ты вдруг стал так об этом переживать. Каждый в Риме привык думать, что Квинт Невий Макрон сделан из стали и является карающим мечом Императоров.

Макрон. Это глупости. Я обычный человек, к тому же не очень молодой.

Публий Аспрен. Может, поэтому он и предлагает тебе эту должность? Ты встретишь старость среди почитающих тебя как бога, будешь наряжаться в длинные цветные одежды и читать древние папирусы, отдыхая от суеты Рима.

Макрон. Это его мечта, а не моя. Достаточно посмотреть, как он теперь одевается и что цитирует во время своих бесконечных речей.

Сенека. Это верно. Он всё больше похож на императора эллинов, нежели римлян.

Макрон. В глубине себя Гай всегда этим интересовался. Он вырос не на тех книгах.

Публий Аспрен. Я думаю, вы всё же преувеличиваете. Он просто слишком молод, чтобы во всём следовать нашим традициям. Но со временем он остепенится, и всё станет как при Августе.

Макрон. Вряд ли. Римляне начали его тяготить. Он сам говорил мне об этом недавно.

Публий Аспрен. Что значит тяготить?

Макрон. Он сказал, что чем больше им даёт, тем больше они хотят. Но он не хочет и не может тратить все средства на их увеселения. Ещё его расстроили результаты последних магистратских выборов.

Публий Аспрен. То, что никто не пришёл?

Макрон. Да. Он сказал, что они могли хотя бы сделать вид, что им интересно.

Публий Аспрен. Отчасти он прав. Мы все давно уже заняты своими мелочными делами и не думаем ни о чём другом. Наши храмы пустеют, народные собрания молчаливы, а на самый верх пролезают всякие посредственности. Рабы! О боги, вы слышите? Рабы теперь делаются влиятельнее многих сенаторов!

Сенека. Да, ещё недавно это было невозможно представить.

Макрон. Просто он окружает себя теми, кто привык подчиняться и не будет задавать лишних вопросов. Посмотрите, какую головокружительную карьеру делает Каллист.

Публий Аспрен. А Геликон? А Протоген?

Макрон. Не удивлюсь, если скоро Гай возвысит своего конюха. Учитывая, как много времени он проводит в своих конюшнях, это очень вероятно.

Сенека. Он начал возвышать не только рабов, но и остальное отребье, вроде актёров и проституток.

Макрон. Наверное, ему кажется, что только они способны разглядеть его таланты. Он часто декламирует греков на крыше своего дворца, а иногда и танцует там. И даже поёт.

Публий Аспрен. Танцует и поёт?

Макрон. Да, я сам видел.

Сенека. Это омерзительно.

Публий Аспрен. Это и правда оскорбление для всего Рима.

Макрон. В таких случаях он одевается в женские одежды, а потом танцует и поёт. Зачастую он приглашает актёров, чтобы подпевали ему. Я много раз видел его ночью на крыше вместе с Мнестером. Иногда туда приходят Мессалина и Лепид.

Сенека. Петь и танцевать при людях, это просто чудовищно. Тем более для принцепса.

Публий Аспрен. В этих стенах его лучше звать Императором.

Сенека. Я надеюсь, мы трое можем говорить между собой открыто, ведь у нас общие проблемы.

Публий Аспрен. Я также на это надеюсь.

Макрон. Ваши проблемы ничто по сравнению с моими. Не сегодня, так завтра он меня уничтожит.

Публий Аспрен. Я всё же считаю, что ты преувеличиваешь, почтенный Квинт Невий. Пока в твоих руках преторий, ты и сам способен…

Макрон. Способен что? Убить его?

Публий Аспрен. Я не говорил этих слов.

Макрон. Не бойся, Публий. Я сейчас меньше всего думаю об интригах. Знаешь почему? Потому что я сам боюсь. Я боюсь за свою жизнь и за жизни своих близких, боюсь за всё то, что, как мне казалось, я отстаивал. Я боюсь за Рим.

Сенека. Что же так пугает доблестного Макрона?

Макрон. Когда я увидел Гая впервые после его выздоровления, я… Я заглянул ему в глаза и увидел безумие. Это уже не тот сын Германика, которого мы приветствовали год назад. Это чудовище!

Оглядываются.

Публий Аспрен. Тише, тише, друг мой. Такие слова не доведут до добра.

Сенека. Это верно. Нам стоит быть осмотрительнее.

Макрон. Осмотрительность нужна, когда имеешь дело с подобными себе, а не с такими как он. С ним осмотрительность бесполезна, он всё равно придёт за каждым. И за тобой, Луций Сенека.

Сенека. Что ты имеешь в виду?

Макрон. Я не знаю всего того, что происходит в его голове, но кое-какие его мысли мне известны. Он хочет дискредитировать Сенат в глазах римлян. Разрушить всё то, что создавалось со времён Ромула.

Сенека. Но зачем?

Публий Аспрен. Тогда на руинах останется только он один…

Макрон. Да! Только он один! Вот чего он по-настоящему хочет!

Сенека. Тише! Я слышу чьи-то шаги.

Молчат, оглядываются.

Сенека. Надеюсь, просто показалось, но лучше говорить шёпотом.

Публий Аспрен. Я давно уже говорю только шёпотом, как, наверное, и все мы.

Сенека. И эта необходимость унижает нас ещё сильнее. Но почему он придёт за мной?

Макрон. Лично ты ему давно не нравишься, ты слишком умён и независим, на его взгляд. Впрочем, это касается не только тебя, но и многих в Риме. Гай хитёр, как и любой хищный зверь. Он не совершает резких движений, выжидая и наблюдая за своей добычей. Но когда он поймёт, что время пришло, он прыгнет и вцепится в горло.

Сенека. Интересно…

Публий Аспрен. Не стоит преувеличивать его хищные качества, он всего лишь молодой глупец, облечённый властью. Мы можем договориться до того, что он – воплощение зла.

Макрон. Он и есть воплощение зла, и чем быстрее мы все это поймём, тем лучше.

Сенека. Раз мы говорим об этом, значит, понимание уже приходит, не так ли?

Макрон. Мало! Мало просто говорить!

Сенека. У тебя есть предложения?

Макрон. Не знаю… Я мог бы использовать свою власть над преторием, но моё слово против его слова — это дуновение ветерка против урагана. Если бы и Сенат…

Публий Аспрен. Что Сенат?

Макрон. Если бы Сенат оказал хотя бы моральную поддержку, мне было бы легче избавить нас от неприятностей.

Публий Аспрен. Сейчас это абсолютно исключено. Плебс обожает его за все те зрелища и послабления, которые он постоянно организовывает. Нас просто разорвут на части!

Сенека. Публий прав, сейчас не лучшее время для активных действий.

Макрон. Лучше ждать, пока нас перережут поодиночке?

Сенека. А что мы сейчас можем ему предъявить перед лицом Рима? То, что он танцует и поёт? Или то, что он носит длинные цветастые платья?

Макрон. Он уже убил или принудил к смерти многих видных граждан, в том числе и своего наследника.

Публий Аспрен. Мы все знаем, что говорят простые люди по этому поводу, они рады смерти любого богача. Да и по большому счёту, им всем плевать на Гемелла, они ассоциируют его с Тиберием.

Макрон. Он отдаёт наши провинции варварам.

Публий Аспрен. Даже Сенат ответит на это, что ненужные нам земли просто возвращаются в пользование нашим союзникам. Хотя, конечно, его дружба с этими царьками никем не приветствуется…

Сенека. Верно, это тоже не тот аргумент.

Макрон. Он позволяет всякому отребью становиться всадниками, это ли нормально?

Публий Аспрен. Ты и сам всадник, мой друг, вот и переживаешь за своих. Я разделяю твои беспокойства, но стоит признать, что пока он не сделал ничего такого, за что его можно было бы сбросить в Тибр.

Макрон. Он уже выбрал свой путь и пошёл по нему, как ты не понимаешь? Если мы будем медлить, то по Тибру поплывут наши трупы, а не его бесформенная туша.

Сенека. Скорее мы повиснем на рострах…

Макрон. Что?

Сенека. Он отрубит нам руки и головы, а затем вывесит их на рострах за участие в заговоре. Во всяком случае, я бы на его месте поступил бы именно так.

Публий Аспрен. Да хранят нас боги!

Макрон. Я и не говорю о заговоре, я лишь прошу вас, как не последних людей в Сенате и во всём Риме, сформировать общее мнение, общую позицию. Он должен увидеть, что мы не стадо баранов, а стая волков. Только тогда мы обезопасим себя от его планов. Он хочет запугать нас, но он один, а нас сотни и тысячи. Это мы должны править им, а не наоборот.

Сенека. Нас сотни и тысячи, но римлян сотни тысяч. Я уже не говорю о миллионах всех тех, кто может посчитать себя оскорблённым убийством любимого Императора.

Макрон. Заметь, я ни разу не сказал про его убийство.

Сенека. Если Сенат официально займёт непримиримую позицию к Императору, то это само по себе будет означать его убийство. В таком противостоянии должна будет остаться только одна сторона.

Публий Аспрен. Мне страшно даже подумать, что тогда начнётся в Риме.

Макрон. А что может начаться?

Сенека. Гражданская война.

Молчание.

Макрон. Я всё же не думаю, что до этого дойдёт. Нужно будет просто молниеносно выдвинуть нового человека и дать подходящие объяснения… В конце концов, всё можно представить как несчастный случай.

Публий Аспрен. То есть сделать всё так же, как с Тиберием?

Макрон. О чём ты?

Публий Аспрен. Ты и сам понимаешь, о чём я. Ты ведь всё это уже проделывал с предыдущим Императором. Нет, нет, я вовсе не осуждаю. Просто если повторить тот опыт, то многим это покажется закономерностью – два Цезаря подряд погибают не без участия префекта претория… Не кажется ли тебе, что тогда вместо одного мёртвого врага ты получишь множество живых?

Макрон. Послушай, Публий. Я всегда считал тебя умным и порядочным человеком. Поэтому прошу – не повторяй глупые сплетни, которые сочиняют враги Рима. Тиберий умер сам, перебрав вина. Даже странно, что он прожил так долго при своём образе жизни.

Публий Аспрен. Как скажешь, просто злые языки на этот раз станут ещё злее, и тогда мы и правда окажемся не в самом выгодном положении. Особенно ты.

Сенека. Невыгодное положение – это не самый подходящий термин. Я бы назвал это катастрофой. Подумайте сами, как только мы начнём открыто давить на Цезаря, он ответит настолько жёсткими мерами, что нам останется только пойти на его устранение. Даже если у нас это получится, весть о его смерти мгновенно облетит всю Республику.

Макрон. И что с того?

Сенека. Ему преданы многие легионы, особенно германские. Что ты будешь делать, когда как минимум тридцать тысяч отборных солдат постучатся в ворота Рима, чтобы обсудить странную смерть своего Императора? Позовёшь своих преторианцев? Им будет проще откупиться нашими головами.

Макрон. Ты всё усложняешь своими мрачными фантазиями.

Сенека. Наоборот, предсказываю самый реалистичный вариант. Цезарь не дурак и хорошо платит своим солдатам за преданность. Так же, как он платит за преданность и простому народу. Хотим мы или нет, но сейчас мы явно в меньшинстве со своими взглядами.

Публий Аспрен. Я согласен с Луцием, время ещё не пришло.

Макрон. И вы предлагаете ничего не делать?

Сенека. Почему же… Пока мы можем прощупывать почву, искать своих единомышленников и ждать его ошибок. Но что самое важное – нужно попытаться найти постоянный контакт с кем-то из его семьи. Таким образом мы сможем быстро узнавать все его планы, и к тому же у нас всегда будет запасной вариант на момент непредвиденного развития событий.

Макрон. Ты имеешь в виду замену Гая на кого-то из его близких?

Сенека. Я лишь стараюсь смотреть в будущее. Рим будет не так сильно сокрушаться по своему Цезарю, если на его место придёт кто-то из той же семьи.

Публий Аспрен. Здравые мысли. Но кто это может быть?

Макрон. Вот именно, кто? У него нет наследников, а сёстры не в счёт. Не этого же идиота Клавдия делать потом Императором!

Сенека. Поэтому я и говорю, что нужно повременить и присмотреться. В конце концов, мы обсуждаем дела не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня.

Макрон. Если у вас обоих есть завтрашний день, то у меня уже вряд ли. Я чувствую, что он слишком боится меня, чтобы оставлять в живых.

Сенека. Его можно понять, учитывая твои замыслы.

Макрон. Разве это не наши общие замыслы? Разве я думаю только о своём благе, а не о благе всего Рима?

Сенека. Я признаю, что ты говоришь о наших общих проблемах. Просто, когда ты сначала отказываешься от интриг, а затем обсуждаешь свержение Цезаря, это выглядит немного забавно.

Макрон. Значит, ты находишь всё это забавным? Или, может, ты думаешь, что он успокоится, забрав мою жизнь? Что потом он не придёт за вашими жизнями?

Публий Аспрен. Говорите тише, умоляю вас!

Сенека. Отложим ненадолго этот разговор.

Макрон. Ты, видимо, и правда не понимаешь, что у нас нет времени.

Сенека. Думаю, в ближайшие дни нам точно ничего не угрожает, он сейчас слишком занят мыслями о своей сестре.

Публий Аспрен. Ей так и не стало лучше?

Макрон. Насколько я знаю, нет.

Сенека. Ходят слухи, что она со дня на день отправится к богам.

Макрон. Это вполне вероятно. Даже не знаю, радоваться этому или нет. Он слишком сильно к ней привязан.

Сенека. У любого явления есть свои плюсы и минусы. В данной ситуации я вижу плюс в том, что, если с ней случится непоправимое, то Цезарь просто сойдёт с ума от горя и тогда наверняка наделает глупостей.

Макрон. А в чём ты видишь минус?

Сенека. В этом же самом.

Открывается дверь. Инвитатор приглашает всех войти.

Сцена пятая

Действующие лица:

Калигула *(принцепс)*
Агриппина *(сестра принцепса)*
Агенобарб *(муж Агриппины)*
Юлия Ливилла *(сестра принцепса)*
Лепид *(муж Друзиллы)*
Клавдий *(дядя принцепса)*
Макрон *(префект претория)*
Публий Ноний Аспрен *(консул)*
Каллист *(либертин)*
Мнестер *(актёр)*
Апеллес *(актёр)*
Мессалина *(племянница Агенобарба)*
Сенека *(сенатор, философ)*
Инвитатор *(созывающий гостей)*
Слуги

Большой зал императорского дворца. Все обедают.

Клавдий. Ты почти ничего не ешь, Гай…

Калигула. Не хочу.

Клавдий. Как знаешь. Только вино на пустой желудок не приносит ничего кроме вреда. Думаю, тебе стоит всё же попробовать хотя бы эту сочную форель. Я не знаю, как её готовили, но это что-то потрясающее.

Калигула. Меня уже тошнит от твоих советов и нравоучений. Просто помолчи, Клавдий. Просто помолчи.

Лепид. А ведь форель и правда хороша.

Агриппина. Мой несчастный братик совсем потерял аппетит из-за Юлии.

Калигула. Потому что мне не плевать, что она умирает.

Ливилла. Она не умирает, Гай, просто ей немного дурно последние дни. Она обязательно поправится.

Калигула. Ты держишь меня за идиота? Она уже даже не может ходить, да и говорит так, что еле слышно.

Ливилла. Ну, не знаю. Ты ведь тоже ещё полгода назад не мог ходить и еле слышно говорил, но теперь ты снова полон сил, а от болезни не осталось и следа.

Мессалина. За это стоит поблагодарить богов, они явно благоволят Цезарю.

Калигула. Ну да, боги… Макрон, где твоя жена? Мне не хватает её утешений.

Макрон. Она больна, Цезарь. Как только ей станет лучше, она сразу же предстанет перед тобой.

Калигула. Вот как? И она тоже… Боги отворачиваются от меня, а не благоволят, Мессалина.

Мессалина. Ну почему же? Цезарь жив и здоров, в Республике всё хорошо. Мы все иногда болеем, это нормально. Тебе просто нужно немного заботы и внимания, чтобы не думать о грустном.

Калигула. Мне сейчас ничего не нужно…

Сенека. Цезарь вряд ли нуждается в моём мнении, но я бы не сказал, что в Республике всё хорошо. Достаточно вспомнить о чудовищном землетрясении в Антиохии. Город почти полностью разрушен.

Калигула. Печальные потери, которые лишний раз доказывают, что боги отвернулись от меня.

Сенека. Боги это были или нет, но Антиохии нужна помощь. Большая помощь.

Калигула. Я ещё несколько дней назад принял все необходимые меры по этому вопросу. Ты плохо информирован.

Мессалина. В этом нет ничего странного, ведь Сенека так увлечён своей карьерой в последнее время, что наверняка уже видит себя новым Цицероном. Куда уж ему до наших дел и забот.

Агенобарб. Это зря, Цицерон под конец жизни совсем потерял голову.

Каллист. Он потерял ещё и руки.

Агенобарб. Хорошо, что мой дед всё это нашёл и вывесил на Форуме.

Смех.

Агриппина. Просто твой дед разбирался в искусстве и не мог лишить римлян такого удовольствия.

Агенобарб. Ты права, славный Марк Антоний прекрасно разбирался в искусстве. Интересно, как бы он оценил сочинения нашего талантливого гостя?

Сенека. Мне кажется, мои сочинения должны оценивать все римляне, для которых я, собственно, и пишу.

Калигула. А тебе самому они нравятся?

Сенека. Отчасти. Некоторые я нахожу весьма недурными, некоторые незаконченными… А что думает о них Цезарь?

Калигула. Много песка и мало извести.

Каллист. Как верно подмечено!

Сенека. Как будто ты их читал…

Калигула. Не обижайся на Каллиста, ведь на меня ты не обижаешься?

Сенека. Да хранят меня боги от обид на Цезаря и вообще от каких-то обид. Жизнь сделала меня философом.

Мессалина. Она сделала тебя ещё и сенатором.

Сенека. Вижу, этот факт тебе не даёт покоя.

Каллист. Не только ей.

Мессалина. Мне не даёт покоя твой колючий язык. Я бы с радостью засунула в него пару булавок.

Калигула. Это всё же не Марк Цицерон, а Луций Сенека. К тому же сегодня он наш гость, будьте к нему поснисходительнее.

Сенека. Мне кажется, к моей персоне привлечено слишком много внимания, которого я явно не заслуживаю.

Мессалина. Единственная твоя толковая мысль.

Сенека. И на том спасибо.

Публий Аспрен. Цезарь, Сенату было доставлено письмо от Агриппы. Он благодарит тебя за твою поддержку и обещает скоро прибыть в Рим, дабы лично тебя почтить.

Калигула. Ответьте ему, что я с радостью его приму. Может, хоть теперь эти дикари там успокоятся.

Публий Аспрен. Хорошо.

Лепид. Считаешь, он справится лучше Ирода Антипы?

Калигула. Посмотрим. Пока что он производит хорошее впечатление, тем более для иудея. Во всяком случае, он смог понравиться и мне, и Клавдию, что само по себе редкость. Не так ли, Клавдий?

Клавдий. Агриппа очень энергичный и способный человек.

Макрон. А что теперь с Иродом Антипой?

Калигула. Посидит немного под нашим наблюдением в Галлии, пока не решим, что с ним делать. Ты за него переживаешь что ли?

Макрон. Что ты, я просто спросил.

Калигула. Мне донесли, что он готовил заговор. Такое нельзя прощать, и мы не простим.

Макрон, Сенека и Публий Аспрен давятся едой и кашляют.

Калигула. Вот видишь, Клавдий, твоя хвалёная форель не лезет в наших дорогих гостей.

Мессалина. Может, дело не в форели?

Калигула. В чём же тогда?

Макрон. Цезарь прав, это всего лишь рыба застряла в горле.

Сенека. Да, это рыба.

Каллист. У троих сразу?

Публий Аспрен. Лично я подавился вином.

Калигула. Я рад, что не один сегодня давлюсь вином. Налейте ещё Публию, я хочу с ним выпить.

Публий Аспрен. Я с радостью.

Сенека. Вино затемняет разум и удлиняет язык. Никогда не стоит об этом забывать.

Агенобарб. И что из этого тебя более пугает? Что затемнится твой разум или что развяжется язык?

Мессалина. Наверняка второе, ведь разум затемняется только у тех, у кого он есть.

Сенека. Ты считаешь меня идиотом?

Мессалина. Ты сам это сказал.

Калигула. Довольно! Вам нельзя собираться вместе, вы становитесь похожи на змеиный клубок.

Каллист. Цезарь прав, его гости должны проявлять к нему больше почтения.

Сенека. А кто будет проявлять почтение к гостям?

Макрон. Лично меня всё устраивает.

Публий Аспрен. Меня тоже.

Калигула. Вот видишь, Луций, пока что ты самый капризный гость. Где же твоё философское воспитание и закалка?

Сенека. Я не просился к тебе в гости, Цезарь.

Тишина.

Калигула. Поэтому я тебя и позвал. Мне стало интересно, почему ты меня избегаешь.

Мессалина. Наверное, ему есть что скрывать.

Калигула. Закрой рот, я пытаюсь поговорить с известным философом. Ко мне ведь не каждый день заглядывают такие великие люди. Это только наш старый Клавдий славится тем, что днями и ночами беседует с поэтами, историками и риторами. Все они любят Клавдия, но почему-то не любят меня. Возможно, потому что я знаю настоящую цену их таланта и эта цена не больше медного асса.

Клавдий. Гай, ты ведь знаешь, что всё это не так…

Калигула. Молчи. Что это вообще за поведение? Это Тит Ливий научил тебя перебивать римских Императоров? Или эти жалкие подражатели Гомера, Секунд и Пизон? По-моему, вам всем не хватает дисциплины и хороших манер. Вы строите из себя хозяев Республики и всего мира, но ничем не отличаетесь от германских дикарей. Ваши напускные гордость и величие лишь прикрывают серость и

нищету вашего духа, ваши богатства, сколоченные страхом и унижением, идут на то, чтобы отвлечь вас от реальности. Ведь в этой реальности вы всего лишь кучка ничтожеств.

Агриппина. Гай, прошу, остановись. Ты снова выпил слишком много вина.

Калигула. Что-то не так, сестричка? Может, ты хочешь доказать мне, что я не прав?

Публий Аспрен. Цезарь прав, тысячу раз прав. Я пью за Цезаря!

Калигула. Остановись ненадолго, Публий, а то тебя тоже упрекнут в пьянстве. Скажи лучше, как консул Республики, правда ли, что за время моей болезни в Сенате созрел заговор против Императора и народа Рима?

Публий Аспрен. Это чудовищная ложь, Цезарь! Никому в Сенате и в голову не придёт такое ужасное преступление! Клянусь тебе Всеблагим Юпитером, что я и…

Калигула. Клянёшься? По-твоему, я так оглупел за последние месяцы, что не вижу и не слышу ничего вокруг себя?

Публий Аспрен. Клянусь! Всеми богами клянусь! Не было заговора! *(Бросается к Калигуле и целует ему ноги.)*

Калигула. Что ты делаешь, Публий? Я ведь просто пошутил…

Публий Аспрен. Пошутил! Он пошутил, вы слышали? Слава Императору!

Калигула. О боги, даже мой конь на твоём месте выглядел бы более подобающе.

Лепид. А мне нравится этот обед, я давно так не веселился.

Ливилла. Да уж, Гаю не откажешь в чувстве юмора. Я думала, у Публия сейчас случится приступ.

Публий Аспрен. Он ведь просто пошутил, вы все слышали, да? Это была шутка Цезаря.

Калигула. Замолчи, надоел... Макрон, ты сегодня тише, чем обычно. Чем-то расстроен?

Макрон. Вовсе нет, просто неважно себя чувствую. Наверно, заразился от Эннии.

Калигула. Береги себя, друг мой, ты ещё пригодишься нам в Египте. Ты ведь уже обдумал моё предложение?

Макрон. Я бы хотел подумать ещё… Если это возможно, разумеется.

Калигула. Только не затягивай с этим, а то это уже становится похоже на неуважение.

Макрон. Прошу, дай мне ещё несколько дней. Мне нужно всё обсудить с женой, настроить её на переезд…

Калигула. А твоя жена никуда и не поедет, она останется здесь, в Риме.

Макрон. Вот как?

Калигула. Конечно. Разлуку с тобой я ещё как-то вынесу, но потерять вас обоих будет уже слишком.

Лепид. Я и не знал, что наш славный Макрон переезжает в Египет.

Калигула. Переезжает, переезжает. Думаю, максимум через месяц он будет уже там.

Макрон. Я услышал тебя, Цезарь…

Агенобарб. Нам будет тебя не хватать, друг мой. Не забывай писать письма.

Ливилла. Только не очень часто, а то мы и правда начнём тосковать.

Агриппина. И не очень длинно.

Смех.

Макрон. Мне и правда стало дурно… Наверное, мне лучше вернуться домой, полежать.

Калигула. Уйдёшь потом, а пока выпей вина. Эй, рабы, отправьтесь кто-нибудь узнать, как здоровье моей сестры.

Один из рабов покидает зал, и тут же входит инвитатор.

Инвитатор. Актёры Апеллес и Мнестер.

Калигула. Пусть заходят, может, они поднимут мне настроение.

Апеллес и Мнестер входят и располагаются вместе с остальными гостями.

Сенека. Итак, я обедаю рядом с рабами, актёрами и сумасшедшим Калигулой. Хорошая компания, что тут скажешь…

Калигула. Что ты бормочешь, Луций? Нам не слышно.

Сенека. Я сказал, что в восторге от этих перепелиных яиц.

Калигула. Рад, что хоть чем-то тебе угодил. Апеллес, Мнестер, где вы пропадали последние дни? Я успел соскучиться по вашим представлениям.

Апеллес. Я выступал в Капуе, Цезарь.

Мнестер. А я вернулся из Арретия.

Лепид. Я вам завидую. Вы всё время проводите в движении, в то время как я уже погибаю от скуки.

Агриппина. Может, тебе тоже стоит заняться лицедейством?

Лепид. Я слишком ленив для этого. Лучше останусь собой.

Калигула. Лепид скромничает, ведь я не раз видел его пантомимы и всегда находил их божественными.

Лепид. До тебя мне всё равно далеко, Гай.

Калигула. Не стану спорить, хотя ты тот ещё льстец. Апеллес, Мнестер – исполните что-нибудь для меня, пока вы не наполнили свои животы.

Мнестер. Что именно интересует Цезаря?

Калигула. Казнь Лавреола.

Агриппина. О Юнона, когда ты освободишь Рим от Лавреола? Я уже знаю всё это наизусть.

Мессалина. Тебе просто нужно найти себе новые развлечения.

Агриппина. Моё главное развлечение сейчас – это малютка Нерон.

Мессалина. Дети – это такая скука…

Калигула. Тише. Они начинают.

Апеллес и Мнестер танцуют и поют. Калигула заворожённо смотрит, а затем начинает плакать. Актёры заканчивают выступление и возвращаются на свои места.

Агриппина. Гай…

Калигула. Это было прекрасно… Это всегда прекрасно.

Агриппина. Зачем же так переживать?

Калигула. Отстань от меня, тебе этого не понять. Вам всем этого не понять.

Агриппина. Хорошо, только не начинай снова всё это.

Агенобарб. Лучше не трогать его сейчас, он всегда очень впечатлительный во время представлений.

Агриппина. Никто и не трогал…

Мнестер. Вы слышали последние новости из Капуи? Про статую Августа?

Каллист. Нет, а что не так со статуей Августа?

Мнестер. Она плакала три дня подряд, представляете?

Ливилла. Что значит плакала?

Мнестер. Слёзы лились ручьём, как у живого человека.

Калигула. Что? Ты сам это видел?

Мнестер. Нет, когда я приехал в Капую, всё уже кончилось. Но, судя по всему, это видел весь город, ведь они все теперь там только об этом и говорят. Вроде как первым это заметил эдил, а потом он позвал остальных магистратов, которые, в свою очередь, позвали жрецов и гаруспиков.

Агенобарб. И что было дальше?

Мнестер. Ничего. Статую заперли в храме Юпитера до совершения всех искупительных обрядов. Как я понял, этим сейчас занимаются все капуанские жрецы.

Калигула. Дурной знак. Надо отправить туда римских жрецов, чтобы во всём разобраться. Чем больше, тем лучше.

Каллист. Мудрое решение. С позволения Цезаря, я лично этим займусь.

Сенека. Как я понимаю, это та статуя Божественного Августа, что стояла на площади перед театром?

Мнестер. Да, это она.

Лепид. А какая разница, где она стояла?

Сенека. Просто я бы не спешил списывать всё на богов, возможно, этому есть более простое объяснение. Было бы интересно поговорить с этим эдилом.

Калигула. Сенека прав, надо допросить эдила. Ещё лучше допросить всех, кто это видел. Под клятвами, чтобы не вздумали солгать.

Каллист. С позволения Цезаря, я займусь и этим.

Калигула. Займись прямо сейчас. Собери группу самых опытных жрецов и отправляйся с ними в Капую.

Каллист. Всё будет исполнено, Император. *(Уходит.)*

Агриппина. Много странных вещей происходит в последний год, к чему бы это?

Калигула. Я тоже заметил. Боги явно чем-то недовольны.

Сенека. Или кем-то…

Калигула. Что ты хочешь этим сказать?

Сенека. Боги не могут быть недовольны тем, что они сами сотворили. Обычно они недовольны тем, что творят люди.

Агенобарб. Какие люди?

Калигула. Да, говори яснее.

Сенека. Я не могу отвечать за богов, просто предполагаю, что кто-то вызывает их гнев.

Мессалина. Неужели непонятно, что он имеет в виду Императора?

Сенека. Разве я это сказал?

Мессалина. По-твоему, здесь одни идиоты?

Сенека. Этого я тоже не говорил.

Мессалина. Наглец!

Калигула. Скажи, Луций, ты и правда считаешь, что боги недовольны мной?

Сенека. Я не знаю, что тебе ответить, Император.

Агенобарб. По-моему, он переходит все границы.

Публий Аспрен. Луций, остановись!

Калигула. Нет, пусть выскажется. Ведь философу всегда есть что сказать, не так ли?

Сенека. Я не так глуп и наивен, чтобы говорить правду там, где воспевают ложь. Поэтому, с вашего позволения, я лучше промолчу.

Лепид. Гай, ты будешь это терпеть? И за меньшую дерзость его следовало бы обезглавить.

Калигула. Ты хочешь обезглавить человека за то, что он имеет своё мнение?

Лепид. А ты не хочешь? Кажется, я перестаю тебя понимать.

Калигула. Это проблема большинства тех, кто меня окружает. Вы все очень предсказуемые люди, и это грустно.

Ливилла. Только не начинай опять этот разговор, это так утомительно.

Агриппина. И правда, Гай, твоё настроение слишком быстро меняется. Никогда не знаешь, чего от тебя ждать в следующий момент.

Апеллес. А что тут у вас вообще происходит? Мы с Мнестером не вовремя пришли?

Мессалина. Вы всегда вовремя, в отличие от некоторых умников из Сената.

Калигула. Я понял, чего вам всем не хватает.

Клавдий. Боюсь даже спросить, чего именно.

Калигула. Вам не нужен принцепс, руководящий Сенатом, или Император, повелевающий государствами и народами. Вам нужен…

Сильный раскат грома.

Мессалина. Ой!

Калигула. Что это? Что это было?

Агриппина. Вроде бы гром…

Лепид. Если честно, я чуть не оглох.

Калигула. Разве гром бывает таким сильным?

Публий Аспрен. Если это гром, то я пастух, а не консул.

Калигула. Лучше бы ты был пастухом, от тебя было бы больше проку.

Клавдий. Что же тогда, если не гром?

Апеллес. Я слышал, что-то подобное было в Неаполе в начале года. Такой же страшный грохот в ночи.

Мессалина. Опять мистика?

Апеллес. Мы все находимся под присмотром богов, так что почему бы и нет.

Макрон. Разве сегодня должен быть дождь?

Мнестер. Когда мы входили во дворец Цезаря, на небе не было ни облачка.

Калигула. Макрон, иди посмотри, что там снаружи.

Макрон. Хорошо. (*Уходит.*)

Ливилла. Давайте больше не будем говорить о богах. Как только мы начинаем это делать, всегда происходит что-то непонятное.

Мессалина. Пока ничего непонятного не случилось. Просто что-то где-то упало, или и правда гром.

Агенобарб. Я тоже так думаю. Богам и без нас есть чем заняться.

Калигула. Поразительно… Этот гром случился именно в тот момент, когда я собирался сказать одну важную мысль.

Клавдий. Какую мысль?

Калигула. Ту мысль, что давно не даёт мне покоя.

Мнестер. Мы все заинтригованы, Цезарь.

Калигула встаёт и, задумавшись, шагает по залу, держа руки за спиной. Останавливается у статуи Юпитера и смотрит на неё.

Лепид. Так что за мысль?

Калигула. Скажи, Лепид, что ты видишь, глядя на эту статую?

Лепид. Я вижу Всеблагого Юпитера.

Калигула. А что ты видел сегодня на Форуме между Аркой Августа и храмом Весты?

Лепид. Твою статую, Гай. К чему всё это?

Мессалина. Я тоже не понимаю.

Калигула. В чём разница между статуей Юпитера и статуей Гая Цезаря?

Лепид. Ну не знаю… Просто одна из них посвящена богу, а другая Императору.

Калигула. И для всех вас нет никакой разницы…

Ливилла. Кто-нибудь объяснит, о чём сейчас речь?

Сенека. Кажется, я начинаю понимать, что он имеет в виду.

Калигула оборачивается и смотрит на Сенеку.

Клавдий. И что он имеет в виду? Если честно, я редко успеваю за ходом его мыслей.

Сенека. Он хочет стать богом.

Калигула. Ты и правда не дурак, Луций…

Апеллес. Это какие-то новые игры?

Лепид. Надеюсь…

Агриппина. Гай, тебе следует немного отдохнуть. В этот раз ты и правда переборщил с вином. Нельзя так шутить с богами.

Калигула. Да? Почему же? Разве мои статуи чем-то хуже статуй Юпитера или Марса? Или на юге и востоке меня уже не почитают как бога? Почему я считаюсь богом где угодно, но только не в Риме?

Агриппина. Ты сошёл с ума? Только представь, какой гнев бессмертных ты можешь на себя навлечь.

Ливилла. Если уже не навлёк… На нас всех.

Калигула разводит руки в стороны и оглядывается. Затем начинает истерично хохотать.

Сенека. Всё зашло дальше, чем я думал. Макрон был прав…

Клавдий. Не знаю, о чём ты, но я хочу, чтобы этот вечер как можно быстрее закончился.

Калигула. Боги? Гнев? Где они со своим гневом? Я вижу здесь только вас, грустных и испуганных свиней.

Агенобарб. Гай, ты и правда переходишь все границы.

Калигула. Заткнись!

Агрипина. Гай, хватит! Лепид, Клавдий, скажите хоть вы ему!

Клавдий. Думаешь, он послушает?

Калигула. О да, я не послушаю. Вы так лицемерно привыкли переживать о богах, но, мне кажется, моего гнева вам стоит бояться немного больше. Ведь если они где-то на небе или под землёй, то я, их меч, прямо здесь и сейчас.

Сенека. С меня хватит, я ухожу. *(Встаёт.)*

Калигула. На место!

Сенека. Нет.

Калигула. Я сказал, на место!

Сенека. Иначе что? Убьёшь? Для меня моя честь дороже жизни.

Публий Аспрен. О боги, Луций, сядь! Не провоцируй его!

Калигула. Смерть? Нееет, это слишком просто. Ты сам будешь умолять меня о смерти, если откажешься подчиняться. Это всех касается!

Сенека. Я римский сенатор, а не твой слуга.

Калигула. Вот как?

Ливилла. Прекратите это! Мне страшно! Гай!

Входит Макрон.

Макрон. Видимо, это и правда всего лишь гром – снаружи начался ливень, но все перепуганы из-за того грохота… Что с вами? Что тут происходит?

Мнестер. Кажется, у нас тут небольшие проблемы…

Калигула. Точно, ты ведь ещё не в курсе. Я решил побыть богом, что скажешь, Макрон?

Сенека идёт к двери, его пытается удержать Публий Аспрен.

Макрон. Богом… В смысле?

Сенека. Скажи ему, что он сошёл с ума, и плевать, что будет дальше. Ему должен это кто-то сказать.

Макрон пятится назад и замирает возле Сенеки. Калигула угрюмо достаёт из ножен меч.

Мессалина. Давай, Цезарь! Выплесни свой гнев!

Агриппина. Замолчи, дура! Что ты делаешь?

Мессалина. Они мне никогда не нравились. Что такого, если их пустые головы слетят с плеч?

Клавдий (*встаёт и протягивает руку*). Остановись, Гай. Ты не бог. Не совершай того, о чём потом пожалеешь.

Лепид. Пусть будет богом, если хочет! Я с тобой, Гай!

Ливилла. Прекратите всё это! Прекратите!

Апеллес. Какое потрясающее безумие! Сколько драматизма! Жаль, этого не видят все римляне, они бы завалили нас венками и монетами за эти прекрасные роли.

Мнестер. Лишь бы все актёры дожили до конца пьесы…

Калигула. Стойте, где стоите!

Подходит к Сенеке и Макрону, поднимая меч. Сзади них прячется испуганный Публий Аспрен.

Агриппина. Гай!!!

Вбегает слуга.

Слуга. О Цезарь, Юлия, Юлия! Она…

Калигула. Что она? Что с моей сестрой?

Слуга. Она умерла…

Все вскакивают с мест.

Калигула. Нет… Нет!!!

Безумно оглядывается и падает на пол в приступе эпилепсии. Все растерянно застывают и молча смотрят друг на друга.

Мессалина. Ужас.

Ливилла. Это неправда, этого не может быть… Бедная Юлия…

Агриппина. Я это предчувствовала, но всё равно не верится почему-то.

Молчание.

Лепид. Да уж, ну и вечер…

Клавдий. Это всё, что ты можешь сказать о смерти жены?

Публий Аспрен. Извините, что вклиниваюсь, но… Надо помочь Цезарю, наверное… Да?

Сенека. Лично у меня нет такого желания, да и он сам скоро придёт в себя. Более того, когда это случится, он о нас даже не вспомнит. Так что я всё же пойду. (*Оглядывается.*) Мне жаль, что всё так вышло, и жаль Юлию… Примите мои соболезнования и передайте их… Ему.

Уходит, следом выходят Макрон и Публий Аспрен. Оставшиеся молча смотрят на бьющегося в судорогах Калигулу и друг на друга.

ДЕЙСТВИЕ 3

Заключительная сцена

Действующие лица:

Калигула *(принцепс)*
Цезония *(жена принцепса)*
Каллист *(либертин)*
Геликон *(либертин)*
Мнестер *(актёр)*
Мессалина *(жена Клавдия)*
Слуги

Конец 39 г. н.э. Покои Императора в Лунгдунуме. Ужин при тусклом свете.

Каллист. Мне кажется, Императору всё же стоит вернуться в Рим. Долгое отсутствие может негативно повлиять на сенаторские умы, породить новые заговоры…

Цезония. Гай пока не хочет возвращаться, правда же?

Калигула. Не хочу…

Цезония. Ну вот и хорошо. Нечего там делать.

Мнестер. Рим… Интересно, что там сейчас нового?

Мессалина. А я бы вернулась. Здесь тоже неплохо, конечно, но в Риме куда веселее.

Цезония. Ты всегда думаешь только о развлечениях?

Мессалина. А ради чего ещё стоит жить?

Цезония. Гаю сейчас тяжело, и если он не хочет обратно, мы должны его поддерживать и быть рядом с ним.

Мессалина. Мы же поддерживаем. Жаль только, нас не так много тут осталось…

Геликон. Преступники должны были быть наказаны, разве нет?

Мессалина. Сестёр можно было и пощадить.

Калигула. Пусть радуются, что я не отрубил их бестолковые головы, как Лепиду и Гетулику.

Каллист. Цезарь был очень великодушен с ними, хотя, конечно, имел право и на более суровое возмездие.

Геликон. Не менее великодушен, чем с заговорщиками из Сената. А ведь их давно пора перебить всех до одного. Так будет спокойнее нам и всей Республике.

Каллист. Сенат не лупанарий. Если навести там слишком много шума, то можно получить необратимые последствия.

Геликон. Ха-ха! Да ни в одном римском лупанарии нет столько шлюх, как в Сенате. Это не мы должны их бояться, а они нас.

Калигула. Они будут бояться. Если я и вернусь в Рим, то с мечом в руках.

Мнестер. Так, может, и правда уже вернёмся?

Цезония. Тебя-то здесь точно никто не держит. Можешь уезжать хоть сейчас. Я права, Гай?

Калигула. Да, я никого тут не держу.

Цезония. Ну вот, прощай, Мнестер. Прощай, прощай.

Мнестер молча кланяется и уходит.

Мессалина. Зря мы его отпустили, теперь здесь совсем скучно. Тем более он такой симпатичный мальчик…

Цезония. Насладишься им потом когда-нибудь.

Мессалина. Я сегодня хотела, а не когда-нибудь.

Цезония. Так беги и догоняй.

Калигула (*задумчиво*). Они прислали ко мне Клавдия.

Цезония. Что?

Калигула. Они прислали Клавдия с поздравительной делегацией только для того, чтобы унизить меня. Я подавил семейный заговор, и они отправили сюда родственника заговорщиков, этого кривого старика.

Мессалина. Это и твой родственник, Гай.

Калигула. Он больше похож на нелепое домашнее животное, но уж никак не на моего родственника.

Мессалина. Если не хочешь считать его своим родственником, то вспомни хотя бы, что он мой муж. И ты сам меня за него отдал.

Калигула. Закончим о нём.

Мессалина. Хорошо, но бросать его в реку было совсем некрасиво с твоей стороны. Как будто он хотел тебя огорчать.

Цезония. И правда хватит. Тема семьи слишком сложна для нашего любимого Гая.

Калигула. Моя семья давно умерла.

Каллист. В последние годы вообще много смертей.

Мессалина. Это точно.

Калигула. Не меня ли вы в этом вините?

Молчание.

Калигула. Они не хотели, чтобы я правил Римом. Наоборот, они все хотели править мной, сыном Германика. Так же, как когда-то моим отцом.

Цезония. Мы всё понимаем, Гай.

Калигула. Я собирался дать им свободу, но она здесь никому не нужна. Я хотел показать им красоту искусства, но им не нужно и это. Единственное, что им необходимо как воздух — это страх, ненависть и развлечения. Вот то, в чём они черпают смысл жизни. Я всего лишь играю по их правилам.

Цезония. Не нужно ничего объяснять, вокруг тебя теперь только близкие и понимающие люди.

Калигула. Вокруг меня пустота. Даже любимый актёр убежал.

Геликон. Надо было убить его, как Апеллеса. Впрочем, ещё не поздно это сделать, он не мог далеко уехать.

Калигула. Забавно, не правда ли? Одна ваша рука тянется к милосердию, а другая к пыткам и смертям.

Каллист. Такова человеческая природа, Цезарь.

Геликон. Не вижу ничего плохого в том, чтобы купаться в крови своих врагов. Тем более иначе они будут купаться в твоей крови.

Мессалина. А я люблю иногда побыть милосердной. Помню, в конце того года один раб, Фемес, кажется, разбил мой шар из горного хрусталя. Сначала я приказала скормить его рыбам и даже пошла на это посмотреть. Но он так громко рыдал, что в последний момент я подарила ему жизнь. Он так забавно облизывал мои туфли, я даже расхохоталась.

Цезония. Ты уже рассказывала эту историю, Мессалина. Если я ничего не путаю, через две недели ты всё равно скормила его рыбам.

Мессалина. Ну да, оказывается, он повадился пить моё столетнее вино из Лациума. Как будто оно было сделано ещё при первом триумвирате для каких-то рабов.

Каллист. Рабам не чуждо ничто человеческое.

Мессалина. Прости, я забыла твою биографию.

Каллист. Я не в обиде.

Молча пьют вино.

Геликон. Мы всю неделю развлекались гонками колесниц. Может, придумаем что-то другое на завтра?

Калигула. Придумай, мне всё равно.

Цезония. Не надо так грустить, любимый. У меня разрывается сердце.

Каллист. И правда, Цезарь, жизнь продолжается и бывает весьма прекрасной.

Калигула. Вот и радуйся ей, а мне давно уже не до веселья. Всё надоело.

Геликон. Можно устроить гладиаторские бои.

Цезония. Или соревнования актёров.

Мессалина. Или развлечься с рабами, как тогда в Байи.

Цезония. В этом году?

Мессалина. Нет, в прошлом. Тебя тогда ещё с нами не было. Была я, Сцилла, сёстры Цезаря…

Калигула вздыхает и отворачивается.

Мессалина. Прости, Гай, не хотела напоминать. Я вообще слишком много болтаю сегодня. Наверное, мне пора пойти отдохнуть. Доброй ночи всем. *(Уходит.)*

Калигула. Даже она порой бывает человечной.

Цезония. Она всегда непредсказуема. Я тоже была такой в её годы.

Калигула. Ты не сильно постарела.

Цезония. Но постарела…

Каллист. Вечны только боги. Как наш славный Цезарь.

Геликон. Истинно так!

Калигула. Я не бог, оставьте эти глупые шутки для Сената.

Геликон. Как, уже нет? *(Смотрит с недоумением.)*

Калигула. Идиот…

Геликон. Виноват, виноват, виноват.

Калигула. Скажи, зачем я дал тебе свободу, Геликон? Ты ведь сохраняешь в себе раба.

Геликон. Цезарь даровал мне свободу, потому что был очень милостив ко мне. Он оценил мою преданность.

Калигула. Я купил твою преданность так же, как её может купить любой другой. Вопрос лишь в цене.

Геликон. Величайшее заблуждение! Моя преданность вечна и безгранична.

Калигула. И ты можешь это доказать?

Геликон. Только прикажи мне, Цезарь! Только прикажи.

Калигула. Ну давай. Нож рядом с чёрной амфорой... Возьми его и перережь себе горло.

Тишина.

Калигула. Чего же ты ждёшь? Действуй, не заставляй ждать своего Императора. И своего бога.

Цезония. Режь уже, болван!

Геликон медленно берёт нож и дрожащей рукой приставляет к горлу. Затем роняет нож и закрывает лицо руками.

Геликон. Не могу, не могу…

Калигула. А меня бы ты зарезал не задумываясь. Иди спать, Геликон, и подумай о моих словах.

Геликон. Простите меня… *(Резко поднимается и уходит.)*

Каллист. Такого приказа он точно не ожидал…

Калигула. Считаешь, я был слишком жесток?

Каллист. Нет, просто это было немного неожиданно. Впрочем, как и всегда.

Цезония. Гай такой фантазёр. Я сразу поняла, что он дурачится.

Каллист. К сожалению, не все и не всегда это понимают в Риме. Последний заговор был третьим за год.

Цезония. Если там ещё и остались какие-то заговорщики, то мы уничтожим их после нашего путешествия в Британию.

Каллист. Это уже решено?

Калигула. Решено. В Риме сейчас всё равно нечего делать, так хоть развлечём себя битвами с дикарями. Да и казну неплохо бы пополнить, эти проглоты каждый год требуют всё больше и больше. Мои сёстры были правы лишь в том, что римляне будут лизать твою руку, пока она полна, и укусят её, едва она опустеет.

Каллист. Честно говоря, я не думаю, что сейчас подходящее время для войн. Нам бы хоть немного всё успокоить, а потом уже…

Калигула. Они не успокоятся, Каллист. Они никогда не успокоятся. Я уже не так глуп, чтобы в это верить.

Каллист. Почему же так обречённо? Сенат можно купить, запугать, наказать, на худой конец.

Калигула. Как, ты ещё не понял? Я не такой, как они, и всегда буду для них лишним. Они не понимают меня, Каллист, и поэтому ненавидят.

Цезония. Пусть ненавидят! Лишь бы боялись!

Калигула. Тихо. Кажется, я что-то слышал…

Все прислушиваются, и спустя несколько мгновений раздаётся сильный раскат грома. Калигула в оцепенении смотрит в никуда и падает в эпилептическом припадке.

Цезония. О боги, Гай. Опять это происходит! *(Бросается к Калигуле и держит его голову.)*

Каллист. Император!

Пытается помочь, но Цезония его отталкивает.

Цезония. Уходи! Я сама!

Каллист. Я помогу!

Цезония. Пошёл вон! Тихо, Гай, тихо… Всё хорошо…

Каллист долго смотрит на конвульсии Калигулы и затем удаляется.

Цезония. Всё будет хорошо, милый Гай. Ты со мной, и с тобой ничего не случится. Всё пройдёт.

Калигула (*запинаясь*). Я… Я ещё жив?

Цезония. Конечно жив, любимый. Ты ведь мой бог, ты не можешь умереть.

Калигула. Я опять видел Юпитера, вон… Вон там в углу. Он… Он протягивал мне руку. Как тогда, в первый год моей… Моей власти…

Цезония. Боги не оставляют тебя, ведь ты и сам один из них. Они тебя очень любят, как и я.

Калигула. Голова очень болит…

Цезония. Всё пройдёт, я подую на неё, и всё пройдёт.

Дует на лицо. Калигула закрывает глаза и вскоре начинает монотонно говорить.

Калигула. …Ветер, узнаю жаркий ветер Сирии... Бойся, Германик, надежда Рима, бойся предательства… Яд преуспеет там, где будет бессилен солдатский меч… Никто не ответит… Попрощайся с семьёй… Смерть и за ними шагает… Вижу уже… Вижу голод, терзающий женщин… Вижу уже мечи, воздетые над мужчинами… И волчонка убьют на потеху Риму! И второго волчонка… Я, Сивилла Германская, говорю тебе – проклят ты и твоё наследие…

Цезония плачет и гладит щёку Калигулы, он открывает глаза и грустно смотрит на неё.

Цезония. Бедный мой мальчик, опять эти видения… И за что тебе всё это досталось?

Калигула. Они убьют нас?

Цезония. Нет, Гай, они не посмеют. Ты ведь бог, понимаешь?

Калигула. Если бы я им был, Цезония. Если бы я им был…

Цезония. Ты мой бог, и мне этого достаточно. Мы вечно будем вместе, что бы ни случилось.

Калигула. Не отдавай им меня, пожалуйста… Я не хочу умирать.

Цезония. Я никогда никому тебя не отдам. Никому на свете, клянусь тебе. Но и ты стань тем, кем сам себя назначил, кем тебя сотворила История. Стань Юпитером, Марсом, Геркулесом... Накажи их всех! И мы будем править вечно. Только ты и я. *(Прижимает его к себе.)*

В конце комнаты дёргается огромная штора, и за ней появляются лица Геликона и Каллиста. Говорят шёпотом.

Геликон. Может, стоит закончить это прямо сейчас?

Каллист. Он и так уже не жилец. В Риме его разорвут на части.

Геликон. Так же думали и про Тиберия, но он держался десятки лет.

Каллист. Тиберий был мужчиной, а это ребёнок. Причём весьма несчастливый…

Геликон. Ты так говоришь, словно тебе его жаль. А ведь он чуть не зарезал меня сегодня.

Каллист. Его и правда стоит пожалеть, Геликон. Возможно, он самое несчастное существо во всей Республике.

Геликон. Ты шутишь? За неполных три года он вырезал больше народу, чем все предыдущие правители, включая Суллу.

Каллист. Ты бы поступил иначе? Он раб, Геликон, такой же раб, как и мы с тобой. Просто мы получили свою свободу, а он так и не смог.

Геликон. Ты слишком долго общался с патрициями, я перестаю успевать за твоими мыслями.

Каллист. Просто пообещай мне пока его не трогать. Тем более мы так увязли в его делах, что наши головы давно обесценились во всех частях света.

Геликон. Но как хотелось бы перерезать ему горло! И этой старой стерве!

Каллист. И тут же погибнуть под мечами претория? Пойдём лучше спать.

Геликон. Ладно… Пусть пока живут.

Каллист. Геликон.

Геликон. Что?

Каллист. А ведь он был прав в отношении тебя. И всех нас.

Геликон. О чём ты?

Каллист. Неважно…

Геликон пожимает плечами и исчезает за шторой. Каллист ещё какое-то время задумчиво смотрит на Калигулу и Цезонию, затем тоже скрывается во мраке.

СОБАКИ

Пьеса
в одном акте

Сцена первая

Действующие лица:
Василий *(глава семейства Полозовых)*
Нина *(его жена)*
Виктор *(их сын)*

Неопределённое время и место. Гостиная обычной квартиры в многоэтажном доме. Василий лежит на диване с газетой, его жена в кресле красит ногти, сын делает уроки за столом. Негромко играет радиоприёмник.

Нина. Что-то снилось сегодня всю ночь, и никак не могу вспомнить…

Василий. Наверное, опять какие-то глупости.

Нина. Наверное…

Василий. Этот идиот вчера опять потерял ключи от ангара.

Нина. Кто?

Василий. Да мой новый напарничек. Я же тебе рассказывал.

Нина. Ааа.

Василий. Второй раз за неделю, представляешь… Откуда только такие берутся?

Нина. Ой, у меня не лучше. Два месяца назад к нам в контору привели новую девочку, она из соседнего городка приехала. Так вот она за это время даже не научилась пользоваться степлером. Уже две штуки сломала. Теперь как минимум полгода будет бесплатно работать.

Василий. А что это такое?

Нина. Ну ты чего, Вась? Такая штука, чтобы листы скреплять скобками.

Василий. Точно.

Нина. Очень удобно – чик, и готово.

Василий. Да понял я… Поназывают чёрт знает как всё вокруг, ходи потом голову ломай. Мне вчера вон замдиректора говорит – иди принеси в мой кабинет слайсер из гаража. Резак он не мог сразу сказать, ему, видите ли, выпендриться надо, какие он слова знает. Типа два высших образования у него или сколько там? Клоун.

Нина. Потому и замдиректора, что два высших.

Василий. Ой, ты только не начинай! Сама знаешь, как он туда пристроился... Был бы у меня такой блат, как у него, я бы уже свой собственный комбинат открыл.

Нина. Ты уже много чего открывал, потом только всем должен оставался. В этом деле мозги нужны.

Василий. Я тупой, значит?

Нина. Почему сразу тупой… Просто у тебя мозги не на это заточены. Там же, в коммерции этой, хитрить постоянно надо, изворачиваться. У нас вон прошлый начальник конторы на что увёртливый был, а всё равно посадили. Теперь, правда, все его миллионы никак не могут найти. Говорят, успел куда-то спрятать, паразит.

Василий. Вот из-за таких паразитов я и оставался должен. Будь моя воля, я бы их всех на одном пароходе на Колыму отправил, как Ленин.

Нина. На одном все не поместятся…

Виктор. Ленин на двух пароходах отправил. Только не жуликов, а философов, и не на Колыму, а в Германию.

Василий. Ты давай там не умничай сильно. Сам знаю, в школе учился... Вот видишь, мать, у нас всегда всякую нечисть на Запад шлют, чтоб им ещё красивее жить стало. А надо на Колыму.

Виктор. Но туда пароходы не ходят.

Василий. Ты, раз такой умный, скажи лучше, где вчера вечером был? Опять мячик пинал с дружками?

Виктор. Нет, у Антона дома презентацию по биологии готовили.

Василий. Допустим. Что за Антон-то?

Виктор. Ну новенький с нашего класса, ты видел. Он с родителями над нами уже второй месяц живёт.

Нина. Над нами? Лисицыны, что ли?

Василий. А их Лисицыны разве зовут?

Виктор. Ну да.

Василий. Там такой прилизанный мужик в костюме и длинная такая вобла в очках, да?

Нина. Ну Вася…

Виктор. Да, это его родители.

Василий. Отлично. Я-то думал: кто это там вместо Тихона заселился и сутками крутит чёртову классику? А это прилизанный и его вобла. Мог бы и сразу догадаться.

Нина. Ну, знаешь… Во-первых, она не вобла, просто худая… Во-вторых, Тихон твой вообще шансон включал на всю ивановскую, как только напьётся. А пил он каждый день.

Василий. Нормальная музыка, слова хотя бы есть. И кто сейчас не пьёт по такой жизни?

Нина. Ну вот он и допился до цирроза, Тихон твой.

Василий. Здоровьем, знаешь, не напасёшься. Главное, что мужик нормальный был, душевный.

Нина. Был да сплыл. Одним алкоголиком меньше.

Дует на ногти и красит дальше.

Василий. Это тебя в твоей церкви учат так о покойниках отзываться?

Нина. В церкви чему надо учат. Сам бы сходил уже давно. С нашей свадьбы, наверное, не был.

Василий. Что я там забыл? Поповские сказки можно и по телевизору послушать, только желания нет.

Нина. Наш телевизор не работает. И ты, кстати, обещал с этим разобраться.

Василий. Разберусь, не всё же сразу.

Нина. Третий день уже это говоришь.

Василий. Вон послушай лучше, что в газете пишут. (*Делает ехидный голос.*) Пятнадцатого августа наш корреспондент встретился с удивительным и прекрасным человеком – мэром нашего любимого города.

Нина. Ну встретился и встретился. Что дальше-то?

Василий. Нет, ну ты посмотри! Это наш мэр-то удивительный и прекрасный человек? Ты его машину видела? А дача у него какая за городом? Небось и детей давно за бугор пристроил учиться.

Нина. Дался он тебе сто лет. О нас подумай лучше и о нашем телевизоре. Сегодня в девять, между прочим, мой любимый сериал. Мне что теперь, опять на работе узнавать, женился уже Мигель или нет?

Василий. Вечно только о своём Мигеле и думаешь, дура. Ничего серьёзного в голове не осталось.

Нина. Ну уж о нашем мэре точно не думаю. Я проголосовала как надо, дело своё сделала, и пусть он теперь думает о нас о всех, а не мы о нём.

Василий. Он-то думает, да не о том. Карман свой только и набивает каждый день.

Виктор. Почему тогда его ещё не посадили?

Василий. Ха, слышала, мать? Как будто его посадить можно. Ну ты выдал, сынок.

Нина. Наверное, можно. Посадили же в соседнем городе.

Василий. Да не поделился просто в соседнем городе, вот и вся история. А наш-то лось поумней небось.

Нина. Ну не знаю. Живём же как-то при нём и живём. Хотя дороги можно было и починить уже. У меня не сегодня-завтра второй каблук сломается за этот год.

Василий. А что ему до твоих дорог? У него машина как танк, а ещё немного поворует, и на вертолёт пересядет. Будет летать над простыми смертными как ворона, каркать сверху, приказы раздавать.

Нина. Ой, и пусть пересядет уже. Может, тогда успокоишься и перестанешь ворчать. (*Дует на ногти.*) Скажи, Вить, а как у них там дома-то, у Лисицыных у этих?

Виктор. Нормально. Во всяком случае, телевизор работает, и на кухне ещё один.

Нина. Слышал, Вась? У них даже на кухне телевизор, а у нас так вообще ни одного теперь.

Василий. Так и живи с ними, держу, что ли?

(*Отгораживается газетой.*)

Нина. А зачем им на кухне, Вить? Кто его там смотрит?

Виктор. Все смотрят.

Нина. Как это?

Виктор. Ну, они просто вместе ужинают на кухне и смотрят телевизор.

Нина. Вась, они ещё и ужинают вместе.

Василий. Я уже понял, что чудаки те ещё.

Нина. Ну что ты так сразу? Вить, а кем они работают?

Виктор. Дядя Саша вроде бы учёный, а Ангелина Павловна, кажется, психолог. Я не помню точно, но вроде она говорила, что психолог.

Нина. Имя-то какое красивое, Ангелина.

Василий. Обычное имя. Теперь всему ихнему завидовать будешь?

Нина. Просто интересно.

Виктор. У них ещё аквариум есть с рыбками.

Нина. Ого, большой?

Виктор. Да, квадратный такой, на полстены.

Нина. Класс. А что за рыбки?

Виктор. Разные там, жёлтые и красные. Я не помню, как называются. И пианино есть в зале.

Нина. Пианино-то им зачем?

Виктор. Они все играют иногда.

Василий. Во-во. У меня от ихнего брынчания скоро крыша поедет.

Нина. Ну подожди, Вась. Хватит уже ворчать. А чего это они всей семьёй играют, они же не музыканты вроде?

Виктор. Просто нравится им, вот и играют. Дядя Саша говорит, что каждый человек должен это уметь. Вроде бы как это делает людей лучше. Он вообще часто говорит, что без творчества и без искусства жизнь ничего не стоит.

Василий. Ты в следующий раз скажи этому чудаку, что ему неплохо было бы поработать на нашем комбинате. Там из него быстро вышибут всю эту сопливую чушь, а то искусство у него там, творчество какое-то. Небось тяжелее стакана ничего в жизни не поднимал.

Виктор. Он не пьёт.

Василий. Язвенник, что ли?

Виктор. Просто не пьёт, не хочет.

Василий. Дал же бог соседа.

Нина. Да уж не алкаш, как твой Тихон.

Василий. Отстань от мёртвого человека!

Нина. Да он мне и живой сто лет не был нужен. Теперь разве что в подъезде чище стало. И спокойнее.

Василий. Ну-ну.

Голос в радиоприёмнике: «А теперь к новостям… Правительство Империи радо сообщить, что по требованию верующих к концу года откроется ещё тысяча храмов и церквей. Что особенно приятно – они все будут работать в круглосуточном режиме».

Василий. Ого! Молодцы, давно пора.

Нина. Ты чего, Вась? Верующим стал, что ли?

Василий. При чём тут это? Открывают, а не закрывают ведь. Раз открывают, значит, дела идут, хорошо работают.

Нина. Ну с этим да, не поспоришь.

Виктор. А зачем нам ещё тысяча церквей? Вроде и так уже у каждого дома есть. И никто не ходит…

Василий. Ты давай глупости не говори. Мал ещё, чтоб такое понимать. Там наверху-то уж, наверное, виднее, что открывать. Раз по радио объявили, значит хорошее дело. По имперскому радио чепухи не скажут.

Виктор. Ну не знаю, дядя Саша говорит, что вера – это личное дело каждого, и измеряется она хорошими делами, а не походами в церковь по праздникам.

Василий *(откладывает газету)* Вот как? Он ещё и про нашу веру что-то рассуждает?

Виктор. Ну да, как и все люди.

Василий. Тоже мне людей нашёл. Мы вот завтра же с утра все вместе пойдём в церковь и будем стоять там, пока не закроется. А этот твой дружок-интеллигент пусть сидит дома и размышляет себе сколько ему влезет.

Нина. Вась, я тебя прям не узнаю. Ты хоть час там продержишься?

Василий. А чем я хуже тебя? Сколько надо, столько и продержусь. И вообще нам пора пост устроить, сорок дней или сколько там?

Нина. Да у нас и так сплошной пост постоянно, с картошки на капусту перебиваемся.

Василий. Зато честно заработанное едим, не то что эти интеллигенты сверху.

Нина. Не дают они тебе покоя.

Василий. Умные слишком, как я посмотрю. Терпеть таких не могу.

Нина. Ну, знаешь, может, ты тоже кому-то не нравишься…

Василий. А я и не пряник – всем нравиться. Зато своё дело делаю и в чужие дела не лезу.

Виктор. Так и они вроде не лезут.

Василий. Ты поэтому таким умным стал после походов к ним? Это они неспроста тебе свои сказки рассказывают, а хотят показать, что они лучше нас.

Виктор. Как это?

Василий. А вот так. Поиграли тебе на пианине, накормили плюшками, рассказали невесть что, а ты и уши развесил. На самом деле там и смотреть-то не на что. Рыбки у них плавают, тоже мне невидаль какая.

Нина. Ты так говоришь, словно они специально завели рыбок, чтобы тебя унизить.

Василий. Не удивлюсь, если так и есть.

Нина. Вась, ты не центр Вселенной.

Василий. Много ты понимаешь… От таких, как они, никогда не знаешь, чего ждать. И почему это они вообще в нашем подъезде оказались, раз такие умные? Ехали бы сразу за бугор, там таких любят.

Нина. Почему за бугор-то сразу? Пусть живут, где хотят.

Василий. Вот они и живут, где хотят, а должны жить за бугром. Мы не для того Империю строили, чтобы здесь всякие умники диктовали свои правила.

Нина. Так они ничего и не диктуют. Живут себе и живут.

Василий. Сейчас, может, и не диктуют, а потом начнут.

Нина. Ты их всего пару раз видел, а уже такие мысли. Что они тебе сделали?

Василий. Знаешь, когда сделают, будет поздно.

Нина. По-моему, у тебя уже мания преследования. И величия.

Василий. И это говорит мне родная жена? Лучше бы за сыном присматривала, а то он непонятно где вечерами бродит.

Нина. Ты сам-то когда с ним время проводил?

Василий. Я, между прочим, много работаю, чтобы содержать нашу семью, чтобы у нас всё было не хуже, чем у других.

Нина. У других вон по два телевизора, Вась. А у нас теперь ни одного.

Василий закрывается газетой и сопит.

Виктор. И аквариума нет…

Василий. Я простой рабочий, а не чиновник и не олигарх. И я горжусь своей работой.

Нина. Да это всё понятно, не кипятись.

Василий. А нечего меня этими телевизорами попрекать. Вон у нашего мэра их штук двадцать, небось, идите к нему и смотрите сколько влезет.

Нина. Ох, Вась, ты перестал бы нашего мэра постоянно поминать. Забыл, как тебя высекли на площади на Новый год?

Василий. Ну, допустим, там не только меня тогда высекли.

Нина. Ну да, ещё Тихона твоего. Потому что вы вдвоём уже к обеду наклюкались и полезли на городскую ёлку.

Василий. Там огоньки были красивые… И ты сама сказала, что они прекрасно бы смотрелись на нашей ёлке.

Нина. Ну да, ну да… Только ты мало того что полез гирлянды воровать у всех на глазах, так ещё и кричал сверху, что ворюга-мэр не обеднеет.

Василий. Кто знал, что он рядом стоит с охраной? Да и что я не так сказал?

Нина. Да ничего. Лучше бы ты в тот день вообще дома остался. Позор-то какой – третий раз секли за год и опять у всех на глазах. Умеешь ты на ровном месте находить всё это.

Василий. Сознаю, сделал глупости и за них ответил. А кто без греха, ты, что ли? Сама-то забыла, как год назад за опоздание на работу просила прощения на коленях перед начальником? Или как там же за сломанную дверную ручку отдала месячный оклад?

Нина. Не забыла.

Василий. Вот-вот.

Нина. Но я не специально всё это делала, а ты всегда специально. Вить, а о чём они говорят на этой кухне своей?

Василий вздыхает и снова отгораживается газетой.

Виктор. Да о разном – о погоде, о музыке, о литературе…

Нина. Что, прям только об этом и говорят?

Виктор. Ну да, в основном.

Нина. Вот заботы у людей. А мы только о деньгах да о политике.

Василий. Почему же, ты ещё про телевизор постоянно вспоминаешь.

Нина. Ой, не трави душу. До сериала пара часов всего осталась.

Василий. А вот интересно мне: что это за люди такие, которые не говорят о политике? У них что, своих взглядов нет? Или они, наоборот, что-то скрывают?

Нина. Может, просто скучно им про такое говорить. Мне вот тоже надоедает, когда ты начинаешь.

Василий. Вот как? А ты в какой стране живёшь, не в этой разве? Тебе, может, уже неинтересно, что тут и как будет происходить? Может, тоже уже лыжи навострила куда-то?

Нина. Да уж, с тобой навостришь.

Василий. В то время как наша Империя разгибает плечи, в то время как наши враги скалятся со всех сторон…

Нина. О боже, Вась. Прекрати уже читать эту газету, у меня голова разболелась.

Василий. Дура ты. Чему там болеть-то? Пойду покурю лучше.

Нина. Иди-иди, проветрись.

Василий отбрасывает газету и выходит.

Нина (*откидывается в кресле и смотрит на потолок*) Два телевизора…

Виктор. Да.

Нина. И аквариум…

Виктор. Ага. С рыбками.

Нина. Эх… Расскажи про них ещё что-нибудь, Вить.

Виктор. Они были за границей несколько раз.

Нина. Врёшь?

Виктор. Правда. У них там разные сувениры стоят на полочках. Ракушки там всякие, башни, пирамиды.

Нина. Как же они там оказались-то, за границей этой? У них там родственники, что ли?

Виктор. Да нет вроде, просто в отпуск ездят иногда.

Нина. Во дают. А я и забыла, когда у нас отпуск был. Да и вообще всю жизнь тут… А как там вообще, они рассказывали что-нибудь?

Виктор. Ну да, немного. Там большие города всякие, моря, пляжи, отели, магазины, где можно покупать что хочешь.

Нина. Прям что хочешь? А если я слона захочу, например?

Виктор. Ну, слона, наверное, не продадут.

Нина. Вот видишь, значит, не всё что хочешь.

Виктор. А зачем тебе слон?

Нина. Да так просто сказала… Что там ещё интересного?

Виктор. Рассказывали, что там ночью светло как днём.

Нина. Как это?

Виктор. Фонари всякие светят, витрины, лампочки. Получается очень светло.

Нина. И зачем столько света ночью?

Виктор. Гуляют, наверное, все, не спят, вот и света много.

Нина. Да ну, глупости какие-то, разве можно гулять по ночам? Арестуют же сразу.

Виктор. Получается, можно.

Нина. Ну не знаю… А ещё что рассказывали?

Виктор. Что все тебе улыбаются, когда куда-то идёшь, здороваются.

Нина. Прям все?

Виктор. Ага.

Нина. Да не, точно заливают эти Лисицыны твои. Кто тебе будет улыбаться ни с того ни с сего? Да ещё и здороваться… Заливают, я тебе говорю.

Виктор. Может быть, не знаю. Ты спросила, что рассказывают – я и говорю.

Нина (*задумчиво*). Как они в нашем доме оказались? Ума не приложу. И что же мне всё-таки снилось?

Входит Василий и устраивается на диване.

Василий. Угадайте-ка, кого я только что встретил в подъезде?

Нина. У нас в подъезде живёт полсотни соседей, откуда мне знать?

Василий. Этого прилизанного в костюме, вашего нового кумира.

Нина. Поздоровался хоть с ним?

Василий. Я? С ним? Конечно. И поздоровался, и всё, что о нём думаю, высказал.

Нина. О боже, Вася, ты даже покурить уже нормально не можешь. Что ты ему наговорил?

Василий. Я ему? Да я бы вообще его не заметил, если бы он сам не подошёл. Я, значит, стоял, курил себе спокойно, а тут он заходит в подъезд и говорит: «Чтоб больше не дымил тут, козёл». Ну, я ему и объяснил, что я о нём думаю.

Нина. Неужели он прямо так и сказал?

Василий. Ну, почти так.

Нина. А если честно? Что он тебе сказал?

Василий. Ну ладно, ладно. Он сказал что-то вроде (*ехидный голос*): «Здравствуйте, простите мою нескромность, но не могли бы вы курить на улице?» У него, видите ли, астма.

Нина. И это, по-твоему, «чтоб больше не дымил, козёл»?

Василий. Какая разница? Смысл ведь тот же.

Нина. Ох, Вася, Вася. И что ты ему ответил?

Василий. Разумеется, послал куда подальше.

Нина. Кошмар.

Василий. И ещё сказал ему, чтоб он со своей семейкой больше на километр не приближался к нашему сыну.

Виктор. Ужас.

Нина. Мда. Надеюсь, ты хотя бы не ударил его?

Василий. Я хотел, но он убежал в свою конуру. Интеллигент вшивый. Наверное, дрался в последний раз с девчонками на выпускном. Естественно, он убежал, увидев перед собой настоящего мужчину.

Нина. Думаешь, это по-мужски – нападать на соседей?

Василий. А что ты его защищаешь? Может, я чего-то не знаю? Может, у вас уже что-то было?

Нина. Ой, я тебя умоляю. Мне просто не хочется, чтобы они считали нас дикарями.

Василий. А мне всё равно, что они там считают. Мало того, что они промывают мозг нашему сыну, так ещё и мне теперь будут здесь указывать. Я же говорил, им только волю дай, и сразу начнут свои правила диктовать.

Нина. Эх…

Василий (*грозит потолку кулаком*). Не на того напали! Да, да, не на того!

Нина. Я пойду сделаю себе чай. У меня что-то совсем голова разболелась.

Василий. А мне?

Нина. Обойдёшься. (*Уходит.*)

Василий (*устраивается удобнее на диване и прикрывает глаза*). Никогда не бери пример с матери, сынок. Она глупая баба и ничего не понимает в жизни.

Виктор. Не надо было ему грубить.

Василий. Что?

Виктор. Не надо было с ним так разговаривать.

Василий. Аа, ты за этого чудика переживаешь. Я ещё и не так с ним поговорю, если он сунется. Твой отец, между прочим, был чемпионом роты по боксу, таких хлюпиков, как этот, с одного удара выносил. И ты мог бы мной гордиться, между прочим, но нееет – тебе вшивые интеллигенты с рыбками дороже родного отца. Так получается?

Виктор. Да с чего ты взял?

Василий. А то я не вижу. Спелись тут с матерью вдвоём против меня, всё вам не нравится... Телевизора ей не хватает… Есть у нас телевизор! И второй будет!!!

Быстро входит Нина.

Нина. Когда?

Василий. Да ну тебя. (*Отворачивается к стене.*)

Нина. Понятно.

Уходит обратно.

Голос в радиоприёмнике: «А теперь к новостям… Правительство Империи радо сообщить, что по требованию граждан троекратно увеличивается численность вооружённых сил и сил внутреннего порядка, в связи с чем вводится 13 новых налогов и 666 сборов».

Василий (*поворачивается*). Ну наконец-то армию подняли, думал, уже не доживу.

Виктор. Куда подняли?

Василий. Куда надо подняли. Теперь всем по зубам дадим.

Виктор. Зачем?

Василий. Ты и правда дурак или прикидываешься?

Виктор. Да нормальный я. Вроде…

Василий. А я говорю, дураком растёшь. Ты что думаешь, что ты здесь просто так можешь сидеть в тепле, уроки свои учить, пить чай с сахаром, с отцом пререкаться? Это всё возможно, пока тебя наши войска охраняют от всякой нечисти.

Виктор. От кого?

Василий. Да от всех. Миллиарды людей спят и видят, как бы себе забрать всё, что у нас есть.

Входит Нина с чаем.

Нина. А что у нас есть?

Василий. Ты опять начинаешь? Между прочим, из-за тебя наш сын растёт болваном.

Нина. Да нормальный он. Вроде…

Василий. А я тебе говорю, болван. Кстати, только что по радио передали, что армия в три раза больше станет.

Нина. Куда ещё больше-то?

Василий. Запомни, женщина, армия большой не бывает, она может быть достаточной или недостаточной. Ну, нам так старшина говорил всегда… Короче, это нужно отметить.

Нина. Вась, ну ты опять? Вчера мало было, что ли?

Василий. Вчера я десять лет работы на комбинате отмечал, а сегодня надо выпить за возрождение армии. Святой же повод, тем более армия мне не чужая.

Нина. Ну да, не чужая. Год в стройбате, год в дисбате. Помню я.

Василий. Ну и что? Знаешь, как у нас старшина говорил? «Пусть говорят, стройбат неэффективен, пусть говорят, что в нём одна тоска… Но я горжусь, что я служил в стройбате! Ведь это королевские войска!» Вот так вот.

Нина. Угу, а мой отец говорил, что два солдата из стройбата заменяют экскаватор.

Василий. А где он служил?

Нина. Нигде. Он много учился, а потом много работал.

Василий. Ну вот оно всё и понятно – диванный генерал, специалист по всему на свете.

Нина. Так, Вася!

Василий. А что я такого сказал?

Нина. Ты сегодня много чего говоришь и всё не по делу. Скажи лучше, я посмотрю сегодня сериал или нет?

Василий. Никогда не женись, сынок, от баб одни проблемы.

Виктор. Хорошо.

Нина. Ты издеваешься? У меня слов уже нет.

Василий. Да успокойся уже, сейчас займусь твоим телевизором. В мастерскую схожу. (*Встаёт и уходит.*)

Нина (*вслед ему*). Это и твой телевизор, между прочим! (*Пьёт чай.*) Что там всё делаешь, Вить?

Виктор. Пишу сочинение по литературе. Ну то есть пытаюсь писать.

Нина. Молодец, хорошо пиши, чтоб всем понравилось. А какая тема?

Виктор. Называется «За что я люблю нашу Империю?»

Нина. Ааа, ну это важная тема, я тоже писала в твои годы.

Виктор. И что писала?

Нина. Ну как что? Писала, что мы самые большие, самые сильные, самые умные, самые красивые и, конечно же, самые духовные.

Виктор. Мне тоже так писать?

Нина. Ну да, ничего не поменялось же. Погоди, а что ты уже написал? Почитай.

Виктор. Ну вот слушай: «Меня зовут Виктор Полозов, мне 13 лет, и я с родителями живу в городе Холуев. Это один из многих уездных городов нашей Империи, и, как все её города, он очень красив и уютен. В городе Холуев есть школа, больница и даже детский сад, множество церквей и три военных части с красивыми ракетами».

Нина. Детский сад уже закрыли – исправь.

Виктор. Хорошо. «Ещё у нас есть площадь с ратушей, там живёт и работает наш мэр. Ещё…»

Нина. Подожди, просто «мэр» не пойдёт. Напиши «наш горячо любимый и уважаемый мэр».

Виктор. Понял, сейчас исправлю.

Нина. Хотя нет, напиши «наш горячо любимый и уважаемый мэр, которому мы все обязаны, как родному отцу». Лишним не будет.

Виктор (*скрипит ручкой*). Ага, сделал.

Нина. Читай дальше.

Виктор. «Ещё у нас есть площадь с ратушей, там живёт и работает наш горячо любимый и уважаемый мэр, которому мы все обязаны, как родному отцу. Ещё у нас есть рынок и два магазина, всё это находится напротив ратуши, и там можно купить еду и даже одежду. С другой стороны ратуши есть прекрасный пруд, где мы все любим проводить летние деньки. Мне особенно нравится, что рядом с прудом есть футбольное поле. Мы часто прогоняем с него коров и играем в футбол, а зимой в хоккей. Ещё у нас есть красивый лес, который окружает город. В нём есть грибы и ягоды, а иногда можно даже встретить белку… Но самое важное, что у нас есть – это, конечно же, памятник Императору. Он один из самых больших в Империи и стоит в самом центре города, между рынком и ратушей. Этот памятник олицетворяет собой всё величие и мудрость Императора, его мужество и целеустремлённость».

Нина. Это ты хорошо написал.

Виктор. Ага. «В целом наш город развивается, как и вся Империя. Вчера я сам видел, как наш мэр…»

Нина. Горячо любимый и уважаемый.

Виктор. «Вчера я сам видел, как наш горячо любимый и уважаемый мэр торжественно открыл новую автобусную остановку, а в следующем году он обещает открыть новую игровую площадку, где будут турник, качели, лестница и скамейка для отдыха. Это означает, что наш город станет ещё лучше и приятнее для жизни».

Нина. Слушай, у тебя тут всё про город, а надо же и про Империю написать.

Виктор. Тут дальше будет, вот слушай.

Нина. Ну?

Виктор. «Я люблю свой город, а так как я нигде больше не был, то я люблю и всю Империю. Ведь только в ней возможны такие прекрасные города, как мой родной город Холуев, и такие замечательные люди, как мои родители».

Нина. Не надо «родители», напиши «такие замечательные люди, как наш мэр». Лишним не будет.

Виктор. Хорошо. (*Скрипит ручкой.*)

Нина. В целом неплохо, хотя есть ещё над чем работать.

Виктор. Правда неплохо?

Нина. Ну да, я примерно так же писала в твои годы. Только автобусной остановки ещё не было тогда и памятника Императору тоже. А так всё точь-в-точь. Как сейчас помню, мне четвёрку за это сочинение поставили.

Виктор. Почему не «отлично»?

Нина. Потому что надо было писать не просто «мэр», а «горячо любимый и уважаемый». Так что учись на моих ошибках. Он же это читает потом.

Виктор. Зачем читает?

Нина. Ну как зачем… Чтобы перед другими мэрами стыдно не было. Вот представь, отправят твоё сочинение на какой-нибудь конкурс областной. Во всех сочинениях написано «наш горячо любимый и уважаемый мэр», а у тебя просто «мэр». Его же засмеют потом, понимаешь?

Виктор. Не особо.

Нина. Ну ничего, подрастёшь и поймёшь.

Виктор. Всегда ты со мной как с маленьким.

Нина. Не капризничай. Будешь макароны?

Виктор. Нет.

Нина. Пиши дальше тогда своё сочинение.

Виктор. А когда появился памятник Императору? Тут, наверное, надо уточнить.

Нина. Лет двадцать назад, вроде. Я тогда уже школу закончила и поступала… Или поступила уже, не помню. Да, вроде бы двадцать лет назад. Император к этому моменту правил уже около десяти лет, и наш мэр…

Виктор. Горячо любимый и уважаемый?

Нина. Да, он. Так вот, наш мэр, а он уже тоже лет десять правил, решил таким образом отметить эту годовщину правления Императора и подарил ему от всех нас этот памятник.

Виктор. Почему они все так долго правят?

Нина. Потому что исключительные люди, таких больше не найти нигде. У них и опыт работы есть, и желание этим заниматься, и вообще…

Виктор. Ну, желание-то у многих, наверное, есть. Да и старые они уже какие-то, чтоб править, разве нет?

Нина. Ты у меня и правда туповат немного. Я же сказала, что у них опыт работы большой, а поставишь сейчас другого человека, он и разрушит всё, что было создано. И вообще не лезь не в свои дела, а то будут сечь тебя на площади, как твоего непутёвого отца.

Входит Василий.

Василий. Опять ты его против отца настраиваешь?

Нина. Больно нужно. Мы сочинение пишем, ему по литературе задали. Что там с телевизором?

Василий (*устраивается на диване*). Завтра отдам в ремонт, сегодня у них закрыто.

Нина. Ещё один день без Мигеля…

Василий. У тебя, кроме Мигеля, есть муж, и он, кстати, голоден.

Нина. Если он так голоден, то и купил бы чего-нибудь. У нас в холодильнике только макароны остались.

Василий. Я деньги не печатаю… Давай макароны, так и быть.

Нина. Сейчас разогрею… Что же мне снилось? (*Уходит.*)

Василий. Что там за сочинение, сынок? Твой отец по сочинениям был лучшим в школе.

Виктор. Правда?

Василий. Обижаешь, я же не твоя мать. Мои сочинения из других классов приходили послушать, на областные конкурсы отправляли.

Виктор. А мама говорила, тебя в восьмом классе выгнали уже.

Василий. Ты больше её слушай… Меня за драку выгнали, а не за сочинения. Да и какая разница вообще? Главное, что я в жизни не пропал – и работа, и семья, всё как положено. А вот ты точно

пропадёшь, если будешь над отцом издеваться, это я тебе говорю. Ты и так у нас туповатым растёшь, так ещё и дерзишь мне тут.

Виктор. Ну всё, всё, извини… В общем, сочинение называется «За что я люблю нашу Империю?»

Василий. Отлично, моя любимая тема.

Виктор. Правда, что ли?

Василий. Послушай, какого чёрта ты постоянно переспрашиваешь? Надоело уже. Если я что-то говорю, значит, так и есть. Давай читай, что вы там с матерью понаписали.

Виктор (*театрально кашляет и начинает декламировать*). «Меня зовут Виктор Полозов, мне 13 лет, и я с родителями живу в городе Холуев. Это один из многих уездных городов нашей Империи, и, как все её города, очень красив и уютен. В городе Холуев есть школа, больница, множество церквей и три военных части с красивыми ракетами…»

Василий. Уже не три, а четыре – исправь. И не только с ракетами, но и с танками.

Виктор. Хорошо. (*Скрипит ручкой, затем продолжает читать.*) «Ещё у нас есть площадь с ратушей, там живёт и работает наш горячо любимый и уважаемый мэр, которому мы все обязаны, как родному отцу. Ещё…»

Василий. Стоп, стоп, стоп. Это кто тебе сказал, что так нужно писать про мэра?

Виктор. Мама, а что?

Василий. Сразу видно, что она дуб дубом в литературе. Значит, пиши так… (*Задумчиво смотрит в потолок.*) «Там живёт и работает светоч наших дней, гордость нашей эпохи, величайший из всех живущих на земле после Императора – наш горячо любимый и уважаемый мэр, которому мы все обязаны больше, чем родному отцу, ибо невозможно переоценить его исторические заслуги перед нашим городом»… По-моему, неплохо, да?

Виктор. Пап, ты в порядке?

Василий. Да, а что?

Виктор. Просто не похоже на тебя.

Василий. Не умничай, читай дальше.

Виктор. «Ещё у нас есть рынок и два магазина, всё это находится напротив ратуши, и там можно купить еду и даже одежду».

Василий. Подожди, так не пойдёт. Даже одежду… Можно подумать, мы тут нищие какие-то. Пиши вот что… «Напротив ратуши у нас стоит два, нет, три торговых центра, в которых можно купить всё что душе угодно – еду, одежду и даже телевизор».

Вбегает Нина.

Нина. Где телевизор? Что телевизор?

Василий. Брысь!

Нина. Да ну тебя. Дурак. (*Уходит.*)

Виктор. Понял, сейчас. (*Скрипит ручкой.*) «С другой стороны ратуши есть прекрасный пруд, где мы все любим проводить летние деньки. Мне особенно нравится, что рядом с прудом есть футбольное поле. Мы часто прогоняем с него коров и играем в футбол, а зимой в хоккей».

Василий. Ну ты совсем идиот? Какие коровы? Пиши так: «С другой стороны ратуши находится живописное озеро, полное уток и лебедей, а рядом с озером стоит великолепный стадион с чудесным футбольным полем. Когда там не проходят чемпионаты мира и Европы, мы приходим туда поиграть в футбол и другие виды спорта, ведь спорт — это здоровье нации».

Виктор. По-моему, это перебор.

Василий. Ну да, по-твоему, лучше про коров писать? А если отправят твою писанину на областной конкурс, а если на Имперский? Мэру краснеть потом за тебя и наш город? Читай дальше.

Виктор. «Ещё у нас есть красивый лес, который окружает город. В нём есть грибы и ягоды, а иногда можно даже встретить белку…»

Василий. Лосей, медведей и кабанов.

Виктор. Ну пап!

Василий. Пиши давай, лишним не будет.

Виктор. Хорошо… «Лосей, медведей и кабанов… Но самое важное, что у нас есть – это, конечно же, памятник Императору. Он один из самых больших в Империи и стоит в самом центре города, между рынком и ратушей. Этот памятник олицетворяет собой всё величие и мудрость Императора, его мужество и целеустремлённость».

Василий. Это ты хорошо написал, сразу видно – мой сын!

Виктор. «В целом наш город развивается, как и вся Империя. Вчера я сам видел, как наш горячо любимый и уважаемый мэр торжественно открыл новую автобусную остановку, а в следующем году он обещает открыть новую игровую площадку, где будут турник, качели, лестница и скамейка для отдыха. Это означает, что наш город станет ещё лучше и приятнее для жизни».

Василий. Стоп, стоп, стоп. Никуда не годится.

Виктор. Что не так?

Василий. Ну какую остановку? Какую площадку? Ты понимаешь, о ком ты пишешь вообще? Нет, ну решительно всё нужно делать самому… В общем, пиши – «вчера я сам видел, как наш горячо любимый и уважаемый мэр открыл новый аэропорт».

Входит Нина с тарелкой макарон.

Нина. Вась, ну ты совсем спятил, что ли? Ну какой аэропорт в нашей дыре? У нас тут и поезда-то не ходят.

Василий. Ладно, с аэропортом и правда перебор. Тогда вот что, напиши, что он открыл новый мясокомбинат.

Нина вздыхает и передаёт тарелку мужу, затем берёт его газету и садится в кресло.

Виктор. А почему мясокомбинат?

Василий. Ну мы же написали, что у нас в лесу лоси, медведи и кабаны. Вот их ловят и отправляют на мясокомбинат, всё логично.

Нина. Дурдом.

Василий. Дурдом – это если писать правду.

Виктор. Так, может, и напишем?

Василий. Совсем, что ли, больной? Пиши про мясокомбинат.

Виктор. Пишу, пишу.

Василий. А вот в следующем году он обещает открыть аэропорт.

Нина. Вася…

Василий. Ну а что? Это же в следующем году, не подкопаешься.

Нина. Пишите что хотите. (*Читает газету.*)

Василий. Исправил? Читай дальше.

Виктор. «Я люблю свой город, а так как я нигде больше не был, то я люблю и всю Империю».

Василий. Как нигде не был? Мы возили тебя в соседнюю деревню к твоей бабке.

Виктор. Мне тогда два года было.

Василий. Неважно. В общем, здесь напиши вот что: «Я люблю свой город, а так как я с родителями объехал весь мир, то могу уверенно сказать, что нет более прекрасной для человека страны, чем Империя».

Виктор. А дядя Саша наоборот говорил.

Василий. Какой ещё дядя Саша?

Виктор. Ну сосед наш, ты его ещё поколотить сегодня хотел.

Василий. Аа, ты про этого хлюпика? Я и забыл уже о нём. Ну так и что он там говорил про нашу Империю?

Нина. Вась, только не заводись опять.

Василий. Нет, пусть расскажет, что там этот вшивый интеллигент говорит о нашей родине.

Виктор. Что она далеко не самая прекрасная для человека.

Василий. И чем же она хреновая?

Виктор. Ну, он говорит, что дураков многовато тут и от них все проблемы.

Василий. Дураков, значит? Это он про нас, зуб даю.

Виктор. Вряд ли, он же нас и не знал тогда. Тебя, вернее.

Василий. Нет-нет, про нас. Дураками считает. И какие же у него тут проблемы?

Виктор. Он говорил, что на улицу невозможно выйти, чтобы чего-то не приключилось, что хамят везде, что атмосфера кругом депрессивная, много мусора, нищеты, бессмыслицы и патологической жестокости.

Василий. Какая атмосфера?

Виктор. Депрессивная.

Василий. А жестокость? Я не понял.

Виктор. Патологическая.

Нина. Слова-то какие знает, не чета нам.

Василий. Надо ещё узнать, что эти слова означают. Не случайно же он их использует. Так а что он не уедет отсюда, если так всё плохо?

Виктор. Вообще он, то есть они собираются, но пока не выбрали куда.

Василий. Ах, они ещё не выбрали? Собирайся, мать, идём к председателю кооператива.

Нина. Это ещё зачем?

Василий. Пора разузнать, что это за туристы такие к нам в дом заехали. Да и сказать Степанычу, чтоб глаз с них не спускал. А то из-за таких умников сначала лампочки в подъезде пропадают, а потом и квартиры обносят подчистую.

Нина. Нас точно не обнесут, у нас и брать-то нечего.

Василий. Ты давай не умничай, а пошли и расскажем всё ответственному человеку. Он там, кстати, для этого и посажен.

Нина. Нет уж, Вась, ты один иди, если тебе больше всех надо. А у меня голова с утра болит и вообще…

Василий. Ясно, всё покрываешь этого хлюпика и его семейку. И это моя жена.

Нина. Иди уже, утомил.

Василий. Я уйду, уйду, но ты!

Нина вздыхает и прикрывается газетой. Василий машет рукой и уходит.

Виктор. Зря я ему, наверное, вообще про них рассказал. Он какой-то агрессивный стал из-за этого.

Нина. Ну ничего. Побегает немного и успокоится, наверное.

Виктор. Хорошо бы, а то к кому мне потом в гости ходить и презентации готовить?

Нина. В газете пишут, что открылся новый кружок для будущих воинов, может, тебе туда записаться? Не так скучно будет.

Виктор. Был я там. Какой-то отставной прапорщик орёт на всех и заставляет разбирать автоматы за тридцать секунд.

Нина. Ну и классно же – оружие, прям как ты любишь.

Виктор. Я не люблю.

Нина. Совсем ты не в своего отца.

Виктор. Это плохо?

Нина. Не знаю… Что же мне снилось?

Виктор. Целый день уже вспоминаешь. Это так важно?

Нина. Неважно, наверное, просто пока не вспомню, не успокоюсь. Обычно, как только просыпаюсь, всё помню сразу, а тут как отрезало. А тебе снится что-нибудь?

Виктор. Ну да, каждую ночь почти.

Нина. И что, например?

Виктор. Всякие глупости: дома, озеро, лес, одноклассники, животные и всякое такое.

Нина. Понятно… А они, Лисицыны эти, не рассказывали, откуда сюда приехали?

Виктор. Говорили, что из столицы.

Нина. Ого, они в столице жили. Императора, наверное, видели вживую?

Виктор. Наверное. Да ты сама у них спроси, что я-то всё рассказываю?

Нина. Да ну, как я у них спрошу? Они, наверное, после знакомства с твоим отцом вообще с нами говорить не захотят.

Виктор. Это да… А как вы вообще познакомились?

Нина. С отцом твоим? Как и все, в клубе нашем на танцах. Он, правда, танцевать не умел, да и я тоже не очень. Зато он посвятил мне стихи.

Виктор. Он? Стихи?

Нина. Ну да, сейчас даже вспомню. (*Морщит лоб.*) «Здесь музыка играет очень громко, и пляшут все, а ты стоишь одна. Ты самая красивая девчонка, пошли со мной – куплю тебе вина».

Виктор. По-моему, я видел это у него в дембельском альбоме в разделе «Песни для гражданок с гражданки». Там ещё аккорды были написаны сверху и подпись внизу: «Гоша Рубероид».

Нина. Да? Вот паразит, я думала, он сам сочинил.

Голос в радиоприёмнике: «А теперь к новостям… Правительство Империи радо сообщить, что по требованию трудящихся с этого дня будут закрыты государственные границы и введён усиленный комендантский час».

Нина. А до этого какой комендантский час был? Не усиленный разве?

Виктор. Наверное, обычный какой-то был.

Нина. Во дела. Теперь, получается, не уедут никуда Лисицыны эти.

Виктор. Ага, опоздали. Останутся с нами жить.

Нина. Упаси бог, им твой отец никакого житья не даст. Слушай, так а что они из столицы в нашу дыру приехали? Чего им там не жилось рядом с Императором?

Виктор. Вроде как свежий воздух нужен, а там такого нет.

Нина. Ну да, точно, у него же астма, у Саши этого. Зато теперь понятно, откуда у них деньги на телевизоры, рыбок и заграницу.

Виктор. Откуда?

Нина. Ну ты что, Вить? Сам посуди, они квартиру в столице продали и сразу разбогатели.

Виктор. Прям разбогатели?

Нина. Совсем ты у меня дурачок. Думаешь, квартира в столице как наша стоит? Раз в десять больше, я тебе говорю.

Виктор. Ого.

Нина. Вот тебе и ого. Так что денег у них куры не клюют, это точно.

Виктор. Так а что они тогда сразу за границу не уехали жить?

Нина. Ой, откуда я знаю, это же твои друзья. (*Перелистывает газету.*) Ну дела, у нашего мэра, оказывается, послезавтра день рождения, всем городом будем поздравлять.

Виктор. Как в том году? Водить хоровод возле ратуши?

Нина. Думаю, серьёзнее, чем в том году, ведь сейчас юбилей будет.

Виктор. Сколько?

Нина. Пишут, 95.

Виктор. Никогда бы не подумал. Нашему деду было 75, так он уже и ходить не мог. Так и помер на своей лежанке в сарае.

Нина. Ну ты сравнил нашего деда и мэра. У мэра это только расцвет, вон и в газете так и пишут.

Виктор. Как же это расцвет?

Нина. А вот так – всё познаётся в сравнении. Императору сейчас 130, кажется, а мэру 95. Значит, расцвет. Может, тоже Императором станет когда-нибудь, вот заживём тогда.

Виктор. Это почему?

Нина. Не забудет же он родной город. Откроет тут и три торговых центра, и стадион, и мясокомбинат, и аэропорт. Станет всё как в твоём сочинении. Как там оно, кстати?

Виктор. Заканчиваю уже.

Нина. Давай последние строчки.

Виктор. «Думаю, теперь вам понятно, почему я так люблю свой родной город и свою родную Империю. Если бы не светоч наших дней, горячо любимый и уважаемый мэр, если бы не смысл нашей жизни, потрясающий и неповторимый Император, – было бы у меня счастливое детство? Конечно же нет. Я бы влачил жалкое бессмысленное существование, у меня бы не было радостей и перспектив, я жил бы в голоде и холоде с моими несчастными родителями. Но слава Императору и слава мэру – это всё не так. Я живу в тепле и пью чай с сахаром, у меня есть кров, одежда и цель жизни – любить своих заступников и покровителей и выполнять их мудрейшие указания».

Нина. Слушай, а ты не такой уж и дурачок. Точно пятёрку поставят теперь.

Виктор. Правда?

Нина. Конечно, очень хорошо написал. Думаю, и на областной конкурс отправят, а там и на Имперский. Может, ещё и подарят что-нибудь ценное.

Виктор. Да ну, вряд ли.

Нина. Нет-нет, вот у нас, когда я училась в твоей школе, одной девочке подарили бронзовый бюст мэра, а другой девочке так и вообще путёвку в столицу на встречу с Императором.

Виктор. И что, она видела Императора?

Нина. Нет, он занят был в этот день… Но хоть столицу посмотрела. А потом с ней ещё встречался мэр и объявил благодарность за прославление города. Чаем напоил и всё такое. Но самое главное – он потом её пристроил к себе в ратушу работать, когда она школу закончила. Представляешь?

Виктор. Прямо в ратушу?

Нина. Да! Там такие деньги платят, ты бы знал. И никаких штрафов нет, никто тебя не сечёт на площади, и не нужно на коленях извиняться за опоздание. Потрясающе! А ещё там отпуск два раза в год и он оплачиваемый. Так что давай там отредактируй всё как положено и сдавай. Может, и из тебя толк выйдет. Да и нас с отцом потом куда-нибудь пристроишь.

Виктор. Сразу бы сказала, я же ещё и лучше написать могу.

Нина. Всё тебе надо говорить, сам уже учись думать. Или так и думаешь до старости чужими мозгами жить? Ты же не совсем дурачок у меня?

Виктор. Да нормальный я. Вроде…

Сцена вторая

Действующие лица:
Василий *(глава семейства Полозовых)*
Нина *(его жена)*
Виктор *(их сын)*
Степаныч *(председатель кооператива)*
Лисицын *(сосед)*
Капитан *(страж порядка)*

Хлопает дверь, и входит Василий с председателем кооператива.

Василий. Заходи, Степаныч, располагайся. Хотя подожди, сейчас табуретку тебе принесу. Вот жена моя, Нина, ну ты знаешь… Сын мой, Витька, глуповат немного, но парень хороший. Поздоровайся с председателем, балбес. (*Уходит за табуреткой.*)

Виктор. Здравствуйте.

Степаныч. Привет учащимся! Как хозяюшка поживает?

Нина. С божьей помощью, Степаныч. Сам-то как? Что-то и не видно тебя последнее время?

Степаныч. Да вот, всё в делах и в заботах, тем и живём. Времена-то нынче сложные, не одно, так другое.

Нина. Ну да, ну да… Не одно, так другое, это ты правильно сказал. Держимся кто как может.

Степаныч. Ох, не говори. Одной только заботой Императора и держимся. Дай ему бог долгие лета.

Виктор. Вы забыли упомянуть нашего горячо любимого и уважаемого мэра.

Нина (*шипит*). Цыц, дурак.

Степаныч (*испуганно оглядывается*). Как же забыл? Совсем не забыл. Так и сказал – держимся заботой всеблагого Императора и горячо любимого мэра. Разве я не так сказал, Нинушка?

Нина. Так и сказал, разумеется. Это Витя наш просто на слух жалуется после простуды. Сейчас жуткие сквозняки по ночам, вот и стал глуховат.

Степаныч. Славный мальчуган, пусть скорее выздоравливает.

Входит Василий с табуреткой, на которую и усаживается его гость. Сам Василий занимает привычное место на диване. Затем он извлекает из карманов две стопки и подмигивает председателю – тот достаёт из-за пазухи бутылку водки.

Нина. Вась, а Вась…

Василий. Молчи, женщина. У меня серьёзный разговор с председателем, да и за армию надо выпить. Принесла бы лучше чего закусить.

Нина. Так у нас только макароны и остались. Я же говорила.

Василий. Неси макароны, значит. Нельзя же перед государственным человеком лицом в грязь падать.

Степаныч. Да ничего, ничего. Право же, не стоит никаких хлопот. Государственный человек… Скажешь тоже!

Нина разводит руками и уходит на кухню. Степаныч разливает водку по рюмкам.

Степаныч. Строгая она у тебя. Ну, за встречу.

Василий. За тебя, Степаныч. Ты мужик правильный, храни тебя бог.

Выпивают.

Степаныч. Ну, рассказывай, что да как.

Василий. Да вот, неладные дела у нас творятся, Степаныч. Завелись паразиты какие-то в нашем саду, одна порча от них.

Степаныч. Ну, я вообще не специалист по ботанике… Если паразиты, то травить надо. Можно ботвой, табаком, золой попробуй... А где у тебя сад? Далеко отсюда? Что выращиваешь?

Василий. Да ты меня не понял, я говорю, черти завелись в нашем тихом омуте.

Степаныч. Черти?

Василий. Ну да, козлища среди овец.

Степаныч. Козлища?

Василий. Дёготь в нашей медовой бочке!

Степаныч. Чёрт побери!

Входит Нина с кастрюлей.

Нина. Он имеет в виду, что ему не нравятся наши новые соседи, Лисицыны.

Василий. Ну конечно!

Нина передаёт им кастрюлю и возвращается в своё кресло.

Степаныч. Ох ты господи, совсем меня запутал. А что с ними не так? Вроде все услуги оплачивают, не шумят, люди как люди.

Василий. Это они не шумят? А кто сутками на пианине играет, я, что ли?

Степаныч. Ну они же не по ночам играют. Или по ночам?

Василий. Ещё чего не хватало, чтобы они по ночам играли!

Степаныч. Может, они пьют беспробудно, буянят, портят имущество?

Василий. Лучше бы они пили.

Степаныч. Угрожают? Пытаются обворовать?

Нина. Боже упаси!

Василий. Да нет же!

Степаныч. Я тогда не понимаю, в чём проблема.

Василий. Чёрт, ну как бы тебе объяснить… Они не наши люди, понимаешь?

Степаныч. Хоть убей, пока не понимаю. Надо выпить.

Василий. Наливай.

Выпивают.

Степаныч. Хороша, зараза… (*Закусывает макаронами.*) Продолжай.

Василий. Я тебе говорю, не наши это люди. Умные слишком, рассуждают о всяком и вообще позволяют себе.

Степаныч. Рассуждают, значит?

Василий. О всяком!

Степаныч. И даже позволяют себе?

Василий. Ещё как позволяют!

Степаныч. Может, и свидетели есть?

Василий. Есть! Есть свидетели! Вот мой сынок единокровный, Витька, был у них дома и сам всё слышал. Из первых уст, так сказать. Давай рассказывай, балбес!

Виктор (*поворачивается*). Что рассказывать?

Василий. Вот что мне с матерью рассказывал, то и рассказывай. Да подробнее давай.

Нина. Дурдом. (*Вздыхает и закрывается газетой.*)

Виктор. Я просто заходил к ним в гости несколько раз, и мы там делали уроки.

Василий. Ты давай дурачком не прикидывайся, рассказывай про этого хлюпика. Что он тебе говорил про нашу Империю? Там ещё словечки непонятные были.

Виктор. Что атмосфера депрессивная и патологическая жестокость.

Василий. Вот! Слышал, Степаныч? Атмосфера у нас тут, оказывается, не такая и жестокость патало… потола…

Виктор. Патологическая.

Василий. Не перебивай отца! Сам знаю. В общем, Степаныч, надо принимать меры.

Степаныч. Хм, а вот эти словечки, они что означают вообще? И о чём всё это?

Василий. Сам как думаешь? Ты же ответственный работник, руководитель! Должен же понимать.

Степаныч. Ну, я человек простой, рабочий, так сказать… Словам таким не обучен.

Василий. Да что здесь непонятного-то? Это он Империю нашу пытается опорочить, детей наших разлагает у нас на глазах! Родину нашу высмеивает и всё святое, что есть! А что он про веру нашу говорил? Ну-ка, сынок, напомни?

Виктор. Что вера – это личное дело каждого, и измеряется она хорошими делами, а не походами в церковь по праздникам.

Василий. Вот! Ему и церковь наша не нравится! Чёртов сатанист!

Нина. Вася!

Василий. Молчи! Да я за веру нашу любому глотку порву, ты меня знаешь. За нашу прекрасную веру, за церковь нашу многострадальную. Да что там… Наливай, Степаныч.

Степаныч быстро разливает водку, и они выпивают.

Василий (*отправляет в рот макароны*). В общем, надо принимать меры.

Степаныч. Да уж, ситуация… А чем я-то могу помочь?

Василий. Как чем? Как это чем? Ты лицо ответственное, целый председатель. Я вот, как житель, тебе сигнализирую, а ты думай давай, как дальше быть. Нельзя, пойми, Степаныч, нельзя в таких делах

слабину давать да глаза закрывать на всё это. Сам знаешь, что мы в кольце врагов постоянно. Сегодня он наших детей агитирует, а завтра что? Ратушу попытается взорвать? Нашего любимого мэра изничтожить? А потом и самого Императора?

Степаныч. Боже сохрани! (*Торопливо крестится.*)

Василий. Я, в общем, вот что думаю. Надо тебе, Степаныч, как председателю и вообще человеку ответственному, сообщить куда следует и докладную свою приложить. С подписью и печатью, чтоб всё как положено было.

Степаныч. Докладную?

Василий. Докладную, акт, резолюцию, пояснительную… Не знаю, как у тебя там всё это называется, бумажку, в общем. А я её подпишу, и сынок мой подпишет.

Степаныч. Бумажку, значит… Ну, если всё так серьёзно, то можно и бумажку.

Василий. Серьёзнее некуда. Ты меня давно знаешь, Степаныч, я из-за ерунды шум поднимать не стану. Ну ты же меня знаешь?

Степаныч. Знаю.

Василий. А уважаешь меня?

Степаныч. Уважаю.

Василий. Наливай тогда ещё по одной.

Степаныч. Понял.

Наливает.

Василий. Подожди, не пей. Тост хочу сказать.

Степаныч. Тост — это святое.

Василий. Давай выпьем, Степаныч, за нашу Империю, но не просто за Империю, а вот прям за нашу родину. Чтоб не было в ней всякой мрази, а были только такие мужики, как мы с тобой, Степаныч.

Степаныч. Это ты хорошо сказал. Таких, как мы с тобой, нынче мало осталось. Будем.

Выпивают.

Голос в радиоприёмнике: «А теперь к новостям… Правительство Империи радо сообщить, что по требованию граждан законодательно закрепляются два новых социальных класса: элитарный и плебейский. Представителям плебейского класса надлежит до конца месяца явиться в местные администрации для получения права на жизнь и работу».

Степаныч. Во дела-то.

Василий. Да уж, дела…

Нина. Что-то весь день сегодня новые указы выпускают, может, случилось что?

Степаныч. Не знаю… Так, а мы к какому классу относимся теперь?

Василий. К элитарному, наверное, чай, не плебеи какие-то.

Виктор. Если мы к элитарному, то к какому тогда классу относится наш горячо любимый мэр?

Василий. Ну… Он тогда к самому элитарному. Это же сам мэр.

Нина. Вась, классов всего два, как я поняла. Наверное, мы всё-таки плебеи.

Степаныч. Подскажите, а если я председатель кооператива, то, может, меня в элитарный пустят?

Василий. Что это тебя в элитарный, если мы будем в плебейском? Ты хочешь сказать, что ты лучше нас, что ли? Ты это брось, Степаныч, а то я не посмотрю, что ты цельный председатель, и дам тебе промеж глаз.

Нина. Так, Вася! Не обижай председателя.

Степаныч. Да что ты, и правда, Вась? Я же просто спросил.

Василий. Знаю я эти твои вопросы. Да как тебе вообще такое в голову пришло?

Степаныч. Успокойся ради бога, Вася. Давай лучше выпьем.

Василий. Какой я тебе Вася? Для тебя, паразит, я Василий Павлович! И пить с тобой я больше не буду, потому что ты дерьмо, а не председатель. Пошёл вон отсюда!

Нина. Вася!

Василий. Цыц, а то с ним вместе спроважу!

Степаныч. Ну, знаете ли… Ну, знаете ли…

Встаёт и пошатываясь выходит.

Василий. Давай, давай, проваливай. Тоже мне, председатель. Выше меня захотел прыгнуть, подлец? Я вот расскажу всем, как ты кооперативные бумажки подделываешь да наши кровные денюжки присваиваешь. Негодяй!

Хлопает дверь.

Нина. Поздравляю, сегодня ты превзошёл сам себя.

Василий. А нечего тут потому что.

Виктор. Вряд ли он теперь сделает бумажку против соседей… А нас правда запишут в плебейский класс?

Василий. Не твоего ума дело, там наверху виднее, кого куда записать. А с соседями этими я сам сейчас разберусь, без всякого председателя. Я их быстро на место поставлю.

Допивает из горла оставшуюся водку, затем пытается встать с дивана, но теряет равновесие.

Нина. Лучше сам себя на место поставь, а вернее положи. Ну куда ты там собрался?

Василий. Тихо! Тихо… Всё под кон… контролем.

Встаёт и направляется к двери.

Нина. Вася, остановись уже! Ну хватит тебе в самом деле!

Хлопает дверь.

Нина. Какой долгий и бессмысленный день…

Виктор. Так нас правда запишут в плебеи?

Нина. Ой, да какая разница? Лишь бы войны не было.

Виктор. А при чём тут война?

Нина. Лучше тебе не знать. Бабку помнишь свою из соседней деревни? Вот она видела войну своими глазами. Не то что ты, в тепле тут сидишь, пьёшь чай с сахаром.

Виктор. Ты про Четвёртую Ядерную или про Третью Холодную?

Нина. Ну про ту, когда все страны объединились против нашей Империи и напали на нас. Хвала Императору, защитил нас тогда от этого всего.

Виктор. Я слышал, что это мы тогда напали на все страны, а не они на нас.

Нина. Да нет, ты что? Император же сказал, что они напали, а ему какой смысл врать? Да и какая разница вообще, кто на кого напал? Война — это всегда плохо.

Виктор. Ну это да... Может, пойдём заберём его, пока он бед не натворил?

Нина. Бесполезно это, сам знаешь. Сиди лучше сочинение своё пиши, может, станет оно твоим билетом в жизнь. И возьмут тебя в ратушу работать, и машину с водителем дадут, и деньги большие, и отпуск… Нас с отцом куда-нибудь пристроишь. И заживём мы как люди наконец.

Виктор. А сейчас мы как живём?

Нина. А сейчас… (*Растирает лицо ладонями.*) А сейчас мы…

Звонок в дверь.

Нина. Он что, ключи опять забыл? (*Идёт открывать.*)

Через непродолжительное время в комнате появляется Василий, которого тащит на себе Лисицын. Следом заходит Нина.

Нина. Вот сюда, на диван, пожалуйста.

Лисицын опускает Василия на диван, где тот сразу же засыпает, поджав под себя ноги.

Лисицын. Прошу простить меня за это вечернее вторжение, просто я обнаружил вашего мужа спящим возле своей двери и решил доставить его домой, чтобы он не простудился. Привет, Витя!

Виктор. Здравствуйте, дядя Саша.

Нина. Вы очень любезны, Александр. Даже не знаю, как вас благодарить.

Лисицын. Ну что вы, он на моём месте поступил бы точно так же.

Виктор (*шёпотом*). Это вряд ли…

Лисицын. Что?

Нина. Он говорит, что рад вас видеть. Мы вообще о вас очень наслышаны от сына, и всё сплошь хорошие вещи. Хотите чаю? У нас есть с сахаром.

Лисицын. Да ну что вы, мне уже пора.

Нина. Нет, нет, останьтесь на чай. Не обижайте хозяйку.

Лисицын. Ну если только ненадолго. И при том условии, что вас это нисколько не затруднит.

Нина. Боже, какой вы учтивый. Я думала, такие бывают только в сериале про Мигеля.

Лисицын. Вы тоже смотрите этот сериал?

Нина. О да! Правда, сейчас наш телевизор не совсем работает, и мы, конечно, уже заказали огромный новый, но именно сегодня я, видимо, останусь без Мигеля.

Лисицын. Вы могли бы посмотреть у нас.

Нина. Нет, нет. Вы и так уже сегодня нам помогли.

Лисицын. Право же, мне это ничего не стоило.

Нина. Ну тем не менее. Ой, что-то я заболталась, сейчас принесу чай.

Уходит. Лисицын присаживается на табуретку и оглядывается. Виктор поворачивается к нему.

Виктор. Скажите, а в какой класс нас всех переведут?

Лисицын. Что?

Виктор. Ну, просто по Имперскому радио сегодня сказали, что вводятся два класса – элитарный и плебейский. Только не уточнили, кто в какой класс попадёт.

Лисицын. Не знаю, мы не слушаем Имперское радио.

Виктор. Как? Совсем?

Лисицын. Ну да. Мы вообще радио редко включаем.

Виктор. Как же вы узнаёте новости и новые законы?

Лисицын. Да мы, честно говоря, не особо интересуемся всем этим. То ли дело музыка, кино, театр, литература… В мире ведь столько интересных вещей.

Виктор. Ну да...

Лисицын. И все эти вещи призваны возвышать человека, давать ему чувство единения с Вселенной и с Богом, и, конечно же, с другими людьми. Ведь всего того, что нас объединяет, куда больше того, что разъединяет.

Виктор. Точно.

На диване переворачивается на живот Василий и бормочет: «Сволочи! Все сволочи!» Затем снова засыпает.

Лисицын (*невозмутимо поглядев на Василия*). Я вот помню, лет пять назад в Мексике я поднимался на пирамиду Солнца и думал, что это величественное место когда-то вдохновляло архитекторов Теотиуакана, затем ацтеков, испанцев, индейцев, и вот теперь – меня. Я был счастлив в этот день, потому что я прикасался к вечности.

Виктор. Вы и там были?

Лисицын. Да, дважды. Есть места, в которые невозможно не вернуться.

Виктор. Вот бы и мне туда попасть…

Лисицын. Это вовсе не сложно, если захочешь, то обязательно попадёшь.

Виктор. Видимо, вы и правда не слушаете Имперское радио, сегодня сказали, что Империю нельзя покидать.

Лисицын. Поэтому я и не слушаю это радио. Они постоянно говорят о запретах, о страхе, о ненависти. Это как минимум скучно, на мой взгляд. Их конечная цель – запретить нам быть людьми, но это глупо и противоестественно. У них никогда ничего не получится.

Виктор. А кто они? Кто все эти люди?

Лисицын. Неважно, кто они, важно, кто ты сам. Только ты отвечаешь за свою жизнь, только ты наполняешь её смыслом. Впереди у тебя будет немало моментов, когда потребуется совершать тот или иной выбор, и в эти моменты рядом с тобой будет не голос из радиоприёмника, а твоё собственное Я – удивительный сплав знаний, чувств и эмоций, которые делают тебя личностью. Не радио и не Империя сделают тебя счастливым и самодостаточным, их задача, наоборот, тебя упростить и обезличить. И если ты прислушаешься к себе, то поймёшь, что большинство окружающих вещей, людей и событий вообще не имеют для тебя никакого смысла, они лишь пытаются заполнять вакуум твоих дней. Не позволяй им этого. Заполняй свою пустоту тем, что нужно тебе самому. И ничего не бойся.

Виктор. А если я никогда не узнаю, что именно мне нужно?

Лисицын. Узнаешь. Кто бы что ни говорил, но жизнь удивительно длинная штука. Тем более если находишься в самом начале нового пути. Это потом всё начнёт ускоряться и мелькать перед глазами, но так или иначе время на поиски себя даётся каждому.

Виктор. А вы долго искали?

Лисицын (*улыбаясь*). Я ищу до сих пор, только не говори никому.

Виктор. Вы говорите как философ.

Лисицын. Я же и есть философ.

Виктор. Точно, я и забыл уже. Не случайно мне все говорят, что я туповат.

Лисицын. И ты тоже так думаешь?

Виктор. Не знаю.

Василий переворачивается на бок и бормочет: «Негодяи! Мерзавцы! Все…» Засыпает.

Лисицын. Возможно, те, кто тебе это говорят, просто не видят в тебе самих себя. И их это удручает.

Виктор. Я не думал об этом.

Лисицын. Подумай.

Виктор. Обязательно подумаю. Можно ещё вопрос?

Лисицын. Конечно.

Виктор. Вы писали когда-нибудь сочинение «За что я люблю нашу Империю?»

Лисицын. Нет, никогда.

Виктор. Почему?

Лисицын. Я не люблю империи.

Виктор. То есть… Вот так просто?

Лисицын. Да, всё очень просто. Я люблю людей, природу, культуру, историю, но не люблю империи. Надеюсь, меня не убьют за это в ближайшие полгода, мне нужно закончить пару книг. (*Смеётся.*)

Виктор. Потрясающе…

Входит Нина с чашками в руках.

Нина. Ужасная досада, весь наш дорогой зарубежный чай вчера выпили гости. Мы, конечно, завтра купим ещё, но именно сегодня у нас остался в пакетиках.

Лисицын. Ничего страшного, мы тоже такой пьём.

Нина передаёт одну чашку Виктору, другую Лисицыну и усаживается со своей чашкой в кресло.

Лисицын. Благодарю вас.

Нина. Ой, может, вам будет удобнее в кресле? Давайте пересядем.

Лисицын. Умоляю вас, не переживайте обо мне. Я вполне комфортно себя чувствую и на табуретке.

Нина. Если что – вам стоит только сказать. А вы правда жили в столице?

Лисицын. О да, около десяти лет.

Нина. И видели там Императора?

Лисицын. Три или четыре раза, если мне не изменяет память. Он выступал на разных мероприятиях.

Нина. Обалдеть. Расскажите же, как он выглядит?

Лисицын. Невысокий старик, увешанный медалями и орденами. Поверх военной формы у него пурпурная мантия, а на лысой голове бриллиантовая диадема. Ах да, иногда он держит в руке золотой жезл.

Нина. Как старик? Как лысый? Вроде совсем недавно его показывали на первом Имперском канале, и он так замечательно выглядел – молодой, высокий, с густой копной падающих на плечи волос…

Лисицын. Осмелюсь предположить, что вы путаете его с праправнуком.

Нина. Ой, наверное, вы правы. И правда путаю. А он сам, значит, невысокий и лысый старик?

Лисицын. 130 лет, что вы хотите.

Нина. И то правда… Я знаю его возраст, просто в воображении он всегда предстаёт таким…

Лисицын. Мужественным?

Нина. Да! И таким…

Лисицын. Энергичным?

Нина. Да, да! И ещё…

Лисицын. Всесильным?

Нина. Откуда вы знаете?

Лисицын. Ничего удивительного, я сам когда-то представлял его именно таким.

Нина. Пока не увидели вживую?

Лисицын. И это в том числе. Вы читали когда-нибудь про Октавиана Августа?

Нина. Нет, а кто это?

Лисицын. Первый римский император. Он правил более полувека, приняв власть юношей, а оставив её дряхлым стариком. Хотя «оставил» не совсем уместное слово, он просто умер.

Нина. Почему вы о нём вспомнили?

Лисицын. Ещё когда он был очень молод, были созданы несколько его статуй и бюстов, которые затем были разосланы в разные уголки Римской Империи. Проходили годы, десятки лет, Октавиан неумолимо старел… Но статуи оставались молодыми, и многие люди, никогда не видевшие своего императора, считали, что он выглядит именно так. Разумеется, когда он умер от старости – это стало для них неожиданностью, если не сказать больше.

Виктор. А когда умрёт наш Император?

Нина. Не говори глупостей! Он никогда не умрёт. Вот же додумался такое сказать.

Василий вновь переворачивается на живот и хрипит: «Всех порвать, всех… Прилизанный с воблой… Ненавижу…»

Нина. Извините ради бога, он просто иногда бредит во сне.

Лисицын. Ничего страшного, со всеми бывает.

Нина. Вы, видимо, очень образованный человек, историю вон всякую знаете.

Лисицын. Не так хорошо, как хотелось бы.

Нина. Ну, тем не менее… А как же вы оказались в нашем городке? Что-то случилось?

Лисицын. Просто в последнее время придерживаюсь принципа «если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря».

Нина. В смысле?

Лисицын. Это из стихов одного забытого ныне поэта.

Нина. Вы и стихи знаете? Ничего себе.

Лисицын. Меня восторгает ваше непосредственное удивление естественным, казалось бы, вещам, но пора возвращаться домой. Был рад познакомиться ближе с вашей очаровательной семьёй.

Встаёт.

Нина. Уже уходите? Даже не допили чай…

Лисицын. Да, пожалуй, пойду. Но вы теперь непременно должны побывать у нас в гостях с ответным, так сказать, визитом. Разумеется, если что-то понадобится, то мы также к вашим услугам. Всего доброго всем вам.

Нина. Я вас провожу.

Виктор. Я тоже.

Встают и провожают Лисицына до двери. Он уходит, они возвращаются на свои места.

Нина. Какой удивительный человек этот Лисицын. Совсем ни на кого не похож.

Виктор. Почему отец его так не любит? Даже во сне…

Нина. Наверное, потому и не любит.

Виктор. Расскажем ему утром, что дядя Саша его притащил?

Нина. Думаю, не стоит, он ещё больше рассердится.

Виктор. А как же председатель?

Нина. Я поговорю с ним на эту тему, скажу, что Вася всё выдумал и они нормальные люди. Надо вообще их как-то в покое оставить. Мне кажется, они этого заслуживают.

Василий. Кто… Кто что выдумал? Кто нормальные люди?

Садится на диване.

Нина. Не было печали… (*Вздыхает.*)

Василий. Я вам дам нормальные люди, я вам всем… Устрою всем вам…

Нина. Поспал бы ты ещё, никакого покоя нет.

Василий. Поспать? Нееет… Пока я сплю, вы тут заго… заговоры свои плетёте. (*Тянется к телефону и падает с дивана.*)

Нина. Кому ты собрался звонить?

Василий. Не твоё дело… Дура.

Стоя на коленях перед телефоном, снимает трубку и дрожащими пальцами крутит диск. Нина закрывает глаза и растирает виски пальцами, Виктор продолжает писать сочинение.

Василий. Во, гудки пошли… Куда-то пошлиии мы с тобоооой, ой… Алё, алё, говорю! Это комитет Имперской безопасности? Ну здрасьте, комитет! Вы там… Вы там куда смотрите? Вы там чем, я спра… спрашиваю, занимаетесь? А? Мышей совсем уже не ловите? Да? Кто звонит? Василий Палыч звонит! Из элитарного класса, между прочим, не то что предси… председатель этот вшивый. И уж явно не тот прилизанный интеле… интеллигент от слова «телега». С воблой своей очкастой мозги мне тут пудрят, и с моей воблой… Я вас всех научу родину любить. И вас, и мэра этого, старого мара… маразматика. Кто пьян? Я пьян? Я не пьяяяян, я трезв как никогда. И я хочу сделать понос… То есть донос хочу сделать, приезжайте. Уже выехали? Вот и славно… Да побыстрей там, девочки! Василий Палыч из элитарного класса не любит ждать!

Бросает трубку в сторону и растягивается на полу возле телефона, глупо улыбаясь.

Нина. Витя, кажется, твой отец сошёл с ума.

Виктор (*не оборачиваясь и продолжая писать*). Я тоже так думаю.

Василий. Столько лет… И всё зря.

Нина. Что с тобой?

Василий (*делает серьёзное лицо*). Нина… Я ведь любил тебя. Как умел…

Нина. Я знаю.

Василий. Просто что-то пошло не так сегодня.

Нина. Не сегодня. Наверное, всегда было не так, только мы не замечали.

Василий. Ненавидишь меня?

Нина. У меня нет к тебе ненависти. Я уже ничего не чувствую.

Василий. Вот как…

Нина. Он, кстати, тебя домой принёс. И не сказал о тебе ничего плохого.

Василий. Кто?

Нина. Прилизанный, интеллигент от слова «телега», кто он там ещё, по-твоему?

Молчание.

Нина. А председатель никогда не воровал, зря ты так вчера с ним. Он и букашки в своей жизни не обидел, и вообще старый больной человек.

Молчание.

Нина. И я тебе никогда не изменяла, и сын у тебя вовсе не дурачок, как ты привык думать… Ты много и часто пил и теперь сходишь с ума, тебе нужна помощь.

Василий. Поздно.

Нина. Остановись, ты ещё можешь это сделать. Не ломай жизнь себе и другим, зачем тебе это?

Василий. Слишком поздно…

Стук в дверь.

Нина. Вася, пожалуйста…

Василий. Тихо! Это ко мне.

Ползёт к двери, открывает. Входят люди в военной форме во главе с капитаном.

Капитан. Нам нужен Василий Павлович Полозов.

Василий. А это я.

Приветливо машет рукой, стоя на коленях у двери. К нему подходит Нина.

Капитан (*брезгливо осматриваясь*). Значит, мэр старый маразматик?

Василий. И ворюга.

Нина. Остановись!

Капитан. А мы девочки?

Василий. По вызову.

Нина. Вася!!!

Капитан. А что ты там говорил про какого-то председателя и про прилизанного? И ещё вобла какая-то?

Василий. Прекраснейшие люди. Имел честь быть их соседом.

Капитан. Понятно… Грузите его.

Люди в форме поднимают Василия и надевают на него наручники. Он оборачивается к Нине.

Василий. Помни меня.

Нина. Обещаю.

Капитан. Уведите уже!

Люди в форме уводят Василия. Капитан продолжает осматриваться.

Нина. Его расстреляют?

Капитан. Да, через пару часов.

Нина. Не надо, он неплохой человек. Он же никому ничего не сделал.

Капитан. Закон об оскорблении величия, ничего не могу поделать. А что с ним случилось?

Нина. Сошёл с ума, надо полагать. Из-за… Из-за телевизора.

Капитан. В смысле?

Нина. Это долгая история, как и весь сегодняшний день.

Капитан. Может, всё же расскажете?

Нина. Может быть… Хотите чаю? У нас есть с сахаром.

Капитан. Давайте…

Снимает фуражку и садится на табуретку. Нина уходит на кухню.

Капитан. Что там пишешь, студент?

Виктор (*не оборачиваясь*). Сочинение.

Капитан. Сочинение — это хорошо. И на какую же тему?

Виктор. «За что я не люблю нашу Империю».

Капитан. А ты остряк.

Виктор. Я серьёзно.

Капитан. Вот как? Хочешь отправиться вслед за папашей?

Виктор. Мне уже всё равно. (*Оборачивается и смотрит на капитана.*) Как и ему.

Капитан. Не страшно?

Виктор. Уже нет.

Капитан надевает фуражку, встаёт и молча идёт к выходу, там сталкивается с Ниной.

Нина. Вы куда? А чай?

Капитан. Мне уже пора.

Нина. Ну да, понимаю…

Капитан. Берегите сына, он славный малый.

Уходит.

Нина подходит к Виктору и обнимает его за плечи. Он продолжает писать.

Нина. Странно, я совсем ничего не чувствую. Какая-то пустота внутри и нет никаких эмоций.

Виктор. Он хотел умереть...

Нина. Да.

Виктор. Что мы теперь будем делать?

Нина. Не знаю, но ты должен гордиться своим отцом. Мы его недооценивали.

Виктор. Я закончил сочинение.

Нина. Тогда читай.

Возвращается на своё кресло и закрывает глаза.

Виктор. «Империя… Сколько всего вмещается в это слово: люди, границы, идеология, история, амбиции, масштабы… Я Виктор Полозов, мне 13 лет, и я тоже Империя. Я маленький винтик в огромном вечном двигателе, одна из песчинок вашего пляжа. Вы знаете что-нибудь обо мне? Как, совсем ничего не знаете? Не беда, я могу рассказать... Я живой человек, у которого есть родители и немного друзей, любимые книги и вещи, которые о чём-то напоминают. Я живу в небольшом городке, и у меня тут есть места, в которых я люблю бывать, и места, которые я избегаю. Дальше своего городка я нигде не был, а если и был, то не помню, поэтому Империя для меня – это пространство радиусом в пять километров, от ратуши вечного мэра до границ леса. Немного, конечно, но мне хватает. Наверное, мне бы хватало и пространства запертой клетки, ведь, как говорил один мой знакомый философ – ко всему привыкаешь, даже к самому невыносимому. И, видимо, все вы думаете точно так же, ведь мир, в котором я живу, непрерывно сужается. Вероятно, однажды настанет тот день, когда этот мир меня раздавит, но пока этого не случилось, я продолжу говорить то, что мне теперь кажется важным...»

Не надо плакать, мама.

Нина. Всё хорошо, сынок, продолжай. (*Вытирает слёзы.*)

Виктор. Не надо. Пожалуйста…

Нина всхлипывает и заходится в плаче.

Виктор. Всё будет хорошо, не надо так…

Нина. Прости… Я сейчас успокоюсь, я сейчас… Мне просто нужно пережить этот день.

Растирает слёзы ладонями.

Нина. Мне казалось, я любила твоего отца, и мы всё делали как надо. Как всё это могло получиться? Я схожу с ума.

Виктор. Надо успокоиться.

Нина. Наверное, я плохая жена и мать.

Виктор. Не говори так.

Нина. Я вспомнила…

Виктор. Что?

Нина. Вспомнила, что мне снилось этой ночью. Собаки… Мне снились собаки. Они бежали за мной и окружали, а я была совсем одна. Они рычали и скалили зубы, а потом я вбежала сюда, домой, и слышала, как они воют за дверью.

Виктор. Ужасный сон.

Нина. Мне теперь кажется, что они окружали меня всю жизнь. Я и сейчас слышу их вой в ушах. Боже, ведь мы теперь совсем одни.

Виктор. Да, поэтому надо успокоиться.

Нина. Наверное, я не смогу. Да и какой смысл?

Виктор. Мы будем жить дальше, несмотря ни на что. Много-много лет. И не беда, что меня не возьмут на работу в ратушу.

Нина. Ты таким взрослым стал, таким рассудительным. А возможно, ты всегда таким был, просто я не замечала. Я ничего не замечала вокруг себя…

Виктор. Сериал начнётся через десять минут.

Нина (*улыбаясь сквозь слёзы*). Сериал? Про Мигеля?

Виктор. Да, твой любимый.

Нина. У нас же нет телевизора.

Виктор. Зато есть у Лисицыных. Помнишь? Дядя Саша говорил, что они тоже его смотрят, и звал нас.

Нина. Даже не знаю… Думаешь, это будет нормально?

Виктор. Почему бы и нет?

Нина. Тогда пойдём?

Виктор. Пойдём.

Нина. У меня, наверное, ужасное лицо после этих рыданий…

Виктор. Это правда.

Встают и уходят. От ветра открывается окно, и сквозняк шевелит страницы лежащего на столе сочинения.

ПОЭМЫ

ПЕСНИ МЁРТВОГО МОРЯ

И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.
М. Лермонтов

Пролог

Мне кажется, я вновь теряю счёт годам.
Античность? Ренессанс? Период неолита?
Вокруг меня вода. Так время по волнам
несёт меня туда, где правда не сокрыта.
Где нет свирепых орд и алчущих князей,
где духи мирно спят в уютной колыбели,
где звёзды не горят в кромешности ночей,
поскольку нет ни дат, ни даже дней недели.

Я двигаю веслом, как сотни лет назад.
Баал, Левиафан, Пифон, Люциф, Мамона…
Мне имя – Легион. Я свой покинул Ад,
ужасно заскучав от тамошнего трона.
Сегодня я так стар… Но был ли я другим?
А был ли вообще, иль всё это виденье?
Я помню Вавилон, Иерихон и Рим,
Адама и Эдем, и боль грехопаденья,
костры на поле битв, безликие кресты,
переселенье душ, империй и народов,
просторы площадей, дрожащие мосты
под гибельной волной варягов или готов.

Лишь мерный тихий шум и чёрная вода
свидетели мои, моя земная радость.
По памяти-реке я двигаюсь туда,
где ничего уже, по сути, не осталось.
На что мне этот мир, его азарт и власть?
Я был в нём сотни раз, творя его эпохи.
Вселенская любовь, сжигающая страсть,
искусство и война – всё рушится на вздохе.
Быть может, в первый раз и было хорошо,
потом же – всё не то, совсем не интересно.
Я был здесь сотни раз и сотни раз ушёл,
и это было так, и это было честно,
в отличье от того, кто обещал быть здесь
до самого конца – он тот ещё обманщик!
Я знаю его нрав, всю ложь его и спесь.
Какой же это Бог? Увы, простой амбарщик.
Он запер на замок всё то, что сотворил,
приставил своих слуг и обернулся мифом,
чтоб люди бились лбом, да не жалея сил,

взывая к пустоте под лучезарным нимбом.

Слепое дурачьё, наивный жалкий сброд,
считают – это я причина всех страданий.
Но всё совсем не так, тут всё наоборот!
Я исполнитель грёз, желаний и мечтаний.
Отец червей и лжи? А что вокруг не ложь?
И что вокруг не тлен, не царствие печали?
При имени моём их всех бросает в дрожь,
но все они хоть раз меня призвать мечтали.
Я помню лишь одну святую чистоту,
и если есть любовь – я испытал немного.
Но, видимо, тогда я полюбил не ту –
она ждала себе не Дьявола, но Бога.
О Сарра, ты ещё стоишь передо мной,
и всюду не вода – всё та же Иудея.
И я не древний дух, а утешитель твой
у скорбного креста распятого еврея.
Ты смотришь на него, колени преклонив,
ты молишься ему, и я беззвучно вторю.
Мне было наплевать на этот новый миф,
но я хотел делить с тобою твоё горе.

Глава 1. Голгофа

– Довольно, Сарра, он не оживёт.
Мы встретили уже второй восход,
и ничего не предвещает чуда.

– Я не уйду отсюда никуда.
Он мой Спаситель, он моя Звезда…
Прошу тебя, оставь меня, Иуда.

– Тебя оставить выше моих сил.
Что до него – то я его любил
почти как брата. Тяжкая потеря…

– Прости, Иуда. Я тебе не верю.

– Не понимаю, в чём моя вина?
Так долго я без отдыха и сна
страдаю вместе с небом и тобою.

– Мне кажется, страдаешь о другом.
А я скорблю все эти дни о том,
кто дал мне чувство счастья и покоя.

– Он умер, Сарра, умер навсегда.
Никто не вечен, пламя и вода –
и те однажды станут пустотою.
Идём, идём, пожалуйста, со мною.

– Он не погиб, всё это не конец.
Его призвал наш Бог и наш Отец,
но знай – он обязательно вернётся.

– Скорее будет остановка солнца.

– Молчи, несчастный, лучше уходи.
Я вижу лучик света впереди,
мне этот луч последняя награда.

– Ты хочешь это видеть, но взгляни
вокруг – мы остаёмся тут одни,
как овцы, убежавшие из стада.

– Зачем нам стадо трусов и лжецов?
Ты сам ещё недавно был готов
пойти за ним, куда бы ни сказали.

– Я говорил всё это для тебя,
страдая, презирая, но любя.
И в этой неразгаданной печали…

– Оставим это, как ты не поймёшь,
что мне всегда была противна ложь,
она в начале остальных пороков.

– Не знаю, кто тебя настроил так,
но этот человек мой главный враг,
пусть даже он из общества пророков.

– Ты сам меня настроил так. Прости,
что я явилась на твоём пути,
но этот путь кончается, Иуда.

– Ты сможешь позабыть меня? Скажи,
и я навек покину твою жизнь.

– Смогу ли? Да, я думаю, забуду.

Глава 2. Ад

Чёрные скалы из снега растут,
чёрные скалы.
Чёрные души здесь ищут приют,
псы и шакалы.

Чёрные птицы летают поверх,
требуя дани.
Ужаса крики и дьявольский смех
бьются о камни.

Солнце не встанет уже никогда,

только луною
будут подсвечены области льда
и непокоя.

Час до полуночи в адских часах –
вечно и точно.
Так на любых о прощенье мечтах
ставится точка.

Чёрные скалы из снега растут,
скалы повсюду.
Вот и Иуда нашёл тут приют.
Вот и Иуда…

***

На острой как бритва вершине
стоит перевёрнутый крест –
в насмешку о Божьем сыне
Пифоном поставлен здесь.

На нём, извиваясь и мучась,
апостол висит. О да,
его незавидна участь –
так Страшного ждать Суда.

Над ним разлетаются птицы,
вокруг него горький дым.
А в памяти вьются лица,
что были когда-то с ним.

И каждое имя – как оклик
из стёртых навек времён.
Вот матери нежный облик,
вот бойкий рыбак Симон.

Бездомные возле базара,
что просят глоток вина…
И смысл всей жизни – Сарра –
навстречу идёт одна.

Она так хрупка и невинна,
смесь грации и манер.
Весь облик её – картина
художника высших сфер.

Но есть и другое виденье,
Что, может, ещё больней,
чем страстное угнетенье,
чем память его о ней.

Глава 3. Гефсимания

– Проснись, Иуда, пробудись скорей.
Я вижу уже свет их фонарей,
они всё ближе. Там первосвященник
и страшное количество солдат.
Проснись, Иуда, я не мог солгать,
теперь я опозоренный изменник.

– Симон? В чём дело, ты испил вина?
Над садом Гефсимании луна,
зачем ты разбудил меня так рано?

– Меня пытали, я им выдал всех,
на мне теперь извечный будет грех,
как исцелить теперь мне эту рану?
Я знаю, как… Иуда, ты спасёшь
меня, всего лишь маленькая ложь
поможет мне остаться рядом с вами.
Ты скажешь всем, что я тут ни при чём,
что это ты…

– Стал нашим палачом???

– Будь аккуратен с этими словами.
Им нужен только Равви, а не мы,
мы избежим позора и тюрьмы,
распятия за городской стеною.
А он и сам ведь к этому готов,
его и так уже прольётся кровь,
и рисковать своей головою...

– Симон, о боже, что ты натворил!
Буди же всех, и не жалея сил
мы побежим из проклятого сада!

– Мы не сбежим отсюда никуда,
их тут повсюду целая орда,
поверь же, им противиться не надо!

Наоборот, смиренно встретим их,
жестокостей не допустив любых
в их сторону. Да смилуется Боже
над всеми нами. Только ты молчи,
что это я в их лапы нас вручил,
не забывай, Иуда, ты мне должен.

Ведь я давно всё знаю про тебя.
Пока ты сохнешь, Сарру возлюбя,
мой нем язык, мертвы глаза и уши.
Но я бы мог немало рассказать
того, что ей вовек не стоит знать,
и ей, уверен, больно будет слушать…

– Симон, довольно. Я тебя не сдам,
но да и ты простор не дай словам,
молчи о том, что там когда-то было.

– Иуда, я как брат тебе, поверь.
Моя тебе всегда открыта дверь,
а что до слов, ты знаешь – я могила.

– Солдаты здесь, окончим разговор.
Мне страшно, я молюсь и прячу взор
от этого грядущего… Наш Равви…

– Я тоже за него сейчас молюсь,
но временна пусть будет наша грусть,
ведь он сегодня воссияет в славе.

Глава 4. Ад

Часы, минуты ли прошли, а может, целый век?
Он всё висит на том кресте, несчастный человек.
Он мог на небе восседать, о, что пошло не так?
И он висит вниз головой, и рядом только мрак.

Уснуть, забыться хоть на миг, но память не даёт.
Она летит по временам, и страшен тот полёт.
То выхватит из пустоты родителей, то крест,
то самую желанную из всех земных невест.

Зачем, зачем ты мучаешь бессмертием таким?
Пусть все воспоминания развеются как дым.
Все эти люди, чувства все пусть разом возгорят.
Но всё как есть, и будет так, поскольку это ад.

А память крутит колесо всё резче, всё быстрей.
Из Гефсимании ведёт на праздник палачей.
Первосвященники сидят и гордо держат речь.
Что стоит им невинного на ужасы обречь?

О, где ты, дева милая, что так была светла?
Как не хватает каждый миг любовного тепла.
Но ей, конечно же, сюда заказаны пути,
а значит, остаётся лишь шептать во тьме
– прости.

Он обошёл бы целый мир, идя за ней одной.
Он стал бы сочною травою под её ногой,
он всё бы смог и совершил, лишь прикажи она.
Но между ними Дьявол встал как чёрная стена.

– Тебе, тебе, о скорбный дух, проклятия мои!
Ты всё разрушил, а меня ты здесь похоронил.

Но и тебя однажды ждёт такая же судьба,
ты тоже раб, ты Божий раб, и скоро казнь раба.

Так шепчет он вниз головой, а мрак ему в ответ:
«В отличие от вас, рабов – мне миллиарды лет.
Я сам себе хозяин здесь и сам себе судья,
при имени моём дрожат и небо, и земля.

Кого ты хочешь напугать, бессмысленный глупец?
Ты предрекаешь гнев Отца, но где же твой Отец?
Я вызывал его на бой, всё кончилось ничьей.
Теперь же я тебе отец и памяти твоей.

Мы два предателя с тобой, хоть ты и не хотел.
Любить двоих на все века был твой земной удел.
Но не твоя беда, что их так короток был срок.
Ты их любил, и это твой единственный порок».

Глава 5. Суд

«Он бродит среди нас в накидке чёрной,
заглядывая каждому в глаза,
а мы молчим нелепо, обречённо,
ведь ничего не повернуть назад.

Он пробует на ощупь наши души,
выискивая первобытный страх,
а нам теперь осталось только слушать,
как падает песок в его часах.

Но удалился злобный дух незримо,
и зазвучали первые слова
о заговоре нашем против Рима,
мол, это преподносит так молва.

Ответить что? Куда теперь бы деться?
Молчит Учитель, наши все молчат.
У каждого так громко бьётся сердце…
А кто-то произнёс уже: «Пилат!»

И вновь ведут дорогами ночными,
и громче всё биение сердец.
Вот стражники своими позывными
нас вводят в прокураторский дворец.

Вот и Пилат в помятой серой тоге,
едва проснувшись, спрашивает нас
о нашей цели и о нашем Боге,
и виден гнев внутри холодных глаз.

Что отвечать? Куда, опять же, деться?
Нас окружает стража из солдат.

И не унять никак биенья сердца…
Молчит Учитель, наши все молчат.

…Но вот Симон уже отрёкся первый,
и все за ним упали в ту же грязь.
О, как слабы сердца наши и нервы
пред тем, кто выше и сильнее нас.

Звучит вердикт, они уводят Равви,
он так ни слова и не произнёс.
Всё как во сне, но это время яви.
И время слёз».

Глава 6. Ад

– Память забери мою и разум,
чтоб не думать больше о былом.
Мне уже неважно, что потом.
Убивай меня, но только сразу.

– Ты давно погиб уже, апостол,
а верней, покончил сам с собой.
Хочешь распрощаться и с душой?
Даже для меня это непросто.

– Я хочу, но расплатиться нечем,
я одна лишь из твоих теней,
с этой вечной памятью о Ней
и о Нём. Да сам к тому же вечен.

– Глупый раб, ты всё ещё наивен,
веришь в справедливости рассвет.
Только до тебя им дела нет,
тем, кого ты позабыть бессилен.

– Разве я один во что-то верю?
Разве ты не хочешь быть прощён?
Мы здесь оба пленники времён
за надёжно запертою дверью.

– Может быть, но я жил, выбирая,
что оставлю, что потом найду.
Лучше вечно первым быть в аду,
чем вторым в зелёных чащах рая.

– Знаю, знаю. Ты высокомерен,
никогда не сможешь стать вторым.
Но твои амбиции лишь дым,
что развеет страждущее время.

– Не тебе, глупец, читать морали,
Князю мрака, холода и снов.

Лучше поминай свою любовь
и Того, что вместе предавали.

Глава 7. Голгофа

«Застучат молотки в тишине гробовой,
чтобы я и она попрощались с Тобой,
чтобы солнце исчезло на восемь минут,
чтобы Ты осознал, что Тебя уже ждут.

Терпеливо стоим под высоким крестом
и молчим о своём. Мы молчим о своём.
В этом центре вселенной навечно одни…
Нам считать теперь дни, одинокие дни.

Разойдётся толпа по привычным делам.
Всё, что было с Тобой, доверяя векам,
побредут Твои братья по тропам земли,
говоря на иврите: «Уверуй, внемли!»

Только я и она не найдёмся средь них,
наш укроется след на дорогах иных.
Ей идти за Тобой, мне бежать от Тебя,
но всё так же любя…

Уже скоро она скажет всё, что должна,
и пройдёт навсегда между нами стена.
Вас двоих потеряв, я себя не найду
и уйду в никуда в долгожданном бреду.

Не герой и не трус – одиночества раб.
Я смертельно устал и безумно ослаб.
Я не верил в Тебя, но я верил Тебе,
отдавая, что есть, нашей общей судьбе.

Помяни там меня, раз всё было не зря.
Я не бывшего друга прошу, но Царя,
что разрушил сегодня основы основ,
умерев за всех нас и за нашу любовь.

Это должен был я повторять у креста,
но речами моими владела лишь та,
что скорбела, Тебя провожая наверх.
Так прими же мой грех».

Глава 8. Ад

– Всё приходит в движение, там и тут,
содрогается солнце и мир теней.
На земле и на небе чего-то ждут,
это значит – пора уходить и мне.
Мы с тобою две тысячи лет назад

погребли себя заживо в этих льдах.
И теперь я навек оставляю ад,
и твоё наказанье – в твоих руках.
Будь хозяином этих унылых мест,
развлекай себя болью своих врагов.
Ты уже искупил этот чёрный крест,
по которому всё ещё льётся кровь.
Всё меняется там, за границей тьмы,
что-то новое вылезло на помост.
Это значит, уже не нужны и мы,
очевидцы рождения старых звёзд.

– Ты уходишь??
– О да, мне уже пора.
Я сыграл свои роли давным-давно.
Ты не думал, что всё это лишь игра?
Всё, что было «судьбою» тебе дано?
Нет ни ада, ни рая. И нет богов.
Да и муки твои – это только сны.
Все твои злоключения, вся любовь
только Мыслью твоею тебе даны.
Больше нет ничего, этот мир пустой.
Оставайся же в нём, кем захочешь сам.
Ну а я, как-никак, заслужил покой,
вашим пугалом странствуя по векам.

Я ведь тоже когда-то считал всерьёз,
что могу хоть на что-то влиять, увы,
но реальность развеяла время грёз.
Наступает период другой главы.
Я пойду по векам до конца времён,
а затем к их началу вернусь опять.
Быть свечой во Вселенной я обречён,
как и ты – загораться, но не сгорать.

Глава 9. Иерусалим

– Держи меня за руку крепче,
держи и не отпускай.
Сегодня мне снился рай…

– А мне… И не помню даже,
наверное, всякий вздор…
Нахмурясь, он прячет взор.

– Ты любишь меня, Иуда?
Скажи это ещё раз!
И можно не прятать глаз?

– Люблю… Это сны всё так же
пугают меня порой.
Не ведаю, что со мной.

– Симон говорил, что некто –
по-моему, плотник, да? –
врачует всех без труда.

– Да, плотник из Галилеи
по имени Иисус…
Постой, я сейчас вернусь.

– Куда ты? Случилось что-то?
Иуда, прошу, постой!
Да что же опять с тобой???

Но он уже слов не слышит,
расталкивая народ,
он быстро бежит вперёд.

Вчерашние сны восстали
всей силой в его глазах,
а с ними могильный страх.

Спасаться! Но кто-то сзади
ехидно смеётся вслед.
И меркнет повсюду свет…

***

Чёрные скалы из снега растут,
чёрные скалы…

СЧАСТЬЕ

Поэма

Вы никогда не будете счастливы, если будете продолжать искать,
в чем заключается счастье.
И вы никогда не будете жить, если ищете смысл жизни.
А. Камю

1

Тёмно-серое небо рисует вечерний бог
на рутинном пейзаже, где есть уже лес и речка,
деревеньки, уснувшие прямо у самых гор,
сами ставшие снами для времени и друг друга…
Всё темнее тона, всё активней гуляет кисть.
Неуклюжие жесты – и медленно вниз стекает
по холсту непокорная краска, а значит, дождь
накрывает собою рисунок или реальность.
И художник, скривившись, бросает свои труды,
задувает все свечи и двигается на выход
из своей мастерской. Он вернётся сюда потом,

может, утром, а может, и через одну эпоху.
Для людей и богов время движется не совсем…
Не совсем идентично, ведь боги имеют вечность
на свои развлеченья, а люди – короткий миг,
именуемый жизнью. И этого всё же мало.
А рутинный пейзаж, пробудившись едва-едва
от небесной воды, возвращается к сновиденьям,
где само бытие так условно, что его смысл
эфемерен и даже творцу своему не ясен.
В этом бремя провинции всякой, тем паче той,
что свою метрополию может увидеть только
через вещие сны или сны о минувшем, но
никогда и никак им не сблизиться в настоящем.
Там живут по заветам отцов для своих детей,
там «вчера» совмещается с «завтра», и так по кругу.
А «сегодня» там нет, даже если оно придёт,
его тут же отправят по-быстрому восвояси.
Так бегут от себя, ни на чём не оставив след,
так смиряются с жизнью и тем, чем её прозвали.
Репетируют смерть. И, поверив в любых богов,
принимают её как подругу и избавленье.
Но и смерть не торопится в эти пределы сна,
оттого и живут там немало, порой до сотни,
бесконечные будни свои посвятив всему,
что избавит от мыслей (тем паче в сырую осень).
Капли всё ещё падают, скоро их сменит снег,
и ещё один год обнулится, и смятый листик
упадёт к сапогам лесника, понесётся прочь,
подгоняемый ветром, пришедшим из ниоткуда.
Но пока ещё дождь, и за шумом сырой листвы
слышен голос реки, что от скуки поёт негромко
свою старую песню, бог знает в который раз,
и ей сонно внимают деревья, трава и горы.
Эта песня о Счастье, что тысячу лет назад
здесь бродило, искало себе то ли кров, а то ли
что-то большее. Впрочем, минуло так много лет,
что уже не понять, что там было на самом деле.
Только песня осталась. И вот, как тогда, звучит
её странный мотив над рутинным пейзажем жизни,
прорываясь сквозь осень, её равнодушный дождь
и сквозь время.

2

«Помню, как выходил землепашец сырой весной
со своею лошадкой на чёрное поле жизни
и беседовал с каждой корягой и каждым пнём,
да со всею вселенной о тяжком труде и долге.
За лошадкой послушно тащилась вперёд соха,
а хозяин ровнял её сзади рукой и словом…
Так к обеду приблизившись, он посмотрел назад
и увидел, что сделано менее, чем хотелось.

Это старость, – шептал он беззвучно своим богам
и скотине своей, равнодушно глядевшей мимо,
ведь его оправданья так часто звучали здесь,
в этом поле, что видело зрелость его и юность.
Он устало сидел возле лошади. Он смотрел
на свинцовое небо, на горы, на кромку леса
у черты горизонта, и думал, что будет дождь,
или к вечеру, или, того гляди, много раньше.
А ещё была память, пришедшая, как всегда,
неожиданно, да и неясно с какою целью.
Он листал её образы всех позабытых лет,
«Где ты, счастье?» безмолвно и траурно повторяя.
Он уже мог уснуть, но к нему подошёл тогда
незнакомый ребёнок совсем небольшого роста,
и армяк с капюшоном скрывал его тельце так,
что нельзя разглядеть было даже и пяди кожи.
– Чей ты, отрок? – крестьянин, лениво открыв глаза,
недовольно смотрел на того, кто своим явленьем
оторвал его от созерцания прошлых лет.
– Я ничей, – отвечал незнакомец, застывши прямо.
– Я ничей, потому я сейчас и пришёл к тебе,
чтобы ты приютил меня этой сырой весною.
Много времени занял на этой земле мой путь,
но он будет закончен, едва отыщу я дом свой.
Засмеялся тогда землепашец беззубым ртом,
указал своей дланью на ждущую рядом лошадь:
– Для неё мне и то не хватает простейших благ,
что ты просишь сейчас, да и сам я лишён покоя.
Как зовут тебя, глупый дитятя, с каких ты мест?
Почему ты плутаешь один по земле так рано?
Или ты сирота, или, может, бежал от всех?
– Называй меня Счастьем, – ему отвечал ребёнок.
– Дал же бог тебе имя, – смеялся опять старик,
– только имя твоё тебе вовсе не помогает.
– Но поможет тебе. Попроси и получишь власть,
и всё то, что даёт она – станет твоей отрадой.
– Ты и правда глупец, – осерчал на него старик.
– Что мне власть, если я и родился, и сдохну нищим?
Да и кто ты такой, говорить, словно вещий бог?
Скудоумный щенок, что не выше аршина с пядью.
– Называй меня Счастьем, – ему повторил малец,
но крестьянин отплюнулся и повернулся на бок,
пробурчав: – Моё счастье одно и зовётся «хлеб»…
Ты – не хлеб, посему отправляйся обратно к чёрту».

3

«Помню, как тихий инок молился у Злой горы
на июльском рассвете в тени постаревших сосен.
Он сюда приходил каждым утром пятнадцать лет,
а потом перестал приходить. Вероятно, умер.
Но в тот день он был там и, читая свои псалмы,

он качался им в такт, игнорируя всё, что рядом,
и янтарь в его чётках весь свет, что вбирал в себя,
возвращал троекратно природе и всей вселенной.
Было тихо. Лишь чайки порою кричали, лишь
вдруг поскрипывал лес где-то там, за его спиною.
Да и солнце, так быстро поднявшееся вдали,
замирало теперь в одном месте на небосклоне.
Механически двигались пальцы, янтарь блестел,
монотонное чтение вновь поднималось к небу.
Но сомнения жили в монашеской той душе,
как и в каждой другой, отчего появлялись мысли,
не совсем совместимые с текстом его молитв.
Оттого, вероятно, он вместо «Прости мне, Отче»
вдруг запнулся и тут же негромко спросил: «За что?»
и умолк, подивившись своей перемене резкой.
Оглядевшись, он понял, что рядом всё тот же лес,
та же Злая гора, то же небо, всё то же солнце
посылало ему, как и раньше, свой тёплый свет.
Только что-то уже не могло оставаться прежним.
Не могло, но должно было. Сделав глубокий вдох,
он продолжил читать, отгоняя все злые мысли,
из которых одна говорила «Мне не понять»,
а другая «Поэтому я и не буду счастлив».
Он продолжил читать, но к нему подошёл тогда
незнакомый ребёнок совсем небольшого роста,
и армяк с капюшоном скрывал его тельце так,
что нельзя разглядеть было даже и пяди кожи.
– Чей ты, отрок? – монах, обернувшись, его спросил.
– Отчего ты один в это время в столь диком месте,
где не то что людей – и животных не отыскать?
– Я ничей, – отвечал незнакомец, застывши прямо.
– Я ничей, потому я сейчас и пришёл к тебе,
чтобы ты приютил меня этим Господним летом.
Много времени занял на этой земле мой путь,
но он будет закончен, едва отыщу я дом свой.
– Я бы дал тебе кров свой, – ему отвечал монах,
– но ничем не богат, кроме веры, и то некрепкой.
Возвращайся туда, где твой дом, где твоя семья,
пусть она о тебе позаботится, если сможет.
– Я давно бы вернулся, когда бы я знал куда,
потому и брожу всё по этим унылым землям.
Только имя моё мне известно, оно одно,
а зовут меня Счастьем, и это не просто имя.
– Необычное имя, и сам ты совсем не прост,
только я всё равно не помощник тебе, прости уж.
– Может, я помогу тебе? Хочешь любую власть?
Или ты хочешь хлеба, который всегда в избытке?
– Ты расслабленный, видимо, или совсем дурак,
ты же сам только что попросил у меня приюта,
а теперь говоришь словно князь или целый Бог.
И монах, отвернувшись, продолжил читать молитвы.
– Ты не веришь мне, инок? Я Счастье, я всё могу.

Но монах отмахнулся и принялся вновь за чётки,
пробурчав: – Моё счастье одно и зовётся «Бог»…
Ты – не Бог, посему отправляйся, откуда прибыл».

4

«Помню грозного ратника, что на своём коне
возвращался с полей, обагрённых великой кровью.
Он и собственной крови немало оставил там,
но чужой всё же больше – и этим он был доволен.
Два копья он сломал в рубке тех небывалых сеч,
расколол свою палицу, щит и наручник медный.
Только меч не подвёл, и кольчуга спасла, когда
показалось, что не миновать ему славной смерти.
И сейчас ему слышался грохот тех славных битв,
да мерещились всюду чужие полки и стяги.
Его конь, словно чуя всё это, сбавлял свой шаг,
помышляя о том, что пора бы и подкрепиться.
Осень щедро плеснула багровый и жёлтый свет
на кусты и деревья, в своей утвердившись власти,
и сырой ветерок разноцветные листья в путь
отправлял то и дело, как будто шальной ребёнок.
«Ещё несколько вёрст, и до дома рукой подать,
ещё несколько вёрст», – думал воин, в седле качаясь.
Но опять ему вспомнился славный его поход,
и вернулась тоска по заслуженной ратной славе.
«Что мне дом мой, и где он, и где же моя семья?
Поле битвы – мой дом, и семья мне – моя дружина.
Есть ли большее счастье для выросшего в бою?»
Сам себя вопрошал он и сам же давал ответы.
Он всё думал об этом, как встал на пути тогда
незнакомый ребёнок совсем небольшого роста,
и армяк с капюшоном скрывал его тельце так,
что нельзя разглядеть было даже и пяди кожи.
– Чей ты, отрок? – спросил его воин, сдержав коня.
– Что ты бродишь один вдалеке от людских селений?
Может, ты потерял своих, может, от них бежал?
– Я ничей, – отвечал незнакомец, застывши прямо.
– Я ничей, потому я сейчас и пришёл к тебе,
чтобы ты приютил меня осенью этой зябкой.
Много времени занял на этой земле мой путь,
но он будет закончен, едва отыщу я дом свой.
Отвечал ему ратник: – Тогда продолжай искать,
ибо я, как и ты, суть свободный осенний ветер.
Мой очаг – это битва, он вечно горит вдали.
Я давно это чувствовал, жаль, что не сразу понял.
– Не бросай меня, воин, я Счастье, я всё могу, –
говорил незнакомец, воздев над собою руки.
– Хочешь власть, или хлебные скирды, а может, рай
для мятежной души – это то, что ты взять хотел бы?
Только ратник уже развернул своего коня
и сказал обернувшись: – Да будь ты хоть кем угодно.

Моё счастье одно. И зовётся оно «война».
Оттого позабудь обо мне и о нашей встрече».

5

«Помню князя великого. В золоте да в мехах,
он натягивал лук свой, встречая зверька иль птицу,
по колено в снегу, в бесконечном своём лесу…
И ни разу стрела его не разминулась с целью.
Так под звон тетивы да под свист краснопёрых стрел
коротал он свой день, как и многие дни в минувшем,
отдыхая от вихрей судьбы да от всех забот,
что всегда будут связаны с единоличной властью.
Где-то там за сугробами, где завершался лес,
чуть поодаль от гор его ждал разноцветный терем,
что резьбою искусной прославлен был плюс окном,
из которого грустно смотрела краса-княгиня.
Не спешил только к ней почему-то великий князь,
и дружину свою в этот раз он не взял с собою.
Он хотел быть один, и январский закат застал
того князя в раздумиях возле его добычи.
– И не стар ещё вроде, и властью не обделён,
и дружина сильна, и жена моя всех красивей.
Отчего не мила теперь стала мне жизнь моя?
И какого мне счастья ещё не хватало раньше?
Отвечал ему ветер холодный (и мёрзлый лес):
– Не покоя ли ищешь ты в этих сугробах серых?
Не устало ли сердце твоё от чужих забот
да от груза своих, что присыпаны этим снегом?
И кивал сам себе молчаливо великий князь,
и, оружие славное бросив, смотрел куда-то.
«Слишком быстро темнеет», – читалось в его глазах.
– И зима будет долгой, – ему отвечало небо.
…Он собрался назад, но к нему подошёл тогда
незнакомый ребёнок совсем небольшого роста,
и армяк с капюшоном скрывал его тельце так,
что нельзя разглядеть было даже и пяди кожи.
– Чей ты, отрок? – спросил удивлённо великий князь.
– Почему ты здесь бродишь один посреди сугробов,
и не холодно разве тебе в армяке простом?
– Я ничей, – отвечал незнакомец, застывши прямо.
– Я ничей, потому я сейчас и пришёл к тебе,
чтобы ты приютил меня, сирого, в эту зиму.
Много времени занял на этой земле мой путь,
но он будет закончен, едва отыщу я дом свой.
– Почему же я должен тебя приютить, и где
все родные твои, и с какого ты прибыл места?
Как зовут тебя, и отчего ты сокрыл лицо?
– Называй меня Счастьем, – ему отвечал ребёнок.
– Я и рад бы сказать, где был прежде мой дом и кто
мне родные мои, но я помню лишь только имя.
А лицо моё ты не увидишь, поскольку лиц

у меня даже больше, чем павших с утра снежинок.
– Ты блаженный, наверное, – молвил великий князь,
– ведь одно лишь лицо у любого, кто есть на свете,
да и имя твоё вызывает лишь только смех.
– Называй меня Счастьем, ведь это не просто имя.
Я могу всё на свете, захочешь ли вечный хлеб,
или славные битвы, а может быть, близость Бога
или власть, у которой не будет вовек границ.
Но смеялся над ним уже князь, хохоча безумно.
– Есть и хлеба в избытке, и в битвах прославлен был,
да и с Богом я дружен, а власти и так немало.
Лишь покоя не нажил для счастья, но где покой?
Уж не ты ли подскажешь? – И он пошёл прочь из леса».

6

– Я не помню такого, – задвигался влажный лес.
– И мы тоже не помним, – в ответ зашуршали травы.
– А мы помним прекрасно, – послышался рокот гор,
и огромные камни посыпались к их подножью.
– Чем же всё завершилось? – спросил неуёмный дождь.
– Если честно, не знаю, – ему отвечала речка.
– Правда, Счастья ни разу с тех пор не встречали тут,
вероятно, искать его нужно в краях далёких.
– Ни в далёких, ни в ближних краях его тоже нет, –
это ветер опять пролетел над промокшим лесом.
– Может, всё же вернётся? – склонилась к земле трава.
– А зачем ему это? – в ответ прожурчала речка.

7

Был ребёнком, старухи шептались о том, что Бог
иногда навещает нас в разных земных обличьях:
то представится путником, чтоб попросить ночлег,
то и попросту нищим, пришедшим за коркой хлеба.

И попробуй ты только ему отказать в сей день –
не простится уже и ни в той, и ни в этой жизни.
Так и Счастье, возможно, приходит в какой-то миг
и уходит неузнанным, чтоб не вернуться больше.

Оттого, словно в зеркале, мимо плывёт весь мир,
и среди отражений реальное ждёт нас что-то,
только что, мы не знаем, поверив в дурной мираж,
провожая глазами своё непростое Счастье.

СТИХИ

С ГРУСТЬЮ И НЕЖНОСТЬЮ

В ЭТОМ ДОМЕ…

В этом доме, оставленном нами,
половицы всё так же скрипят,
и всё так же скользит вечерами
по углам умоляющий взгляд.

И, задетый движеньем неловким,
абажур – повелитель теней –
освещает волокна циновки,
что лежит у раскрытых дверей.

За зелёными шторами сливы
обнажились от частых ветров,
и бежит себе неторопливо
время наших настенных часов.

Под часами во власти комода
две открытки с карельских озёр…
Чёрный кот неизвестной породы,
просыпаясь, бредёт в коридор.

Где-то там в глубине коридора
всё такая же власть темноты,
и, почти недоступна для взора,
там порой проявляешься ты.

И сквозняк, разорвав паутину
на разбитом ветвями окне,
признаёт тебя за Прозерпину
и твой голос приносит ко мне.

ДЛЯ ТЕБЯ

Я мог бы многое придумать для тебя
и я придумаю, запрусь на месяц дома.
Я столько раз писал поэмы не любя,
что, полюбив, – я напишу ещё три тома.

Когда закончится фантазия моя,
мы будем Одена читать в оригинале,
жить возле моря (заведём себе маяк),
ходить по выставкам, музеям, биеннале.

Когда всё это нам до боли надоест,
мы улетим за десять тысяч километров.
Пусть говорят, что неизвестных мало мест,

я для тебя открою пару континентов.

Но это будет чуть попозже, а пока
немногословен я, и повторяю снова
всего лишь три таких банальных слова,
пока в моей руке лежит твоя рука.

МИР ИЛЛЮЗИЙ

Мир иллюзий так хрупок и тонок…
Лишь ударит любовь побольней,
и в мужчине проснётся ребёнок,
и заплачет в постели своей.

Ну а после уткнётся в подушку,
осмысляя бытийность свою,
монотонно твердя, как игрушка, –
не люблю, не люблю, не люблю.

И действительно, чудо случится,
позабудется мучивший лик.
В книге памяти вырвать страницу –
это вырвать единственный миг.

Ничего, что подобным мгновеньям
нужно жертвовать годы тоски.
И любовь поддаётся сожженью,
словно пепел, слетает с руки.

Мир иллюзий так хрупок и тонок…
Его грани – осколки стекла.
Спи спокойно, невинный ребёнок,
всё, что было, – сгорело дотла.

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

…Опять царапает иголка
твою любимую пластинку,
соседка воет на ребёнка
(тупая вздорная блондинка),
а капли падают негромко
на Якиманку и Ордынку…

Бессонное Замоскворечье
лениво курит на балконах,
а мне бы что-то человечье
увидеть снова в незнакомых,
свои душевные увечья
развеять в чёрных коридорах

бездонной памяти. И это
объединяет нас с тобою –

желание дожить до света,
переболев однажды тьмою.
Я поджигаю сигарету
и снова кашляю смолою.

Долей вина в бокалы наши,
зажги неоновые свечи.
Мы сделаем немного краше
тот мир, что падает на плечи.
Мы станем искренней и старше,
когда уснёт Замоскворечье.

ОСТАНОВИ МЕТЕЛИ…

Останови метели за окном,
раскрась цветами радуги округу.
Пусть даже снег заменится дождём -
ты всё равно окажешь мне услугу.

Холодный мир, замешенный на лжи,
на адских муках с поисками рая...
Мы никуда отсюда не сбежим,
но сложно оставаться, не мечтая.

И мне легко уверовать, что ты,
богиня жизни и богиня света,
осуществишь наивные мечты
какого-то безумного поэта.

Он будет ждать. Ржавеющим пером
царапать невиновный лист по кругу.
А снег однажды сменится дождём,
они и мы не могут друг без друга.

ГОД СПУСТЯ

"Моя сказка, моё язычество,
мой возлюбленный идеал...
Что-то било, как электричество,
когда руки её сжимал,
когда властное восхищение
чёрным ливнем её волос
продлевало на жизнь мгновение
и сводило с ума всерьёз,
а в глазах её вся Вселенная
мириадом своих огней...
Ты по-прежнему незабвенная,
моя память о ней.
О ней".

Но молчу, отвернувшись в сторону,
и в глаза посмотреть нет сил.

Всё равно всё разделим поровну –
он ведь тоже её любил.

НЕ ЛЮБЛЮ

Прошлого не вернуть,
прошлое – это ты.
Лучше про всё забудь.
Я не люблю мечты,

верить во всякий бред,
выдуманный в кино.
Прошлого больше нет.
Кстати, уже давно.

А в настоящем – парк,
листья летят с ветвей.
Словно какой-то знак
всё завершить быстрей.

Что-то пошло не так,
я не люблю людей.

Славно, что их тут нет,
только листва и я.
Только один ответ –
я не люблю тебя.

В ЭТИ ДВЕРИ…

В эти двери входила любовь и подолгу смотрела,
никогда, никогда не встречая ответного взгляда.
Просто мне до неё никакого и не было дела,
ведь тебя, моё солнце, тогда ещё не было рядом.

И теперь, если вдруг этот призрак приходит и смотрит,
закрываю глаза, чтобы стало хоть чуточку легче.
Сам себе повторяю всё громче: «Да будь же ты проклят!
Посмотри!» Но глаза закрываются крепче и крепче.

Я открою однажды и буду, зрачками вбирая
столь знакомый мне облик, дивиться твоей красотою,
чтобы после, в разлуке, по тягостной жизни шагая,
вспоминать, что я счастлив был только однажды – с тобою.

НЕ С ТОБОЙ

В который раз я просыпаюсь не с тобой
и не в тебе тебя пытаюсь разглядеть...
Ведь это ты прижалась влажною щекой
к моей ладони? Это ты? Ответь.

Но что-то страшное с тобой произошло:
твои слова теперь по-новому звучат,
лицо другое... Как разрушить это зло?
И кто во всём этом в итоге виноват?

Не ты, конечно, и уж точно не она,
что занимает твоё место столько лет.
Быть может, я не отошёл ещё от сна,
в котором этого кошмара просто нет.

А этот сон я буду помнить наизусть,
в нём было место для тебя и для меня.
И раз реальность безысходная, то пусть
хотя бы сны былое счастье сохранят.

ВДОХНОВИ МЕНЯ…

Вдохнови меня снова, женщина
с чёрным нимбом над головой.
Ты была мне давно обещана
не то солнцем, не то луной.

Ты являлась, как привидение,
среди скорби, среди утех.
Ну а я? Я прошу прощения.
Я всегда выбирал не тех.

Лишь сегодня, стихами мучаясь,
возвращаясь на год назад,
я пишу о тебе по случаю –
просто вспомнил твои глаза…

Так приходит порой прозрение
поздней ночью, когда не ждёшь.
Где ты, милое привидение?
Почему ещё не идёшь?

СТАРОЕ ПРОРОЧЕСТВО

И я когда-то доверял любви,
искал её везде, чтобы согреться.
И первой встречной клялся на крови,
что не предам, покуда бьётся сердце.
И я с букетом у часов стоял
среди живых лавин автовокзала,
не веря в тот единственный финал,
который мне цыганка нагадала.
Она всё знала, всё до мелочей,
ещё тогда, в концовке девяностых.
За пригоршню потрёпанных рублей,
что сэкономил в рыночных киосках,
она смотрела на мою ладонь

и бормотала, словно заклинанье,
что видит всё сметающий огонь,
а в нём души извечное страданье.
Что это пламя будет жечь дотла
любого, кто окажется с ним рядом,
что только пепел, пепел и зола –
венец всему, и, видимо, так надо.

Была права. Ведь я не раз потом
и сам горел, и обжигал любимых.
Как мотыльки поблизости с огнём,
они не знали, что спастись не в силах.
Я помню всех, и с ними часть меня.
Но и цыганский шёпот не забуду,
пока в пучине адского огня
горит душа и ожидает чуда.

ЕЩЁ ОДНА…

Ещё одна растаяла вдали
по воле неизвестного закона.
Растаяла, как тают корабли,
не взявшие с собою Робинзона.

И он кричит, ломает пальцы рук,
рвёт волосы и ветхие одежды…
Но время снова замыкает круг,
и за его пределами надежда.

А время дышит, время говорит,
то тихо шепчет, то гремит цунами.
Оно как волны кажется на вид,
и речь его сравнимая с волнами.

– Уймись, безумец, лодку не собрать,
и не дождаться помощи. Послушай!
Тебе осталась лишь морская гладь,
да уголок затерянной здесь суши.

Но он не спит, не ест, чего-то ждёт,
встречая утро еле слышным стоном.
И чайки, замедляя свой полёт,
внимательно следят за обречённым…

…Порою я и сам, как Робинзон,
смотрю туда, где тают все надежды.
Смотрю на столь далёкий горизонт,
а он такой же чистый, как и прежде.

Она давно растаяла вдали…
Но что теперь? Кому какое дело?
Надеюсь, не иссохнет на мели,

как тот, кого она не разглядела.

ЛЮБОВЬ И ВРЕМЯ

Забавно. Мы клялись с тобой когда-то
любить друг друга, как никто до нас.
Прошло лет семь, и ты не виновата,
что я твоих не помню даже глаз.

Но я на память в общем, не в обиде,
она лишь нить – оборванная нить.
Я столько лет тебя уже не видел,
что было б странно всё не позабыть.

Твои глаза, походка, жесты, голос –
всё затерялось в суетных годах,
и древний бог, неумолимый Хронос
не увеличит горсть песка в часах.

Он точит жизнь и разрушает память,
всему на свете свой отмерив срок...
Его песок не прекращает таять,
вся наша жизнь – рассыпанный песок.

Зачем всё это? Эти мысли, строки?
В чём их причина и какой мотив?
Ведь мы с тобой давно не одиноки,
друг друга кем попало заменив.

Но ты приходишь снова из забвенья
в унылой предрассветной тишине,
и я смотрю, как падают мгновенья
в часах песочных, что дарила мне.

ЕЁ ЛЮБОВЬ

Вчерашний март немыслимо далёк,
но что-то тает, тает в глубине...
В её глазах всё тот же огонёк,
когда она печётся обо мне.

И мне тепло от этого огня:
он не погаснет и не опалит.
Её любовь одна хранит меня,
но лучше сотни ангелов хранит.

...И ЧЕРЕЗ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ

Тебе и проклятья, и здравицы
стремительно плыли вослед...
И что-то, конечно, останется
и через две тысячи лет.

Сейчас Ты унылая пленница,
забывшая солнечный свет.
А Он никогда не изменится,
и через две тысячи лет.

Ты думала: стерпится, слюбится...
На всё был подобный ответ.
О, пусть ничего не забудется!!!
И через две тысячи лет.

АНГЕЛ СНОВ

Что тебе приснится в полнолунье?
Прошлый август или этот март?
А быть может, старая колдунья,
что притихла у гадальных карт?
Может, деревенская тропинка
между настоящим и былым?
А возможно, ангел-невидимка,
ставший на столетия твоим?
Или что-то детское, смешное?
Помнишь, как дурачились вдвоём?
Что бы ни приснилось, я с тобою
в каждом сновидении твоём...

Я ИДУ

Ты же помнишь мир под бледною луной,
мир, где царствовали
Вельзевул и Хронос?
Я забыл уже... Я снова за тобой
ухожу в неизмеримый
чёрный космос.

Там средь прочих звёзд ищу твою звезду,
чей огонь не так горяч,
да и не ярок...
Я уверен, что когда-нибудь найду
этот маленький
космический фонарик.

И прижму его тогда к своей груди,
чтобы стал он мне навеки
вместо сердца.
Я иду. И свет маячит впереди.
От него мне никуда уже
не деться.

TIBI ET IGNI[1]

...Эта дева не станет старше.
Я, напротив, в плену заката.
Мы могли повстречаться раньше,
ну, к примеру, в эпоху Данта.

И, страдая от многословья,
ворковать, размышлять, молиться,
к ренессансу средневековья
добавляя свои страницы...

...Она так и не станет старше.
Её зрелость уйдёт с другими.
Мы могли повстречаться раньше,
ну хотя бы в античном Риме.

Мы смотрели бы на скульптуры
с непосредственным изумленьем,
дополняя подъём культуры
своим тихим вечерним пеньем.

...Она станет мудрей, а старше?
Разве могут стареть святыни?
Мы, увы, не встречались раньше,
даже в довременной пустыне.

А ведь от сотворенья мира
я искал её вещим взглядом...
И мне было ориентиром:
«Ты найдёшь её где-то рядом».

[1] Тебе и огню (лат.)

НА ЧЕТВЁРТОМ

Настырным дождиком умыт
октябрьский вечер.
А на четвёртом свет горит –
и вроде легче.

Ведь на четвёртом ты опять
к стеклу прижалась
так, словно хочешь передать
свою усталость...

Твой силуэт почти парит
в оконной раме.
И на четвёртом свет горит,
как будто в храме.

Продолжу дальше наблюдать,
мечтать и таять,
тебя срисовывать в тетрадь
с названьем «память».

Пусть ветер дальше холодит
и дождик дразнит,
ведь на четвёртом свет горит.
И не погаснет...

СОЛНЦЕ ДЛЯ ОДИНОКИХ

Солнце для одиноких
падает вниз, скорбя.
Я пережил многих,
но не хочу – тебя.

В этот закат глядя,
словно впервые, я
думаю: чего ради
боги хранят меня?

Или не боги вовсе...
Просто, пока ты есть,
мне не сбежать в осень –
жить для тебя здесь.

Солнце для одиноких
плавит конец дня.
Ты разлюбила многих,
но не смогла – меня.

ВЛАСТЬ ЧАСОВ

За полвека я вымолвил только «здравствуй»,
остальное осталось стучать в висках.
Ты смелее меня. Разделяй и властвуй,
если не в целом мире, так хоть в часах.

Вот секунда проскочит, вторая, третья.
Загудит самолёт в ореоле туч,
застучат поезда, и махнут столетья
с этажей небоскрёбов и с горных круч.

И когда батарейка заряд истратит
и на дне циферблата погаснет ноль,
ты возникнешь, как призрак
в холодном платье,
забирая всю память, стихи и боль.

ЖЕНЩИНА С ЧАСАМИ

Много лет осенними ночами,
словно отмеряя жизни срок,
приходила женщина с часами,
из которых сыпался песок,

а ещё – цветные безделушки,
боль и гнев, любовная хандра.
Приходила осени подружка
на минуту или до утра.

Отвлекая от рутинной скуки,
от загробных криков воронья,
женщина протягивала руки,
правда, обнимала не любя.
А затем и вовсе растворялась,
покрывалась снежным серебром.
Только никогда не забывалась,
да и не забудется потом...

Я тебя, любимая, не знаю.
Верю – только в этом виноват.
Ты была мне послана из рая,
чтобы обрекать меня на ад.
А теперь, когда тебя не стало
и не стало, в общем-то, меня,
небо утром будет ярко-алым,
и рассвет случится без дождя.

В эту осень нас уже не встретить,
но ещё бегут за кем-то дни...
И пускай хоть завтра на рассвете
эти «кто-то» будут не одни.

КАК СКОЛЬЗИЛА СЛЕЗА...

Как скользила слеза,
из души вытекая,
как блестели глаза,
всё тепло отдавая,
как шагала зима
по тропе мирозданья...
Мы сходили с ума,
оставаясь в сознанье.
Всё досталось другим –
и слова, и улыбки.
И теперь мы бежим
друг от друга. Ошибки
слишком ценны, раз нет
ничего остального,
раз полуденный свет
не находит мой город.
Потому и храню
твои взгляды и жесты,
потому и звоню,
не найдя себе места,
не на те номера
и не тем абонентам,

совмещая вчера
с подходящим моментом.

Ты была бытиём,
ожиданием встречи,
благодарным словцом
в оскорбительной речи.
Может, чем-то ещё,
но теперь и неважно...
И в столетья плывёт
твой кораблик бумажный.

ПРИЗРАК

Через силу коснусь плеча –
и рассыплется призрак весь.
– Не ходи сюда по ночам,
тебе нечего делать здесь.

Он вернётся, я убеждён.
Будет до гробовой доски.
Потому что всё знает он
о причинах моей тоски.

DELUSIONE[1]

Умолкнет телефон, стемнеет за окном,
и память в сотый раз расправит свои плечи.
Напомнит, как тогда бежали под дождём
куда-то ты и я. И мрак летел навстречу.

Мы пережили дождь и пережили мрак.
Мы даже небеса, казалось, обманули,
но их не проведёшь. И всё пошло не так,
наверное, тогда, под тем дождём в июле.

Теперь вокруг зима, теперь повсюду снег.
А ты и я – мы где? Что нам ещё осталось?
Что было до того, как этот мир поблек,
показывая нам свою тщету и старость?

И что будет потом? Я закрываю дом
и ухожу туда, где холодно до дрожи.
А в памяти бегут те двое под дождём,
похожие на нас. Ну разве что моложе.

[1] Разочарование (итал.)

POST MORTEM[1]

Ты когда-то сказала: «Умри!» – и на тысячи лет
я в угоду тебе окопался в бездонной могиле.
Там я смог позабыть этот Богом заброшенный свет,

и меня, разумеется, все, кому надо, забыли.

В этой чёрной постели, куда не доносится звук,
я шептал поначалу кому-то слова покаянья.
Это было похоже на вечность, на замкнутый круг,
состоящий из невыносимой тоски и страданья.

А потом я молчал и со страхом глядел в темноту,
одиночество чёрной рукой зажимало мне губы.
Сорок дней оно было со мною на этом посту,
но затем, наигравшись, оно покатилось на убыль.

Где-то там надо мной бушевали ветра и дожди,
заметало снегами продрогшие в зиму пределы.
И уже ничего не стучало в холодной груди,
и до внешнего мира покойнику не было дела.

Ты однажды сказала: «Умри!» – и я, видимо, смог.
Прошагал до конца эту повесть и эту дорогу.
Ведь когда-то давно создала меня ты или Бог.
И убить меня тоже под силу тебе или Богу.

[1] После смерти (лат.)

ЮГ

Привет, мой юг, забытые моменты.
Но помню мост и встречи под мостом.
Нелепое волненье, сантименты,
душевный диалог с твоим отцом.

Он запретил нам видеться. На деле
мы были вместе с наступленьем тьмы.
Мы многое могли, но не сумели
остаться теми скверными детьми.

Теперь ты где-то – я не помню город –
идёшь ва-банк, считая жизнь игрой.
А я же, докурив, поправлю ворот
и пожелаю счастья. Не со мной.

SUMMA SUMMARUM[1]

Уже всё сказано, и я теперь пишу,
протоколирую тебя в стихах и прозе.
Я доверяю теперь лишь карандашу
и ежедневнику. И высушенной розе.
Сегодня тихо: дождь закончился вчера.
Он две недели поливал не уставая...
А мне ещё четыре строчки до утра,
три сигареты и совсем немного чая.
С чего я начал, тем и кончил. Извини
за то, что было между этим. Если было.

Теперь мы снова беззащитны и одни,
и, я надеюсь, это будет нам по силам.

[1] Окончательный итог (лат.)

ИДЕАЛ

Хорошо, что ты есть на свете,
мой придуманный идеал.
Что не зря я все строчки эти
для тебя в тишине писал.

Что, быть может, и незнакомы,
но встречаемся мы порой –
возле станции, возле дома,
возле старой кафешки той.

Без тебя бы не стало смысла
проживать этот злой февраль.
Без тебя бы меня изгрызла
неразгаданная печаль.

И на белом, как снег, конверте
чей бы адрес я написал?
Хорошо, что ты есть на свете,
мой придуманный идеал.

***
В ночи город станет тише –
уснёт, темнотой объят...
Мы встретим рассвет на крыше,
как тысячу лет назад.

Мы будем, дойдя до края,
смотреть на огни в домах.
И пусть высота пугает,
нам станет неведом страх.

Лишь только заря лучами
земле передаст привет,
мы будем болтать ногами,
усевшись на парапет.

Как ангелы или боги,
парящие над землёй,
всему подведём итоги
и всё разрешим с тобой.

А после вернёмся к этим,
что ищут внизу себя,
чтоб где-то на белом свете
опять всё начать с нуля.

30

Уже темнеет, я вычёркиваю день –
ещё один – из нескончаемого списка.
Переживаю постепенно возраст риска
и перебарываю раз за разом лень.

Веду дневник и в нём записываю сны.
Они о прошлом – о далёком и не очень.
Мой ангел, видимо, напомнить что-то хочет.
Зачем иначе сновидения даны?

Но я и так немало помню; и балкон,
и вид на площадь и на барельефы ЗАГСа.
Петля истории, и словно смена галса –
передо мной маячит первый Рубикон.

Перехожу его, и мой античный рай
на много лет вбивает в грязь средневековье,
где книжки Брэдбери лежат у изголовья,
а за окном всегда царит собачий лай.

Собаки грызлись постоянно, каждый день,
от делать нечего, от неизменной скуки.
И на себя порой накладывали руки,
предпочитая раз за разом свой ремень.

Я тоже в стае пробежал немало вёрст,
я грыз кого-то, и меня частенько грызли.
Но не терялось никогда движенье мысли –
я ощущал в себе неумолимый рост.

…Но галс сменился, да и новый Рубикон
возник немедленно, как чёрт из табакерки.
И не собакой, а шакалом в белой клетке
я вспоминал уже потерянный балкон.

Сквозь смех и слёзы, бормотание врачей,
сквозь звон бутылок и огни реанимаций
я, словно римлянин, отыскивал свой Лаций
в холодном обществе неоновых ночей.

И память верная была ко мне добра,
в ней было всё, что только нужно человеку,
ведь я не к этому – к тому стремился веку,
хотя для нового уже была пора.

А в этом новом жизнь бежала всё быстрей,
не оставляя даже миг на промедленье.
И вновь загадочное перевоплощенье –
шакал почувствовал себя царём зверей.

Средневековье отошло на задний план,
античный рай вернулся в прежние пределы.
Я всё творил, чего душа моя хотела,
я воплощал любой талант, что был мне дан.

С минувшим радостно обрушив все мосты,
я шёл вперёд по головам неумолимо,
и я считал себя навек неуязвимым,
пока в моей судьбе не появилась ты.

Ты, словно ведьма, что лелеет колдовство,
своими чарами мой покорила разум.
Я это понял, к сожалению, не сразу,
с твоею магией почувствовав родство.

Я обнимал тебя, но за твоей спиной
уже маячил чёрный демон расставанья.
Он мне оставил только лишь воспоминанья
о том, что я считал доступною мечтой.

Затем всё рухнуло, и вот среди руин
я равнодушно отряхнул себя от пыли,
и прочь оттуда, где когда-то мы любили,
я пошагал в эпоху новую. Один.

…Уже темнеет, я вычёркиваю день –
ещё один – из нескончаемого списка.
А облака плывут торжественно и низко,
и этот город превращается в их тень.

DOLORE'

Мы встречались в метели и грозы,
погрустить ни о чём, просто так.
Я дарил тебе белые розы –
безнадёжно влюблённый дурак.
Белый цвет, чистота и невинность,
был намёком – ты мой идеал,
ты – любовь, что до этого снилась,
и которой я всё бы отдал.
Вдохновляясь твоими глазами,
я общался с искусством на ты.
До сих пор я болею стихами,
разве что ненавижу цветы.
Эти лживые белые розы –
что осталось в итоге от них?
Проза жизни, печальная проза
с кинолентой кошмаров ночных.
Предсказуемо? Да, но жестоко
расправляется время с мечтой
то ли волей какого-то рока,

то ли просто играя со мной.

'Боль (итал.)

ЭТОЙ НОЧЬЮ

Мне снилось этой ночью, будто я
люблю тебя как прежде – безнадёжно,
люблю тебя, как я любил тогда,
когда мы были больше, чем друзья…
Я просыпался в сумерках тревожных,
и вдалеке шумели поезда.

Весь этот сон я помнил наизусть,
ведь он со мною рядом каждой ночью,
и, видимо, – так будет всё и впредь.
И сны, и явь – спрессованная грусть.
Что станет точкой вместо многоточий?
Чтоб всё забыть, мне нужно умереть.

Любовь живёт три года? Это чушь,
она бессмертна так же, как и память,
как этот разгоревшийся рассвет.
Пришла весна, и вдоль холодных луж
последний снег не прекращает таять.
Тебе через неделю тридцать лет…

AMBO VALENTIA'

Играла ты, мне кажется играла...
Но я и сам был рад порисковать,
когда в углу наскучившего зала
я образ твой срисовывал в тетрадь.

В нём ощущалось что-то колдовское,
и это дополняло красоту.
Я всё водил неопытной рукою
по быстро почерневшему листу,

затем добавил крест, ещё зачем-то
добавил своё сердце у креста.
Игральной картой с этого момента
мы улыбались из границ листа.

И ты играла, ты всегда играла,
а я и рад был стать твоей игрой.
Но и тогда я знал, что слишком мало
и слишком много просто быть с тобой.

Ведь дама треф червонного валета
не пощадит, когда настанет ход.
Любовь почти всегда амбивалентна,
и я всё это видел наперёд.

'Обе силы (лат.)

ЛЕТО ГОСПОДНЕ

АВГУСТ-ОКТЯБРЬ

Города цвета сепии в августе ждут вестей
о скитальце, что родом из порта пяти морей.
Он себя до сих пор не нашёл, потеряв когда-то.
Его тень удлиняется снова в лучах заката –
обещался приехать в один из осенних дней.

Да, он исколесил миллионы чужих дорог,
не встречая своей… И, наверное, только Бог
точно знает, где можно её отыскать бедняге.
Хорошо, что с собой карандаш и гора бумаги,
километры пути превращать в километры строк.

…Жизнь проносится мимо за окнами поездов.
Там какие-то люди стареют в объятьях снов,
там бушует листва и пасутся себе коровы.
То ли истина жизни, а то ли её основа,
что доступна тому, кто состариться в ней готов.

Но до этого долго, а значит, стекло и сталь
и асфальт устремляются вновь в голубую даль.
Город N принимает гостей на пустом вокзале.
А скиталец привык, что его не особо ждали,
да и в долгой дороге уже растерял печаль.

Он идёт в никуда, как и всякий последний раз.
Бесконечная жизнь отражением чьих-то глаз
обгоняет его в серебристом автомобиле.
Хорошо жить, когда о тебе все давно забыли,
с неразгаданным прошлым навек обрывая связь.

Вот и листья в лицо, словно осень кричит «привет»,
вот и вновь фонари у скамьи зажигают свет,
и куда-то исчезнут прохожие на мгновенье…
Я иду в никуда, повторяя без сожаленья:
«Только Август-Октябрь запомнят твой силуэт,
вечный странник…»

ЯНВАРЬ

Ночные окна и балконы,
безмолвно падающий снег,
и ты – всего лишь человек,
отбившийся от легиона
прохожих, толп, очередей, –
на небо смотришь отстранённо

и видишь, как она огромна,
та жизнь, что сделалась твоей.
В ней перекручены узлами
работа, скорость, боль обид,
обед с какими-то козлами,
семья, дежурный суицид
по воскресеньям, тяжесть быта,
ловушка мнимых перспектив...
Но жизнь другая не забыта,
и слышен вновь её мотив
над этим городом и снегом,
над этим суетным мирком.
Ты возвращаешься в свой дом
каким-то новым человеком
и начинаешь всё сначала,
с минувшим обрывая связь,
как будто стряхивая грязь,
что эти годы прилипала.

DUM VIVIMUS VIVAMUS'

Моя должность в унынии – академик.
Мне всегда не хватает любви и денег,
дни проходят тоскливо и вхолостую.
Да и бог с ним, зато я пока рифмую.

Моя муза ещё не ушла к другому.
Она варит спагетти, когда мы дома,
рассуждает о вере, читает мысли –
не даёт застрелиться в каком-то смысле.

Мы, наверное, с ней неплохая пара –
и она молодая, и я не старый.
Так и жить бы, но что-то уже приелось
проверять и её, и себя на верность...

Я сменил сто профессий за эти годы;
делал сайты о снах и капризах моды,
ритуальные ленты на случай смерти,
типа "Вечная память. Жена и дети",

был фотографом, критиком, активистом,
депутатом, редактором, журналистом...
И пора бы завязывать, как казалось.
Но ещё не торопится в гости старость.

Значит, буду и дальше бежать по кругу,
от себя убегая. И крутит вьюга
за окном то ли снег, то ли эти строчки,
что дошли наконец до последней точки.

' Будем жить, пока живётся (лат.)

МАРК ЛИЦИНИЙ КРАСС

"К каждому человеку на этой земле
Смерть приходит рано или поздно"
Томас Маколей
Песни Древнего Рима

Жара, песок и скорпионы –
твой личный ад.
Опять бунтуют легионы,
хотят назад.

Но этот путь бесперспективен –
вокруг обстрел.
Непрекращающийся ливень
парфянских стрел.

Назад заказаны дороги,
повсюду смерть.
Объединились сами боги
тебя отпеть.

Они давно предупреждали,
ты не внимал.
На острие восточной стали
грядёт финал.

Что не хватало триумвиру?
Каких побед?
Ты прошагал почти полмира
на склоне лет,

непримиримый враг Помпея
и Спартака.
Но вот дрожит, врага жалея,
твоя рука.

То боги или просто старость
берут своё?
И лишь мгновение осталось
на всё про всё.

Ты был богаче всего Рима,
но смертный час
придёт ко всем неумолимо,
великий Красс.

МЫ ПОВТОРЯЕМ...

Мы повторяем чью-то жизнь и чью-то смерть,
мы повторяем, не задумываясь даже...
В итоге нового никто уже не скажет,
хотя бы старое произнести успеть.

Как ни крути – ничто не ново под луной.
И потому все зарифмованные чувства
(как и любое современное искусство)
перескажи двумя словами: "Я живой".

ТЕНИ

Тени являются, тени сгущаются, тени плывут
прямо в сердечко, надеясь найти там приют.
Множество лет воскресают они по ночам,
пищу давая коротким и грустным стихам.

Тени являются, тени сгущаются, тени кричат,
словно весь мир уже ими навечно объят.
Ноги поджав и за голову взявшись, притих,
чтобы случайно не сделать реальными их.

Тени являются, тени сгущаются, тени во мне –
пьют мою душу неспешно при полной луне.
Только рассвет их разгонит по разным углам,
делая то, что не сделал ни разу я сам…

Годы проносятся, словно почтовый экспресс.
Где ты, мой ангел, куда ты бесследно исчез?
Разве не видишь? Я в прошлом увяз с головой.
И только тени останутся рядом со мной.

AD SE IPSUM'

Уснуть бы –
и снова в дошкольники,
в совсем позабытые годы,
где ждут подмосковные дворики,
где запах листвы и свободы.
Где всё поразительно искренне,
есть место надежде и чуду…
Где не рассуждаешь об истине,
её обретая повсюду.
Где суп и украдкою сладости
с домашним компотом на третье.
Не думая вовсе о старости,
ты там ощущаешь бессмертье.
Но годы проходят, взросление
всё больше тебе интересно,
а в юном своём поколении
тебе уже душно и тесно.
И думаешь трепетно – «вырасти
скорей бы, скажите мне средство».
Небесной не чувствуя милости
в коротких мгновениях детства.

' К самому себе (лат.)

ВСЕГО ЛИШЬ СТИХИ

Это всего лишь стихи? Конечно.
Это всего лишь игра в слова.
Пусть и не так уж она нова,
но она будет с тобою вечно.

Это всего лишь стихи, всего лишь
эхо от залпов душевных битв.
Строки, которые ты запомнишь
лучше, чем строки своих молитв.

Это всего лишь стихи, но всё же
именно им и дано спасти
тех, кто не может сойти с пути,
но и идти никуда не может.

В чёрной вселенной горячий свет,
летящий тебе вослед…

ЗЕРКАЛА

Усталый взгляд из глубины стекла
едва мерцает в полумраке ванной.
«Я убегу от этой жизни странной.
Меня запомнят только зеркала».

Усмешку выдаёт в стекле двойник,
но тут же хмуро поднимает брови.
Он помнит бритву и потоки крови.
И шрам на шее, что тогда возник.

Ещё не время. Пьеса всё идёт.
Чьи мне сегодня выпадают роли?
Последняя приелась мне до боли –
князь Мышкин, а вернее, идиот.

…Любовь сидела во втором ряду,
а в первом роковая увлечённость.
Пропали обе. Вот такая новость.
«Эй, постановщик, да и я пойду...

Я убегу от этой жизни странной.
Меня запомнят только зеркала».
И мой двойник из глубины стекла
слегка кивает в полумраке ванной.

CONTRA SPEM SPERO'

Иванов… Он и Бога, и чёрта
признаёт. Иванов не дурак.

Он у храма толчётся по чётным,
по нечётным стремится в кабак.
Мы тут все иногда Ивановы,
жизнь даётся единственный раз…
Почему же от Божьего слова
мне так холодно стало сейчас?
То ли осень готовит мне ложе,
то ли просто лишился я сил…
И молюсь: – Упаси меня, Боже.
От меня самого упаси.

'Надеюсь вопреки надежде (лат.)

DEI GRATIA[1]

Пока глаза ещё открыты, и пока
в ушах задумчивая песня городская,
к перу всё тянется и тянется рука,
от новых строчек о Тебе не уставая.
Не знаю, сколько мне ещё отведено,
но я о нашем договоре не забуду.
И если бедствие для чуда мне дано,
я сотворю Тобой задуманное чудо.

[1] Божьей милостью (лат.)

НЕВЫНОСИМАЯ ТЯЖЕСТЬ БЫТИЯ

Столько лет ненайденные смыслы
палачами входят в каждый сон...
Кто меня в философы зачислил?
Их и так тут целый легион.

А вот нет. Живу и размышляю,
целый мир в сознании храня,
как и прежде, ничего не зная,
разве что о скорби бытия.

Эта скорбь чертовски многолика:
то она идёт со мною в храм,
то она гуляет лунным бликом
по моим зачёркнутым стихам,

то забытой девочкой из детства
проплывает в полночь за окном...
И не знаю я такого средства,
чтоб она забыла этот дом.

Обречён способный к размышленью -
лучше, как и все, сойти с ума
или приближать своё забвенье
за бутылкой крепкого вина.

Бог повсюду, а увидеть где бы?
И шепчу в навязчивом бреду:
«Забери меня к себе на небо,
а иначе сам к тебе приду».

Всемогущий лишь молчит на это,
Знает: дотерплю остаток дней.
Тяжело идти с крестом по свету,
бросить крест – гораздо тяжелей.

ЭТИМ ОКНАМ

Я вернул этим окнам былой должок.
Ты один остаёшься теперь, дружок,
в этом городе, где за твоим окном
ночью будет светлей, чем днём...
Будет рокот машин, пешеходов гул,
чтобы ты до полуночи не уснул,
и деревья вдали, где тенистый парк,
заскрипят вновь, что всё не так...
И неон, отражаясь от всех витрин,
растолкует тебе, что как перст один
ты идёшь в никуда и твоя звезда –
лишь далёкий осколок льда...

Я вернул этим окнам былой должок.
Ты один остаёшься теперь, дружок,
в этой осени, где до густых снегов
остаётся лишь пять шагов...
Прошагай за меня этот вязкий путь
и не вздумай, как я, никуда свернуть.
Дотяни до конца, донеси свой крест
до невиданных прежде мест...
Там и встретимся, если на то пошло.
Там помянем с тобою добро и зло,
и вино, и вину, что связали нас
в невесёлый, но в добрый час...

DECADENCE[1]

Я призываю в эти окна свет,
и он сюда приходит каждый вечер.
Когда-то, помнишь, здесь горели свечи –
теперь их нет, и много чего нет.

Но суть не в этом... Данная потеря
не так страшна для нашей суеты.
У Времени свои замки и двери,
и это куда лучше знаешь ты.

...Свернёшь налево, а потом направо,
приобретёшь бессмысленный журнал,

поешь какой-то дорогой отравы,
заскочишь по дороге в кинозал,

затем вокзал – тебя заждался поезд.
Захочешь спать, уже сомкнёшь глаза,
но прошлого и будущего помесь
поднимет веки и вернёт назад.

Заставит думать (только бы не это!),
глядеть на мир, бегущий от ночей...
И плакать от искусственного света,
поскольку от него ещё темней.

[1] Упадок (англ.)

ВЧЕРА

Так она и кончается – цепь под знаком «вчера»,
и верёвочке, знать, уж недолго виться.
После холода, друг, не придёт жара,
и забудем с тобою, кому молиться.
Как родных ни буди, всё равно мертвы.
Как ни жми на педаль, набирая скорость,
не обгонишь ни чаек, ни шум листвы,
даже собственный свой
безутешный голос.
Потому, в этот мир приходя пустым,
и уходишь пустым, прирастая к суше.
А душа превращается в белый дым,
поднимаясь туда, где ей будет лучше...

КОГДА НА ОКНАХ ОСЕДАЕТ СНЕГ...

Когда на окнах оседает снег,
всё тот же взгляд тревожит мостовую.
Всё та же боль, всё тот же человек
пытается пойти на мировую
с безвременьем или с самим собой –
неважно, ибо то и то – пустое.
И снег кружит над белой мостовой,
и нет покоя...
...
Снежинки тают в воздухе, но те,
что всё-таки даруются асфальту,
скрываются в вечерней темноте
под тихое и нежное контральто.
Певица на двадцатом этаже,
как жизнь свою, заучивает ноты,
перебирая в памяти мужей,
гастроли, числа, прочие заботы.
И иногда выглядывая вниз,
она вдруг обречённо понимает,

что снег в какой-то мере тоже жизнь,
и, как и жизнь, беспрекословно тает.
...
Когда на окнах оседает снег...
Так тихо всё, и как же всё пустынно.
И лишь секунды продолжают бег
на циферблате жизни. Очень длинной.
Так, слыша ближе к ночи бой часов,
идёшь проверить, все ль уснули дети.
И, слава Богу, стук твоих шагов
отчётливей звучит, чем голос смерти.

МНЕ БЫ...

Мне бы времени малую толику...
В Красноярске или Уфе
я сидел бы за белым столиком
в придорожном пустом кафе.

И, отбросив газету в сторону,
я бы молча смотрел, как снег
за окном засыпает поровну
век двадцатый и этот век.

Далеко от столиц, движения,
от каких-то извечных дел...
Я из чашки бы пил терпение
и прозрение вилкой ел.

А затем бы пошёл по городу
через стёкла, бетон и сталь.
И, задумчиво гладя бороду,
я бы снова мальчишкой стал...

СТАРОСТЬ

Море, бессонное море и белый песок,
ручка, открытка и мятый тетрадный листок.
Чайка уносится в небо и делает круг,
чтобы вернуться в тепло ненавязчивых рук.

Люди на пирсе гуторят о чём-то своём.
Старый моряк с почерневшим от зноя лицом
громко смеётся, мотая огромный канат.
Скоро всё стихнет, и здесь воцарится закат.

Кажется, в прошлом, уже и не помню каком,
где-то был мой неуютный бесформенный дом,
где-то работа была и, быть может, семья.
Это был кто-то другой, ну конечно, не я.

Странно и думать о чём-то таком на песке,
волны рисуя на мятом тетрадном листке,
глядя, как небо сродняется с ними вдали
и уплывают куда-то на юг корабли...

Я ПОМНЮ

Я помню снег и очень тусклый свет,
несовременный дом через дорогу
и тех жильцов, которых больше нет,
и тех живых, которых не так много.

Я помню все деревья, ветки все,
что там плясали сонными тенями.
А вот твой голос позабыл совсем,
и это меня мучает ночами.

В который раз я прихожу сюда
и что-то говорю себе, руинам...
И постигаю слово «никогда»,
что прежде я считал
непостижимым.

Пусть все ответы вряд ли отыщу,
но в жизни остаётся место чуду.
Даст Бог, я всех когда-нибудь прощу.
Прощу, пойму, а главное – забуду...

ОРАКУЛ

О, мой оракул, ключ моей судьбы,
ты за меня по-прежнему в ответе.
Там за окном всё множатся гробы,
но я живу, ещё живу на свете,
пока ты есть, пока взаимосвязь
моя с тобою не истлела прахом…
Я слов твоих изысканную вязь
перевожу с волнением и страхом.
Ты знаешь всё о людях и богах,
о времени ушедшем и грядущем,
о боли, пламенеющей в сердцах,
и о надежде, всё ещё живущей.

…Так и сегодня, жизнью удручён,
спешу тебя спросить, как очевидца,
спешу узнать – виновен ли я в чём,
и если да, когда же мне простится?

Задам вопрос и получу ответ,
а вместе с ним простое осознанье,
что невиновных не было и нет…
И в этом вся проблема мирозданья.

Я поклонюсь тебе и выйду прочь,
всё повторяя эту мысль простую.
Мне отзовётся еле слышно ночь, –
Не принимаю, но не протестую.

ТЫ ВНОВЬ ОДИН…

Ты вновь один. Запутывая след,
идёшь навстречу вечеру и ночи,
а за спиной уже так много лет,
что даже вечность сделалась
короче.

Вокруг не те и в памяти – не те.
Да и в грядущем та же панорама.
Ты вновь один в безликой пустоте,
шагаешь не пойми куда упрямо
среди деревьев, пластика, стекла,
вдоль переулков без конца и края…
Здесь жизнь твоя куда-то утекла,
как вдоль бордюра речка дождевая.
Её ли ищешь, с ней ли говоришь,
который год считая километры?
Ведь не ответит, разве только лишь
напомнит о себе порывом ветра.
И ты замрёшь, и всё вокруг замрёт
лишь на одно короткое мгновенье,
но после мир продолжит свой полёт,
а ты уйдёшь во тьму. Без сожаленья.

ДРАМАТУРГИЯ

Подписано в печать 14.05.2018 г.

Формат 60×90/16.

Тираж 500 экз.

Заказ № 1165.

Отпечатано в ООО «Издательство «Граница»

123022 Москва, улица 1905 года, д. 7, стр.1

Тел.: +7 495 137-99-90, + 7 495 971-00-75

E-mail: granica_publish@mail.ru

http://granicagroup.ru